

European Scientific e-Journal

ISSN: 2695-0243

ISSUE 1 (7)

EASTERN EUROPEAN HUMANITARIAN COLLECTION
OF MINI MONOGRAPHS

EU, Czech Republic, Ostrava-Hlučín

ISBN: 978-80-907957-6-1

DOI: 10.47451/col-01-2021-007

GLOBAL SCIENCES IN THE NAME OF HUMAN DEVELOPMENT

EUROPEAN SCIENTIFIC E-JOURNAL

ISSN 2695-0243

DOI 10.47451

ISSUE 1 (7)

EASTERN EUROPEAN HUMANITARIAN COLLECTION OF MINI MONOGRAPHS

DOI 10.47451/col-01-2021-007

“Anisiia Tomanek” OSVČ

EU, Czech Republic

2021

Eastern European humanitarian collection of mini monographs. Collection of Scientific Articles. European Scientific e-Journal, 1 (7). Hlučín-Bobrovníky: “Anisiia Tomanek” OSVČ, 2021.

Восточно-европейский гуманитарный сборник мини-монографий. Collection of Scientific Articles. European Scientific e-Journal, 1 (7). Hlučín-Bobrovníky: “Anisiia Tomanek” OSVČ, 2021.

ISSN 2695-0243

ISBN 978-80-907957-6-1

Chief Editor of the Issue

Yuri Velikanov

Full Professor, Doctor of Technical Sciences

Director of the North-West Research Institute of Cultural and Natural Heritage

Chief Reviewer of the Issue

Igor Orlov

Professor, Doctor of Political Sciences

Director of the Issue

Anisiia Tomanek

Master of Social Sciences and Cultural Studies

Table of Contents

Section 1. History

- Lebedev, S.V.* The struggle for the North-Western Region. Russian-Polish confrontation in Lithuania and Belarus (1795-1862) (in Russian) 5
- Lebedeva, G.N.* HOMO ACADEMICUS. Part I. Scientific and public organizations of the Russian Empire: between state responsibility and private initiative (in Russian) 58

Section 2. Heritage

- Buychik, A.* The formation of klironomical thinking in the system of the social outlook (in Russian) 103
- Nosan, T.M.* Regional features of traditional embroidery of the North-West of Russia (Leningrad, Vologda, Novgorod and Pskov regions) of the late 19th and early 20th century) (in Russian) 149

Оглавление

Раздел 1. История

Лебедев, С.В. Борьба за Северо-Западный край. Русско-польское противостояние в Литве и Белоруссии. 1795-1862 годы 5

Лебедева, Г.Н. НОМО АСАДЕМІСUS. Часть I. Научные и общественные организации Российской империи: между государственной обязанностью и частной инициативой 58

Раздел 2. Культурное наследие

Буйчик, А.Г. Формирование клирономического мышления в системе общественного мировоззрения 103

Носань, Т.М. Региональные особенности традиционной вышивки Северо-Запада России (Ленинградской, Вологодской, Новгородской и Псковской областей) конца XIX – начала XX века 149

DOI: 10.47451/bis2020-12-005

EOI: 10.11244/bis2020-12-005

Sergey V. Lebedev

Full Professor, Doctor of Philosophical Sciences

Head of the Department of Philosophy

High School of Folk Arts

St Petersburg, Russia

E-mail: serviceb@list.ru

ORCID: 0000-0002-7994-2660

The struggle for the North-Western Region. Russian-Polish confrontation in Lithuania and Belarus (1795-1862) (in Russian)

Abstract:

Although 225 years have passed since the third partition of the Polish-Lithuanian Commonwealth, after which Poland as a state disappeared from the map of Europe altogether, this historical event has not ceased to be relevant. The territorial component of the former Grand Duchy of Lithuania, which was part of the Polish-Lithuanian Commonwealth with some autonomy since 1569, is analyzed. The author of the article examines the most difficult question of the history of Lithuania and Belarus in the framework of the Russian-Polish confrontation. The article presents historical facts that are not popularized, but are extremely important for the critical analysis of political and cultural processes that took place in the North-Western Region in the 19th century. The author concludes that the persistent and ongoing struggle with varying success did not end with the victory of one of the parties, but only with the fact that the Polish side lost more, having lost a significant part of its influence on the inhabitants of the region.

Keywords:

North-Western Region, Lithuania, Belarus, Russian Empire, Kingdom of Poland, Grand Duchy of Lithuania, Szlachta, Vilna, St Petersburg.

Сергей Викторович Лебедев

профессор доктор философских наук.,

зав. кафедрой философии

Высшая школа народных искусств (Академия)

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: serviceb@list.ru

ORCID: 0000-0002-7994-2660

Борьба за Северо-Западный край. Русско-польское противостояние в Литве и Белоруссии. 1795-1862 годы

Аннотация:

Хотя прошло 225 лет с третьего раздела Речи Посполитой, после которого Польша как государство вообще исчезло с карты Европы, это историческое событие не перестало быть актуальным. Анализируется территориальная компонента бывшего Великого княжества Литовского, которое с 1569 года входило в Речь Посполитую, обладая некоторой автономией. Автор расширенной статьи рассматривает сложнейший вопрос истории Литвы и Белоруссии в рамках русско-польского противостояния. В статье приведены исторические факты, которые не популяризируются, но являются крайне важными для критического анализа политических и культурных процессов, проходивших в Северо-Западном крае в XIX веке. Автор приходит к заключению, что упорная и ведущаяся с переменным успехом борьба закончилась не победой одной из сторон, а только тем, что польская сторона потеряла больше, утратив значительную часть своего влияния на жителей края.

Ключевые слова:

Северо-Западный край, Литва, Белоруссия, Российская Империя, Царство Польское, Великое княжество Литовское, шляхетство, Вильно, Санкт-Петербург.

Введение

Хотя прошло 225 лет с третьего раздела Речи Посполитой, после которого Польша как государство вообще исчезло с карты Европы, это историческое событие не перестало быть актуальным. Конец Речи Посполитой не стал «историей», которую с холодной отстранённостью профессионала изучают только историки. Мы вряд ли можем понять сущность событий, происходящих на территориях Польши, Литвы, Белоруссии, Украины за последние два века без учёта груза исторического наследия, оставленного прежней Речью Посполитой и, ещё в большей степени, борьбы за её восстановление. Особо подчеркнём, что речь идёт не об этнических польских землях, а о территории бывшего Великого княжества Литовского, которое с 1569 года входило в Речь Посполитую, обладая некоторой автономией.

Возникшие в ходе этой борьбы исторические мифы стали частью национального самосознания не только поляков, но и остальных жителей прежней Речи Посполитой. Само возникновение украинцев и белорусов из территориальных групп русского народа в самостоятельные «нации», с во многом искусственными языками и почти полностью моделированной историей является следствием польских политических интриг по отрыву восточнославянского населения прежней Польши с целью восстановления польской власти над ними. Зато почти полная полонизация (ополячивание)

литовцев не состоялось в значительной степени из-за стремления российской имперской администрации подорвать польское влияние в литовских землях, для чего и проводилась политика «позитивных действий», говоря современным языком в отношении простых литовцев, получивших благодаря этой политике образование, начавших создавать свою культуру и ставших нацией именно по этой причине. Только с учётом исторического наследия можно объяснить совершенно парадоксальную и самоубийственную политику Польши перед Второй мировой войной, а также и специфику польской русофобии. Причинами этой русофобии поляков являются не действительно реальные факты угнетения поляков в Российской империи, и не пресловутая Катынь, а именно обстоятельства исторического поражения Польши на востоке от реки Буг. Но при этом исторической памятью народов прежней Речи Посполитой объясняется не менее яростная полонофобия украинцев, белорусов и литовцев. Таким образом, данная тема остаётся актуальной.

Исследователи основательно изучили фактическую сторону развития территорий прежней речи Посполитой в составе Российской империи. Однако, напомним, история всегда пристрастна. И особенно пристрастна она в оценках событий именно этих земель. Националистические историки пытаются найти свидетельства своей «национальной» борьбы за самостоятельность. С точки зрения многих польских историков, в несчастьях Польши и поляков виноваты все державы вокруг. Российские историки до революции вынуждены были не замечать факты бездарного, а порой и преступного поведения высшей администрации империи в управлении западными губерниями России. Советские историки обязаны были восхвалять «борьбу с самодержавием», даже если её вели самые натуральные крепостники. Советские лидеры в 1920-30 годы, руководствуясь лозунгом «Сломать хребет русскому великодержавному шовинизму», спешно раскалывали русскую нацию, создавая новые «нации» украинцев и белорусов. Следовательно, приходилось не только ускоренно создавать особый литературный язык, но также и моделировать «историю» новоявленных «наций» в современном уже понимании. Соответственно, необходимо было «научно доказать» отдельность белорусов и украинцев. История Литовского княжества как нельзя лучше подходила для этого обоснования. В Польше, естественно, старались как можно больше удлинить историю Речи Посполитой, приплюсовав историю Литвы к польскому историческому пути. И, наконец, литовцы, испытывающие некоторые комплексы «малочисленных наций», вдохновляются себя воспоминаниями о своём великом прошлом, объявляют себя потомками

создателей Великого княжества Литовского, скромно умалчивая о том, что к данному политическому образованию их предки имеют такое же незначительное или условное отношение, как корсиканцы к наполеоновской Франции.

Таким образом, без учёта давних исторических обстоятельств в отношении земель прежней Речи Посполитой мы не можем судить о социальном, экономическом и культурном развитии четырёх стран Пост-Речи Посполитой.

1. Новые подданные России

В 1795 году был осуществлён окончательный раздел Польши. Речь Посполитая, детище Люблинской унии, прекратила существование. Россия возвратила себе русские земли Белой, Чёрной, и большей части Малой Руси. Но всё это было только началом русско-польской борьбы за эти земли. Данная борьба имеет такие последствия, как сам факт существования Украины и Белоруссии. Так что считать, что вся борьба завершилась полной победой, по факту, является чрезмерно оптимистической.

Для исследователя определённую трудность представляет несовершенство употребляемой в те времена терминологии. В частности, в прошлом достаточно широко использовались понятия «литвин». Название связано с наследием Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ). Существует более десятка применений понятия «литвин» в прошлом и настоящем. Наиболее распространённые среди них следующие:

1. Обозначение всех жителей ВКЛ независимо от этнической и религиозной принадлежности. Если же надо было подчеркнуть свою этническую особенность, то православные славяне называли себя русинами, или русскими, а язычники (а затем католики) из балтских племён назывались жмудью (от названия самого крупного из литовских племён жемайтов). Поскольку католицизм ассоциировался с Польшей, то католики как балтского, так и славянского происхождения, называли себя «поляками». Всё это приводило порой к таким самоопределениям местных жителей, как «мы литвины веры польской, а языка русского». Эти обозначения сохранились и после объединения ВКЛ с Польшей в Речь Посполитую, даже во времена Российской империи для обозначения жителей ряда уездов губерний Северо-Западного края с преобладанием католического населения вплоть до конца XIX столетия. Поскольку католики-литвины составляли меньшинство в Белоруссии, то неудивительным было стремление части литвинского шляхетства к

восстановлению Речи Посполитой, чтобы вернуть себе господство над краем. Это обстоятельство приводило к активному участию католической литвинской шляхты на территориях современных Литвы Белоруссии в польских восстаниях. Следует заметить, что литвины в Российской империи чётко отделяли себя от «короняжей» (коронников, то есть этнических поляков из земель Царства Польского).

2. После возрождения Польши в 1918-1939 годах литвинами официально назывались все жители Западной Белоруссии, независимо от языка и вероисповедания. Вся территория Западной Белоруссии и Виленщины официально именовались Срединной, Верхней и Нижней Литвой. Лишь после окончательного воссоединения Белоруссии в рамках единой советской республики понятие «литвин» стало считаться обозначением католиков, или «белорусских поляков».
3. В официальных документах Речи Посполитой и Российской империи до 1863 года не было различий между понятиями «литовец» и «литвин». По этой причине даже в научной литературе XIX века порой встречались высказывания «природные литвины» для обозначения этнических литовцев. Лишь после умирения польского мятежа 1863 года и реформ графа М.Н. Муравьёва в Северо-Западном крае окончательно утвердилось понятие «литовец» для обозначения представителя этого этноса.
4. Литвинами назывались переселенцы из Белорусских губерний, перебравшиеся за пределы прежнего ВКЛ, в частности, в Черниговскую губернию, (где и в наше время существует территориальная субэтническая группа черниговских литвинов), а также в Сибирь.
5. В настоящее время литвинами считается территориально-конфессиональная группа белорусов, исповедующих католицизм. В основном, католики проживают в Гродненской области. В силу того, что католицизм считается «польской верой», литвинов нередко учитывали в переписях как поляков. Но, в большинстве своём, католики Белоруссии остаются белорусами. Показательно, что согласно республиканской переписи 2009 года, поляков насчитывалось 294.549 человек, что составляло 3,1% населения Белоруссии. Из них только 5,38% (15.584 человека) в семье говорят по-польски. Для половины белорусских католиков родным языком является русский язык, остальные в основном беларусоязычны. Парадоксальным образом, среди «поляков» процент тех, кто считает родным языком белорусский, выше, чем среди самих белорусов. Причина понятна – «поляки», или литвины Белоруссии,

являются белорусами, отличающиеся от остальных белорусов и остальных восточных славян только своей религией.

- б. «Литвинами», или «литвинистами», называют себя активисты русофобского политического движения бандеровского типа в Белоруссии.

Итак, на землях прежней ВКЛ в XIX веке проживали: говорящие на балтском языке исповедующие католицизм литовцы, говорящие по-польски и (значительно чаще) по-белорусски, исповедующие католицизм литвины, беларусоязычные православные, обычно называвшиеся тогда русинами. Помимо этого, весьма в значительном количестве проживали евреи (т.н. «литвяки»). Они говорили на идиш и имели свои особенности жизни и быта, отличавшие от других евреев Европы. Все эти территории в Российской империи официально именовались Западным краем. Он включал в себя девять губерний: Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Минскую, Могилёвскую, Витебскую, Подольскую, Волынскую и Киевскую. При этом, как отмечается в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, «преимущественно под З[ападным] краем разумеют первые 6 сев[еро]-зап[адных] губ[ерний]» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, 1894). Эти северо-западные губернии и были ранее землями ВКЛ.

В первой половине XIX века дворяне прежних земель ВКЛ лелеяли память и традиции былой государственности. Они называли себя одновременно и литвинами, и поляками. При этом понятие «литвин» для шляхты означало только определённую местность старой Польши типа Мазовии или Познанщины. В землях ВКЛ поляки представляли собой правящее этническое меньшинство, которое в принципе могло «утонуть» в море местных народов – литовцев и белорусов. Именно этим вызвано то, что «литвины» были основной движущей силой всех антирусских восстаний и заговоров за всё время Российского владычества над этими территориями. В этнических польских землях для шляхты такого опасения не существовало. Неслучайно самый известный польский националист в истории и литвин по происхождению маршал Юзеф Пилсудский, став правителем Польши, по свидетельству его адъютанта М. Лепецкого, как ни странно для современного поляка, весьма презрительно отзывался о «короняжах» – поляках из собственно Польши, используя для их обозначения слово «привисляне». (Привислянским краем в Российской империи называлась этническая Польша).

Неразбериху в понятиях усиливали административные границы. Первоначально все присоединённые к России в 1795 году земли составили

Литовскую губернию. В 1801 году эти территории разделили на две губернии – Виленскую и Гродненскую. В состав обеих губерний входили районы с многочисленным восточнославянским населением, абсолютно преобладающим в Гродненской губернии. В 1843 году была создана отдельная Ковенская губерния, в населении которой преобладали жмудины. Понятие «Литва» сохранялось за территориями всех этих губерний. Но при этом территории т.н. Занеманья (на левом берегу Немана) которые при разделе Польши отошли к Пруссии, затем подчинялись созданному Наполеоном Герцогству Варшавскому и стали российскими только 1815 году, к «Литве» не относились хотя там проживало многочисленное литовское население.

Таким образом, балтоязычные крестьяне пока не имели этнического самосознания. Их кругозор ограничивался только соседними деревнями. Литовцы разговаривали на различных диалектах. Они не сохранили никаких воспоминаний о прошлом ВКЛ, только язык оставался исконным балтским. Чёткой границы между славянским и балтским населением тогда не было. В результате определить этнографические границы проживания литовцев белорусов и поляков было достаточно сложно.

2. Попытки интеграции шляхетства в российское дворянство

Многовековое раздельное существование Великой и Белой Руси, и господство в последней резко враждебной России польской католической элиты, невероятно осложняли естественный процесс слияния. Польское шляхетство не оставило надежды на восстановление прежнего, столь любезного ей порядка Речи Посполитой. Суть всех русско-польских взаимоотношений вплоть до 1917 года и причина всех польских восстаний и заключались в борьбе за «Литву», т.е. земли прежнего ВКЛ, и прочих восточнославянских (малороссийских) земель восточнее этнических польских земель. По иронии истории, вековечный спор за «Литву» России с Польшей принял особенно острый и кровавый характер именно после исчезновения Польши с политической карты мира.

В Петербурге достаточно долго предпринимали попытки привлечь шляхту на свою сторону. Почти все магнаты и шляхтичи получили равенство в правах с российским дворянством (кроме непримиримых эмигрантов). Многие магнаты сделали в Петербурге карьеру. Так, первым министром иностранных дел России после создания этого министерства стал князь Адам Чарторыйский. Лукавый князь, потомок старинного русского рода, который, впрочем, уже 200 лет был католическим, пользуясь дружбой с императором

Александром I, стремился постепенно воссоздать Польшу в прежних границах.

В литовских и белорусских губерниях (а также на правобережной Украине) языком делопроизводства оставался польский, в руках католической церкви оставалась вся система просвещения, а законы основывались на Литовском Статуте 1588 года.

Впрочем, основным фронтом русско-польского противостояния была культура и образование. В национальных окраинах Российской империи сохранялись местные особенности в организации школьного дела. Хотя нередко это только способствовало повышению общей культуры местного населения. Однако во многих случаях местная система просвещения способствовала региональному сепаратизму, воспитывая в местных жителях антирусские настроения. Это особенно сильно проявлялось в западных губерниях, некогда входивших в состав Речи Посполитой, где вплоть до пореформенных времён местное образование находилось в руках католической церкви, воспитывавшей в местных белорусах и украинцах русофобию и «полонизм». В Белоруссии и правобережной Украине до 1830-х годов русских школ не было вовсе. Доходило до таких парадоксов, как использование польского языка в качестве языка преподавания в православных духовных семинариях на правом берегу Днепра. В первой половине XIX века для украинца и белоруса получение образования означало принятие католицизма и добровольное ополячивание. Не случайно через несколько десятилетий после падения Польши ополячивание восточных славян шло несравненно более быстрыми темпами, чем за несколько веков пребывания в составе Речи Посполитой. Для этнических литовцев, исповедующих католицизм, в первой половине XIX века ополячивание шло особенно стремительно. Правда оставались языковые сложности в окончательном слиянии литовцев с поляками, но эта проблема оказалась решаемой благодаря развитию системы образования на польском языке. Из числа ополяченных восточных славян и литовцев вышел целый ряд вождей польского националистического движения и большинство деятелей культуры. «Полонизм» был привлекателен и для многих русских дворян в западных губерниях.

Польские католические учебные заведения в западных губерниях долгое время пользовались покровительством официального Петербурга. Центром польской культурной пропаганды стал Виленский учебный округ, попечителем которого долгое время был А. Чарторыйский. Уже в 1803 году

был открыт Виленский польский университет (в самой Варшаве свой университет был создан в 1817 году).

Строго говоря, хотя формально основанием университета считается 1579 год, когда была создана академия иезуитов, но это была преимущественно религиозная школа. В 1773-1803 гг. на базе иезуитской академии существовала Главная Литовская школа. Но только с 1803 года, с указа императора Александра I о создании университета можно говорить о создании «настоящего» университета в Вильне. Языком преподавания стал польский язык. Это было в духе царственного космополита Александра I. В России в 1803 году было 3 университета – русский в Москве, немецкий в Дерпте и польский в Вильно. В первое десятилетие своего существования Виленский университет был самым крупным в Российской империи, превосходя количеством студентов университет в Москве. Он был самым богатым среди всех российских университетов, получая от казны примерно вдвое больше остальных. Впрочем, если ранее университет был прибежищем средневековой схоластики, то теперь он стал центром польского национализма. Не удивительно, что в 1812 году, в период захвата города Наполеоном, треть студентов примкнула к польским частям Великой армии. Благодушный император Александр I предпочёл простить всех «заблуждавшихся» поляков. Университет продолжал работать. В 1815 году в университет поступил сын мелкого виленского шляхтича из-под города Новогрудок (бывший Новгородок, столица Чёрной Руси) Адам Мицкевич. Кстати, регистрируясь в официальных бумагах, будущий великий польский поэт писал своё имя как «Адам Наполеон Мицкевич». Понятно, что родившийся в 1798 году шляхтич не мог получить при крещении имя Наполеон. Указав такое имя, молодой поэт просто демонстрировал фрону. Это баловство сошло ему с рук. В период польского восстания 1830-1831 годов многие студенты примкнули к мятежникам. После разгрома мятежа университет был закрыт. Но это случилось позже, а пока университет готовил кадры революционеров.

Разумеется, попытки ополячивания не ограничивались только Литовскими территориями. Так, польские магнаты, используя благоприятное отношение императора Александра вели активную культурную работу в Малороссии. В 1805 году на Волыни был создан Кременецкий лицей, превратившийся в центр польского национализма на Украине. Содержался лицей на средства российского правительства и пожертвования меценатов. Лицей имел свою астрономическую обсерваторию, ботанический сад. В библиотеке было собрано свыше 34 тысяч томов, среди которых были

уникальные рукописные и первопечатные издания. В учебной галерее висели полотна Рафаэля, Рубенса и других выдающихся художников. Правда, происхождение этих полотен было не очень почётное – их подарил один из попечителей лицея Джевицкий, участник итальянского похода Наполеона, который стал известен тем, что промышлял в Италии грабительством картины (Бовуа, 2011). Не удивительно, что в 1830 году, во время польского восстания, поголовно все лицеисты, в том числе и волынские православные, попавшие под их влияние, примкнули к мятежникам. После усмирения мятежа лицей был закрыт.

Но если Волынь, присоединённая к России только в 1795 году и имевшая значительное польское население, ещё как-то могла считаться «польской» территорией, то польские стремления к присоединению земель, входивших в состав ВКЛ задолго до разделов, могут считаться показателями размаха политических игр польских элит. Показательным примером можно считать попытки незаметного присоединения малороссийских территорий восточнее Днепра, где всё польское со времён Хмельницкого уже исчезло.

После крушения Речи Посполитой в Киев стали переселяться польские помещики с правого берега Днепра. В результате, парадоксальным образом, Киев стал одним из крупнейших польских городов мира. Ещё в 1812 году в Киеве возникла Первая гимназия с польским языком обучения. В первой половине XIX века в культурном отношении Киев был наполовину польским городом. В университете святого Владимира большинство преподавателей и студентов также были поляками. В учебном 1838-1839 году поляки составляли 62,5% всех студентов Киевского университета. Строились католические костёлы, издавались польские газеты. В созданном в 1804 году Харьковском университете, преподавание первоначально так же велось по-польски, хотя Слободская Украина, центром которой был Харьков, вообще никогда не входила в состав Польши.

Понятно, что польская пропаганда в землях этнической Литвы и ряда белорусских уездов с преобладанием католического населения практически не встречала противодействия.

Таким образом, в польских школах, вузах, книгах и газетах открыто велась пропаганда восстановления Речи Посполитой в границах, далеко отстоящих от этнографической Польши. При этом в польско-католическом духе воспитывались молодые поколения местного русского (малорусского и белорусского) населения. В своих мемуарах А. Чарторыйский, говоря о своей деятельности на посту попечителя Виленского учебного округа, честно

признавал: «Несколько лет спустя вся Польша (имелись в виду белорусские и украинские земли, входившие в состав Речи Посполитой до разделов – авт.) наполнилась училищами, в котором польское национальное чувство могло совершенно спокойно развиваться... Данное мною направление никого тогда не поражало; только впоследствии оно возбудило против себя негодование русского общества, но тогда император ему великодушно покровительствовал... Само собою разумеется, что я воспользовался счастливым расположением государя и главное мое усилие на народное образование, которому я дал национальный характер» (Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник, 2003). Высокий уровень образования в западных губерниях только способствовал подрыву российского влияния в крае.

3. 1812 год в литовских землях

В целом стремление официальных властей империи интегрировать местную элиту в состав российского дворянства имела ограниченный успех. Это проявилось уже в 1812 году. При любой возможности ополяченные потомки ренегатов пытались силой оружия вернуть себе всю власть над православными. Когда Наполеон вторгнулся в России, то ближайшими его союзниками было польское шляхетство. Надежды шляхты казались небеспочвенными. Наполеон нуждался в плацдармах и пушечном мясе, поэтому он с охотой раздавал различные обещания, переполненные словами «свобода» и «независимость» в своих интересах. Многие польские военные после разгрома 1794 года бежали во Францию, которая в то время вела войны против всех европейских государств. Французы отстаивали идеалы революции 1789 года и боролись за охранение территориальной целостности своей страны. Польские эмигранты-шляхтичи в большинстве своём были готовы сражаться за возврат своего господства над крестьянством на землях, которые далеко отстояли от этнической Польши. Разбрасываться несколькими десятками тысяч солдат власти Франции не стали и на территории Италии, только что завоёванной генералом Бонапартом: стали формировать польские воинские части известные как легионы. Эти легионы сражались с русскими в Италии в 1799 году, усмиряли бунт негров-рабов на Гаити, воевали с партизанами в Испании.

В 1807 году после разгрома Пруссии Наполеон создал полуавтономное польское государство – Герцогство Варшавское. Это небольшое образование охватывало исконные польские этнические земли. В стране был введён Кодекс

Наполеона (кодекс гражданского права Франции), крестьяне получили свободу. Однако, она была без права собственности на землю и права покидать место жительства и своё хозяйство без ведома землевладельца, т.е. абсолютно усечённое и прогматичное, не более, чем пиар-кампания, выражаясь современным языком. Фактически сохранялась барщина, так как отказ от неё был равен риску оказаться согнанным с земельного надела. Сами поляки расценивали Герцогство как ядро будущей возрождённой Польши в границах 1772 года (до разделов), а может быть и ещё более дальних. В 1809 году Наполеон в очередной раз победил Австрию и присоединил к Герцогству территории Галиции.

Поэтому не стоит удивляться воцарившемуся среди поляков культу Наполеона, сохраняющегося до сих пор. Однако Наполеону пришлось иметь дело с поляками. Иметь государство, ограниченное лишь этническими границами расселения польской нации, было для шляхтичей оскорблением. Смыслом существования Герцогства Варшавского отчасти стала подготовка похода в Россию с целью возвращения «Забранного края» ('zabrany', так стали поляки называть западные губернии России, входившие ранее, до начала разделов в 1772 году, в состав Речи Посполитой). В русских документах отошедшие к России после падения Польши западные губернии именовались без всякой фантазии Западным краем. Позднее это край был разделён на Северо-Западный край, включавший в себя литовские и белорусские территории, и Юго-западный край – правобережную Украину. До 1772 года, т.е. до разделов, Западный край административно составлял 8 воеводств Речи Посполитой, а в польской литературе иногда писали просто о «восточных воеводствах».

Разумеется, все польские устремления к «возврату» «забранного края» вполне устраивали Наполеона. Он понимал, что поляки будут ему верны, надеясь с помощью его Великой армии отобрать у России прежние восточные «крейсы» (окраины). Однако даже сам Наполеон был удивлён прытью поляков, умолявших отправиться войной на восток. Бравый генерал Михаил Сокольниковский в начале 1812 года подал рапорт Наполеону, в котором говорилось: «поляки все готовы пролить кровь за Наполеона... чтобы освободить человеческий род от России... и навсегда преградить дорогу в Европу для империи Тьмы... Пусть великий Наполеон услышит крики и чаяния Польши. Все слои населения надеются и доверяют только мстящей руке Великого Наполеона» (Бокур, 2005).

Идея Сокольниковского, Костюшко и других поляков заключалась в том, чтобы сделать из Польши обширное государство от Балтики до Чёрного моря вдоль границы с Россией, представляющее федеративное государство, имеющее ту же конституцию, что и Польша, и находящееся под её непосредственным протекторатом, под единым управлением Великого императора. Шесть или семь герцогств должны были бы организованы таким образом: Ливонское, Полоцкое, Смоленское и т.д. Поэтому, сокращённая, скорее разрушенная, отброшенная от Балтики и Чёрного моря, отделённая от Великой наполеоновской империи воинственным Польским государством и его герцогствами, армии которых были бы всегда готовы отразить всякую агрессию, Россия была бы вынуждена отказаться от любых планов выступить против Наполеона (Бокур, 2005). Оторванные от действительные эмигранты всерьёз верили, что жители прежних «кресов» немедленно восстанут ради возвращения доброго польского пана. Сокольниковский с искренней убеждённости писал: «Все поднимут руки, чтобы содействовать победе; не останется ни одной области, от Риги до устья Днепра, которая не превратилась бы в вулкан, как только Наполеон это прикажет» (Бокур, 2005).

Наполеон не давал никаких конкретных обязательств, но двусмысленно обещал полякам, как сообщал в марте 1812 года русский агент из Варшавы, что «край их распространит он так, что обширность оно будет гораздо более, нежели каковая была при короле Станиславе» (Польша и Россия в первой трети XIX века, 2010).

Между тем, польские деятели умело действовали внутри Российской империи. Так, Михаил Клеофас Огинский, автор известного полонеза «Прощание с Родиной» (или просто полонез Огинского), после разгрома восстания Костюшко бежал за границу. Там он вёл бурную деятельность среди эмигрантов. В 1807 году он встречался с Наполеоном, которого (как, впрочем, и все удостоенные аудиенции у императора поляки) умолял срочно начать войну с Россией: необходимо вернуть «свободу Польши» (т.е. конфискованные панские имения). Но поскольку Наполеон был реалистом в политике, то он, обнадеживая поляков всякими словами, не торопился воевать с русскими. Тогда Михаил Клеофас вернулся в Россию и получил прощение. Его имения были возвращены. Более того, он стал сенатором Российской империи. Этот исторический урок пошёл впрок – Огинский понял, что против России лучше не бунтовать открыто. Он, а также князь К. Любецкий и граф Л. Плятер, представили в 1811 году Александру I проект «Положения о правлении автономным Великим княжеством Литовским», которое должно было

включать Виленскую, Гродненскую, Минскую, Витебскую, Могилевскую, Подольскую, Волынскую, Киевскую губернии, а также Белостокскую и Тернопольскую области под управлением местной польской знати. В «проекте» предлагалось управление ВКЛ поручить наместнику российского императора и административному совету из представителей местного населения под председательством наместника. Также в «проекте» определялись предметы ведения административного совета, говорилось о продолжении действия Литовских Статутов, юрисдикции Высшего Литовского трибунала как последней инстанции по всем гражданским и уголовным делам. Вопросы применения смертной казни и помилования должны были находиться в ведении восстановленного ВКЛ. Единственным официальным языком должен был быть польский язык. Как видим, речь шла о создании примерно того же, что представляло собой Герцогство Варшавское.

Император Александр этот проект отверг, но сохранил свою политику благодеяния для польской аристократии западных губерний. Это было не очень дальновидно. В 1812 году, в ожидании неизбежной войны с Наполеоном, император Александр с большой свитой прибыл в Вильну. Почти каждый день в городе давались спектакли, устраивалось сразу по несколько балов, возникали романы, порой даже кончавшиеся дуэлями или, что, конечно, значительно лучше, браками. Император внёс на устройство балов значительные суммы и так говорил устроителям: «Если вы хотите устроить праздник, то старайтесь, чтобы он вышел блестящим, потому что виленские дамы знатоки в этом деле». Именно на балу в Вильне 12 (24) июня 1812 года Александр узнал о вторжении Наполеона.

В июне 1812 года, начиная вторжение в Россию, в приказе по армии по случаю начала войны, Наполеон объявил: «Вторая польская война началась!». Первой польской войной Наполеон называл войну 1806-1807 годов против Пруссии и России, закончившуюся Тильзитским миром. Вторая война вошла в историю России как Отечественная война 1812 года.

Территории этнической Литвы были заняты уже в первые дни войны. Первым городом, занятым наполеоновскими войсками, была Ковна (Ковно). Через несколько дней Наполеон был уже в Вильне. При этом если в глубинной России завоеватели натолкнулись на всенародную войну, то в западных российских землях все было более сложно. Нельзя не признать, что Наполеон встретил в Литве достаточно массовую поддержку со стороны местной губернской элиты. Большинство шляхты с энтузиазмом встречала наполеоновские войска. Лишь некоторые аристократы, включая уже

сражавшегося с русскими и битого ими композитора Михаила Клеофаса Огинского (того самого автора знаменитого полонеза) сохранили верность присяге российскому императору.

Вильна была взята французами без сопротивления уже 16 (28) июня. Польское население литовской столицы встречало их с радостью и восторгом. «Трудно передать волнение, – вспоминала польская графиня София Шуазель-Гуфье (урожденная Финценгаузен), – которое я испытала при виде поляков, которые бежали во весь опор, сабли наголо, но с весёлым видом, махая своими флагами национальных цветов, которые я видела впервые.... При виде этих истинных соотечественников сердце моё умилилось. Я почувствовала, что родилась полькой, что сознание это вновь пробуждается во мне, слезы радости и энтузиазма залили моё лицо. Это была чудная минута, но она промелькнула как миг. Всюду царил общее опьянение. Во всём городе раздавались торжествующие клики» (Польша и Россия в первой трети XIX века, 2010). Один из восторженных шляхтичей, при виде вступающих французских войск даже умер от полноты чувств. Гораздо меньше восторга испытывало основная часть виленских обывателей и крестьян края. Впрочем, помимо восторженной графини свои воспоминания о вступлении наполеоновских войск и другие очевидцы. «Наш полк шёл в параде с музыкой во главе, но я не видел следов радости от нашего появления. Улицы почти пустые, дома и лавки закрыты, немного молодёжи на улицах и несколько сорванцов бегало вокруг наших коней, крича «виват!». Осторожность и боязнь жителей окатила нас горечью... фуражиры в пустых хатах крали и уничтожали всё, что там было», — так писал А. Розвадовский, поручик 8-го уланского полка, который первым вступил в Вильну (Артамонов, 2014). Французский генерал Арман де Коленкур вспоминал о вступлении в Вильну: «хотя двор, штаб, гвардия и все, что указывало на его [Наполеона] присутствие, обосновались там, население ровно ничем не проявляло любопытства, никто не выглядывал из окон, не наблюдалось никакого энтузиазма, не видно было даже обычных зевак» (Коленкур, 1994).

Необходимо отметить, что энтузиазм местного польского населения угас очень быстро. Грабежи и мародёрство французов сразу охладили чувства профранцузски настроенной части местного населения.

Первое боестолкновение между русскими и французами произошло 27 июня под Вилькомиром (Укмерге).

Наполеон стремился привлечь симпатии местного общества (разумеется, в то историческое время только польского шляхетства). Не случайно, первым

в Вильну вступил польский полк Доминика Радзивилла, адъютанта Наполеона, представителя знаменитой фамилии литовских магнатов. Впрочем, главной причиной перехода Радзивилла, как и ряда других польских магнатов, на сторону французов было стремление избавиться от огромных долгов, что было логичным и имеет историческую практику до сих пор. Главным комендантом города Вильны Наполеон назначил генерала Генриха Жомини, швейцарца по происхождению, который затем перешёл на сторону русских и больше полувека честно служил России. Но наряду с чисто французской оккупационной администрацией Наполеон пытался создать ещё органы власти из местных коллаборационистов. 19 июня (1 июля) 1812 года в Вильне Наполеон создал что-то вроде временного местного правительства. Официально оно называлось Комиссия временного правительства в Великом Княжестве Литовском (*Komisja Rządu Tymczasowego w Wielkim Księstwie Litewskim*). Комиссия состояла из местной знати. Вероятно, с целью найти хотя бы единственного члена, который бы относился бы к тому, что можно было назвать «третьим сословием», в состав Комиссии был введён известный астроном, профессор Ян Снядецкий из Виленского университета. Сама комиссия не имела реальной власти и полностью контролировалась французской администрацией. Католическая церковь также восторженно поддержала завоевателей. Епископ Самогитии (Жемайтии) Юзеф Арнульф Гедройц в своём послании наставникам приходов от 5 августа 1812 года предписал прихожанам необходимость повиновения своим помещикам и Наполеону.

Тем временем, власти Великого Герцогства Варшавского (марионеточного государства в Польше, созданного Наполеоном в 1807 году) поторопились провозгласить восстановление Речи Посполитой в прежних границах 1772 года. Чрезвычайный сейм Герцогства, созданный в Варшаве в связи с началом войны, 16 (28) июня провозгласил себя Генеральной конфедерацией Речи Посполитой, а Польское Королевство – восстановленным. Маршалом (председателем) конфедерации был избран князь Адам Чарторыйский, постоянным органом руководства стал Генеральный совет в составе 11 членов.

Генеральная конфедерация опубликовала воззвание к гражданам бывшей Речи Посполитой, состоявшим на военной и гражданской службе российского правительства, призвавшее их обратить свои усилия против России. В Акте Генеральной конфедерации содержался призыв присоединиться к Наполеону, чтобы скорее наступил счастливый миг, «когда братская Погоня рядом с Белым

орлом снова украсят рыцарские щиты и знамёна, когда на тучных нивах Волыни, на просторных равнинах Подолья и Украины также будут раздаваться радостные возгласы: “Да здравствует Отчизна! Да здравствует Польша!”» (Польша и Россия в первой трети XIX века, 2010).

Наполеон, впрочем, рассчитывая договориться с Россией, эту инициативу своих сателлитов не поддержал. В общем, в 1812 году никем не уполномоченные и ничем не распоряжающиеся деятели провозгласили присоединение края к другой стране – Польше. В 1941 году такие же никем не уполномоченные и ничем не распоряжающиеся политические деятели провозгласили независимость Литвы, т.к. провозглашение государственности не получило необходимую для данного типа акта поддержку в мире. В обоих случаях эти торжественные декларации не имели никакого значения.

В Вильне Наполеон издал декрет о создании вооружённых сил княжества. Разумеется, этим вооружённым силам предстояло выступить на стороне Наполеона, поэтому из французской казны было выдано 500 тысяч франков для первоначальных расходов по формированию литовского войска. Согласно декрету императора, предстояло сформировать 5 пехотных полков по 3 батальона из 6 рот в каждом и 4 кавалерийских полка по 4 эскадрона из 2 рот в каждом. Начался набор рекрутов, сопровождавшийся насилиями и произволом. Собрать войско так и не удалось. Добровольцев встать в строй под Наполеоновским знаменем было мало, да и боевые качества этих энтузиастов были невысокими. Примерно 600 литвинов из числа пленных и дезертиров из русской армии не могли составить никакой боевой единицы. Насильственная мобилизация рекрутов также натолкнулась на повсеместный бойкот. Хотя формально под ружье было поставлено 12 тысяч жителей западных российских губерний, большинство «полков» и «бригад» этих вооружённых сил существовали на бумаге.

Те немногие подразделения, которые более или менее напоминали воинские части, не проявили никаких подвигов на полях сражений. Так, например, 3-й гвардейский уланский полк из виленских поляков, сформированный бригадным генералом Яном Конопкой, литвином по происхождению из Слонима, отличившимся в войне в Испании в составе польских частей Наполеона, был почти полностью уничтожен 20 октября в его родном Слониме русским рейдовым отрядом генерал-майора Е.И. Чаплица, между прочим, поляка по происхождению. Сам генерал Я. Конопка при этом попал в плен (Артамонов, 2014). 22 пехотный полк Великой армии

под командованием Чапского, в котором также служили литвины, был разгромлен под Койдановым (недалеко от Минска).

Не менее показательные и другие цифры. Многие аристократы из числа шляхты бывшего ВКЛ поступили на службу в русскую армию. Доля офицеров польского, преимущественно литвинского происхождения, в Русской армии в 1812 году, составляла до 3,5%, т.е. около шести сотен офицеров из 17.139 человек русского офицерского корпуса. До 1814 года среди генералов русской службы 14 были польского происхождения, из которых наиболее известными были генерал от кавалерии А.П. Ожаровский, генерал-лейтенант И.Я. Пржибышевский, генерал-лейтенант Е.И. Чаплиц, генерал-майор К.А. Крейц и др. (Артамонов, 2014). В Польском и Литовском уланских полках, созданных на базе частей прежней армии Речи Посполитой, а также в Гродненском гусарском полку, среди офицеров преобладали поляки. И практически все они сохранили верность присяге.

Из литовских татар вскоре после присоединения Литвы к России был сформирован Татарский уланский полк. В 1812 году татарские уланы под командованием остзейца Карла Кнорринга (сына Богдана Кнорринга, взявшего в 1794 году Вильну) лихо действовали как партизаны в тылу наполеоновских войск.

А ведь Наполеон, да и варшавские поляки весьма рассчитывали на привлечение под наполеоновские знамена своих соплеменников. Наполеоном лично был продиктован опубликованный в «Литовском курьере» 25 июня (7 июля) призыв к русским военным из числа поляков «сорвать подлые мундиры, отомстить кровью за унижение Отчизны и плечом к плечу с цивилизованными народами навечно возвести нерушимую стену против азиатской дичи» (Артамонов, 2014). Но общее число перебежчиков за всю войну насчитывало лишь несколько десятков человек. Служебный этос русского офицера для литвинов в русском мундире оказался сильнее всех пламенных призывов о защите «цивилизации». И при этом необходимо учесть, что многие русские офицеры польского происхождения имели родственников и знакомых, которые сражались на стороне врага. Поэтому, если немалая часть литовского дворянства переметнулось было на сторону Наполеона, то служившие в русской армии сыновья этих дворян сохранили верность присяге и честно выполнили ратный долг.

Таким образом, население бывшей территории Великого княжества Литовского не встало как один под русский флаг, но и не проявило энтузиазма в отношении Наполеона. Неслучайно в Вильне он произнёс свою известную

фразу: «Эти поляки не такие, как в Варшаве». Позднее, в период своего похода на Россию, Наполеон назвал жителей Литвы «равнодушными зрителями великих событий, совершающихся вокруг них». Думается, что это определение наиболее полно соответствовало исторической истине.

В Вильне под французской оккупацией 9(21) сентября была отслужена благодарственная месса по случаю взятия Москвы, состоялся парад только что созданных литовских воинских частей. На ряде домов города развесили картины, на которых польский и французский орлы рвут на части двуглавого русского орла. Впрочем, уже очень скоро виленцы поняли, что всё меняется.

6 декабря 1812 года Наполеон, удирая от русских войск, вновь оказался в Вильне, проехав город без остановки. Вскоре Вильна была заполнена отступающей французской армией. Впрочем, это была уже не армия, а скопище мародёров, грабивших всё на своём пути, чтобы не только прокормиться и выжить, но и увезти во Францию хоть что-нибудь, что могло компенсировать их потери в кампании. Через три дня остатки французов вместе с несостоявшимся «правительством» бежали дальше на запад. Но вот показательное отношение виленских аристократов к происходившим событиям. Они в полной уверенности, что Наполеон покорит Россию, развлекались на балах. Однако, польской элите не в первый раз пришлось терять свою страну на балах. Военачальник и дипломат императора Арман де Коленкур так описывал своё прибытие в Вильну в ноябре 1812 года: «...в то время как одни мёрзли и умирали, другие танцевали на балах! Жители Вильно далеко не представляли себе ни нашего положения, ни того, что произошло, ни того, что должно было случиться» (Коленкур, 1994). Французы бросили в Вильне 20 тысяч раненных и больных, включая 7 генералов. Зато успела сбежать «Комиссия Временного правительства Литвы». Вплоть до лета 1813 года эта «Комиссия» проводила заседания в Варшаве, а затем в Дрездене. Разумеется, как и все «правительства в изгнании», она ничего не решала и ничем не руководила и вообще большинство современников просто не знало о её существовании.

В Вильну в скором времени прибыл Александр I. Своё неудовольствие поведением польской аристократии выразил очень серьёзным наказанием, отказавшись посетить бал, устроенный ради него местным «высшим обществом». Впрочем, вскоре победитель смягчился. 12 декабря 1812 года Александр I объявил полную амнистию «литвинам», которые были на стороне Наполеона. И это примечательно, т.к. литовские и польские историки

стараяются не упоминаать никаким образом о многочисленных амнистиях, которые спасали местные элиты от жёсткого наказания за постоянное метание.

4. И вновь «старый спор славян...»

Хотя всего война и оккупация продолжались лишь 5 месяцев, но последствия оказались весьма тяжёлыми для края. В результате боевых действий и разразившейся в разгар войны эпидемии погибли десятки тысяч человек. Только в одном Троицком (Гракайском) уезде погибла треть всего населения (История Литовской ССР, 1978).

Но край довольно быстро стал подниматься из развалин. Тому благоприятствовали милости и льготы, которыми император Александр осыпал западные российские владения. Экономический рост Ковенской (преимущественно литовской по населению) и Виленской (с преобладанием в населении литвинов и белорусов-католиков) был всё же не таким значительным как в остзейских губерниях. Это объяснялось отсутствием выхода к морю, тем более что устье реки Неман находилось в Пруссии. Польское дворянство не отличалось предприимчивостью, предпочитая усилить эксплуатацию своих крестьян, чем вводить технические новшества. И всё же прогресс пришёл и в застойные земли бывшей ВКЛ. По Неману стали ходить пароходы, через Ковну и Вильну прошли телеграфные линии. В 1861 году через литовские губернии прошла железная дорога Петербург-Варшава.

В глазах не только местного польского дворянства, но и немалой части русских Вильна и вообще вся Литва были частью Польши. Не случайно восторженным восклицанием «Польша!.. одно это слово сводит меня с ума от радости!..» начинается вставная новелла «Гудишки» из «Добавлений» к «Запискам кавалерист-девицы» Н.А. Дуровой, события которой происходят в Литве. Поэт Ф.Н. Глинка в стихотворении «Партизан Сеславин» 1827 года восклицал: «Вильна – польский град».

Большинство русских путешественников, описывавших своё пребывание в Вильне и Виленщине (равно как во всей Литве и большей части Белоруссии) были военными и чиновниками, которые основное внимание уделяли местным помещикам и мещанам. Литовское крестьянство вообще почти не бросалось в глаза. Та же кавалерист-девица Надежда Дурова отмечала, что крестьянин-литовец «мало чем разнится» от баранов, «с которыми живёт в одной избе» (Дурова, 1988).

Но по-прежнему земли бывшего ВКЛ оставались объектом польских претензий. Если совсем недавно в 1812 году поляки надеялись на Наполеона,

то теперь сделали ставку на воздействие отличающихся космополитизмом петербургских правящих сфер и благожелательство императора.

На территории большей части прежнего Герцогства Варшавского было создано Царство Польское (поляки называли его Королевством). Это было независимое государство, имевшее свою конституцию, армию, денежную систему и все прочие атрибуты государственности. Все налоговые сборы и доходы Царства Польского расходовались исключительно на его собственные нужды. Показательно, что русские войска, расквартированные в Царстве Польском, получали жалование золотом и были сведены к положению войск, находившихся за рубежом. Единственное, что связывало Царство с Россией, была личная уния – самодержавный император Всероссийский был одновременно конституционным Царём Польским. В качестве Наместника русского императора в Варшаве пребывал Великий Князь Константин Павлович.

Поляки, не ожидавшие этого, были поражены щедростью монарха. Когда Император приехал в Варшаву, толпа поляков распрягла лошадей из его кареты и восторженно везла его, распевая гимн «*Boże, coś Polskę...*» («Боже, который Польшу...») написанный поэтом А. Фелинским специально для встречи нового монарха Польши. С энтузиазмом поляки распевали: «Перед Твоими жертвенниками возносим моления за нашего царя». Но такие чувства продержались недолго. Гимн А. Фелинского из верноподданнического уже скоро стал гимном мятежников.

В 1818 году дважды конституционный монарх (Финляндии и Польши) и самодержец Всероссийский Александр I прибыл самолично на польский сейм, в котором произнёс речь, в которой увидели намёк на дарование конституции остальной империи. Александр I во время выступления в сейме был одет в польский мундир с орденом Белого орла. «Вы подали мне средство явить моему отечеству то, что уже с давних лет ему приуготовляю, и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут настоящей зрелости» (Эйдельман, 1970), – заявил император. Обращаясь к полякам, император сказал: «Освободясь от губительных предубеждений, причинивших вам толикие бедствия, от вас ныне самих зависит дать прочное основание вашему возрождению».

Поскольку страх за возмездие со стороны России за поддержку Наполеона исчез, то польские аристократы вели себя как хозяева, а к русскими солдатам и офицерам в Польше относились прямо как к армии, потерпевшей поражение. Много лет спустя крупный российский чиновник В.К. Войт

вспоминал: «Припомним роковое предсказание графа Остермана, когда император Александр Павлович приехал в Варшаву в 1818 году. Для открытия первого сейма и всем сделалась известна речь его, оскорбившая русское самолюбие. В Варшаве русских держали в чёрном теле, вероятно, чтобы нравиться полякам, высокомерно возмечтавшим о себе. На одном из смотров подходит Паскевич к Милорадовичу и Остерману (их тоже держали в чёрном теле в Варшаве, чтобы привлечь любовь польских генералов армии Наполеона) и спрашивает у них: “Что из этого будет?”. Граф Остерман отвечал: “А вот что будет, что ты через 10 лет со своей дивизией будешь их штурмом брать”. Он ошибся на три года» (Шильдер, 1905).

После окончания войн в польских землях начался бурный хозяйственный подъём. В 1831 году, в беседе с французским послом император Николай I с горечью перечислял всё, что имела Польша под скипетром Романовых: «...покойный брат мой (Александр I) осыпал благодеяниями королевство Польское, а я свято уважал, всё им сделанное. Чем была Польша, когда Наполеон и французы пришли туда в 1807 году? Песчаная и грязная пустыня. Мы провели здесь превосходные пути сообщения, вырыли каналы в главных направлениях. Промышленности не существовало в этой стране; мы основали суконные фабрики, развили разработку железной руды, учредили заводы для ископаемых произведений, которыми изобилует страна, дали обширное развитие этой важной отрасли народного богатства. Я расширил и укрепил столицу; существенное преимущество, данное мною польской промышленности для сбыта её новых продуктов, возбудило даже зависть моих других подданных. Я открыл подданным королевства рынки империи; они могли отправлять свои произведения далеко, до крайних азиатских пределов России... Император Александр восстановил название королевства Польского, на что не решился даже Наполеон. Брат мой оставил за поляками народное обучение на их национальном языке, их кокарду, их прежние королевские ордена, Белого Орла, Святого Станислава и даже тот военный орден, который они носили в память войн, ведомых вами и против нас. Они имели армию, совершенно отдельную от нашей, одетую в национальные цвета. Мы наделили их оружейными заводами и пушечными литейными. Мы дали им не только то, что удовлетворяет все их интересы, но и что льстит страстям законной гордости...» (Шильдер, 1997).

Но польские магнаты и шляхты не ценили эти благодеяния. И причина заключалась не в том, что польской национальной гордости было неприятно иметь монархом иноземца. В конце концов, более 400 лет Польшей правили

чужеземные династии – литовские Ягеллоны, шведские Ваза, саксонские Веттины. Главная причина недовольства польской знати заключалась в том, что «Забранный край» оставался в Российской империи. И именно борьба за Белоруссию и Правобережную Украину и составляла суть всех польских претензий. Страх, вызванный поражением Наполеона, быстро прошёл, и интриги польской элиты возобновились.

Для практически всех польских политических деятелей границы Польши, установленные Венским конгрессом, которую они презрительно называли «конгрессувкой», были неприемлемы. Стремление отобрать обратно «забранный край» стало навязчивой польской «национальной идеей». Логика в подобном стремлении была проста: Польша в своих этнографических границах, практически совпадавших с «конгрессувкой», получив независимость, будет маленьким и невлиятельным государством. Зато, расширив границы на восток, Польша сможет вновь стать великой державой.

Присоединение «забранного края» к Польше казалось вполне реальным, поскольку в западных российских губерниях вся власть принадлежала богатому польскому дворянству. Действительно, в западных губерниях Российской империи мало что изменилось со времён Речи Посполитой. До 1840 года всё делопроизводство велось на польском языке, большинство белорусов и правобережных украинцев принадлежали к униатской церкви. При этом почти всё образование в крае носило польско-католический характер, успешно превращавшим белорусов и украинцев в поляков. Курьёзно, но даже в православных духовных семинариях в правобережной Украине польский был языком преподавания. Поразительно, но после падения Речи Посполитой процесс ополячивания восточных славян, бывших польских подданных, пошёл ускоренными темпами. Так что надежды поляков на присоединение к себе Белоруссии и правобережной Украины были не беспочвенны. Впрочем, воображение польской элиты рисовало и ещё более заманчивые границы Польши «от моря до моря» (то есть от Балтики до Чёрного моря) с такими «польскими» городами, как Рига, Смоленск, Одесса, и пр.

После падения Наполеона Александр I дважды встретился с Костюшко – вождём восстания 1794 года, живой легенды польского движения. Александр надеялся убедить Костюшко вернуться в Польшу и возглавить администрацию Царства Польского. Тот был готов согласиться при условии, что в Польше будут проведены социальные реформы и восстановлена территория, достигающая на востоке рек Днепр и Двина.

Первоначально польские деятели пытались использовать доброжелательность и идеализм Императора Александра I. Под влиянием друга молодости, бывшего министра иностранных дел Российской империи, князя Чарторыйского, Александр I в 1819 году собрался было присоединить к Царству Польскому западные российские губернии. Всё это мотивировалось расширением «свободы» и «демократии». Формально всё могло выглядеть как административные изменения внутри владений российского императора. В конце концов, всего лишь в 1809 году, присоединив к России Финляндию после очередной последней по счёту русско-шведской войне, Император Александр создал конституционное Великое княжество Финляндское под своим руководством. Как и Царство Польское, Финляндия была независимым государством, связанным лишь династической унией с Россией. И чтобы задобрить своих новых подданных, император в 1811 году передал в состав Финляндии Выборгскую губернию, которая была российской со времён Петра Великого. Интересно, что Выборгская губерния в Финляндском княжестве также называлась Старой Финляндией. Позднее, именно за земли прежней Выборгской губернии ожесточённо сражались русские и финны в 1939-40 и 1941-44 годы. Аналогичный подарок рассчитывали получить и польские дворяне.

Хотя польские законы ещё не распространялись на Западный край, начались определённые преобразования, показывавшие начало слияние бывшей Речи Посполитой. В 1817 году из уроженцев Западного края был сформирован Литовский корпус в составе 2-й пехотных дивизий, 1-ой уланской дивизии и Литовской гренадерской бригады и подчинён Наместнику в Польше Константину Павловичу. Литовский корпус составлял как бы промежуточное звено между польскими и русскими войсками. Полки Литовского корпуса носили имена западнорусских городов и областей, но носили форму польского образца. Польские магнаты и шляхта не без оснований увидели в этом начало восстановления Польши в прежних границах.

Их интриги первоначально имели успех – общественное мнение России сочувствовало полякам, которые умели произносить красивые речи о «свободе». Главным союзником польских интриг было полное незнание «передовым» русским обществом, прекрасно владевшим при этом всеми последними модными теориями в области политики и культуры, истории и географии западных губерний Российской империи. В учебниках географии,

все присоединённые в период разделов Речи Посполитой территории именовались польскими.

Казалось, передача западных русских губерний под юрисдикцию Царства Польское состоится скоро. Однако вмешался великий русский историк Н.М. Карамзин, который высказал царю своё «Мнение русского гражданина», назвав так поданную императору записку, осудив ошибочный курс Александра I в отношении Польши и западных губерний России. Намерение царя восстановить Речь Посполитую вместе с её прежними владениями в Белоруссии и Правобережной Украине подрывало территориальную целостность Российской империи, разрывало только недавно, при Екатерине II достигнутое политическое единство Великой, Малой и Белой Руси. В довершение всего Россия своими руками создавало заведомо враждебное отношение к себе со стороны других государств-участников раздела Польши в конце XVIII века, вряд ли при этом надеясь надолго обеспечить себе дружественные чувства восстановленной Польши. Н.М. Карамзин высказался резко: император «исправляет раздел Польши разделом России; этим он вызовет рукоплескания, но повергнет в отчаяние русских; восстановление Польши будет или разрушением России, или русские оросят Польшу своею кровью и ещё раз возьмут штурмом Прагу» (История русской армии от зарождения Руси до войны 1812 г., 2003).

В том, что Польша в границах 1772 года не была восстановлена – большая заслуга Карамзина. Впрочем, сам историограф не переоценивал свою роль в этом деле: «Россия удержала свои Польские области, но более счастливые обстоятельства, нежели мои слёзные убеждения спасли Александра от дела, равно бедственного и несправедливого».

Потерпев неудачу при Дворе, польские деятели установили контакты с тайными обществами декабристов. В 1819 году бывший офицер наполеоновской армии Валериан Лукасинский создал тайное общество «Национальное масонство», вскоре переименованное в «Патриотическое общество», ставящее своей целью подготовку восстания для восстановления Польши в границах 1772 года. По масонским каналам Лукасинский установил связь с русскими декабристами, пытаясь создать единый фронт по разделу России. И опять единственное, что требовали поляки от декабристов в обмен на помощь – получить «Забранный край».

При описании этих событий легко впасть в теории заговора, видящих происки масонов буквально во всём происходившем в мире. Однако впасть в конспирологию не стоит. Примем к сведению то историческое

обстоятельство, что в первые два десятилетия XIX века масонские ложи существовали во всей Европе и имели свой звёздный час в России. Все декабристы были масонами. Нельзя забывать, что для масонов был характерен своеобразный масонский космополитизм. Иначе говоря, интересы своих «братьев» стояли выше интересов государства. Именно на этом и пытались сыграть польские масоны, имевшие связи и с западными, и с российскими ложами. Но в 1822 году все масонские ложи в России были запрещены. А декабризм был раздавлен 14 декабря 1825 года, и полякам пришлось искать новые пути.

Огромную роль в польском движении играли «Юдифи». Необходимо напомнить, что в Библии Юдифь – иудейка, которая спасла родной город от осады. Она отправилась в лагерь врагов, где привлекла внимание полководца Олоферна. Когда он заснул, она отрубила ему голову и принесла её в родной город. Очаровательные полячки постоянно попадают на страницы истории. Так, одной из причин поражения русских в период «варшавской заутрени» 1794 года было то, что русский генерал и дипломат Осип Игельстром был под постоянным влиянием своей пассии, графини Гонораты Залуской (кстати, замужней дамы). В её объятиях brave генерал забыл привести войска в боевое состояние и игнорировал все предупреждения о готовящемся в Варшаве восстании. Своя «Юдифь» была в Вильне – пани Незабитовская также усыпила бдительность командира русского гарнизона Арсеньева, в результате чего тот был разгромлен, а сам Арсеньев оказался в плену. В современной Польше до сих пор существует мнение, что Наполеон собирался помочь воссоздать Польшу из-за влияния своей польской любовницы – Марии Валевской. Когда же в 1815 году в Варшаву прибыл Наместник Всероссийского императора, великий князь Константин Павлович, то и тут подозрительно сразу ему на глаза попала Иоанна (или Жанетта) Груздинская. Под её влиянием Константин Павлович забросил все дела. В 1820 году он заключил с ней мorganaticкий брак. Именно этот брак стал причиной отстранения Константина от права наследования, и привело к сумятице междуцарствия в конце 1825 года. «Юдифи» стремились поймать в свои сети не только важных военных и государственных деятелей. Одной из причин поразительно низкой эффективности окончательной интеграции Западного края в состав империи было то обстоятельство, что большинство чиновников в крае были поляками. Немногочисленные русские чиновники из центральной России, поступив на службу в западных губерниях, очень быстро вступали в брак с поляками, приобретали дома и имения, заводили капиталы. И понятно, что интересы

местного шляхетства были для этих чиновников уже своими интересами. Позднее, в период восстаний, многие деятели мятежников заявляли, что золотые пули против русских действуют лучше, чем свинцовые.

Не меньше надежд возлагали на «валленродизм». В 1828 году молодой поэт Адам Мицкевич написал поэму «Конрад Валленрод». Героем поэмы был реальный исторический деятель – великий магистр Тевтонского ордена, потерпевший поражение от литовцев. Мицкевич, естественно, создал чисто поэтическое сочинение, изобразив Валленрода неким литвином, намеренно делавшем карьеру в Ордене, чтобы изнутри разрушить его. Общий посыл поэмы был таков: делайте карьеру в России, поднимайтесь по служебной лестнице, продвигая на все важные места соплеменников для того, чтобы саботировать распоряжения российских властей и разрушать империю изнутри. Результатом опубликования поэмы стал утвердившийся в русском обществе стереотип поляка как коварного и вероломного агента Ватикана. «Валленродизм» был признан одной из отрицательных черт польской ментальности. В период польских восстаний 1830 и 1863 года действительно имело место измена присяге и переход русских офицеров польского происхождения к мятежникам, а также саботаж и подрывная деятельность польского чиновничества в западных губерниях. Но «валленродизм» мог быть эффективным лишь после многолетней незаметной деятельности. Жаждавшие вновь стать хозяевами «забранного края» магнаты и шляхта ждать долго не хотели.

Как в Царстве Польском, так и в западных губерниях России, началось бурное формирование польских заговорщицких по отношению к Империи организаций, ставящих целью воссоздание Польши в границах 1772 года. В Царстве Польском эта деятельность значительно облегчалась тем, что Наместник Константин Павлович, женатый на польке и симпатизировавший польской аристократии, отличавшийся бурным темпераментом, но при этом отходчивый и доверчивый, оказался не на высоте своего положения. Константин игнорировал многочисленные донесения о готовящемся бунте в польских войсках и готовности поляков начать войну с Россией для расширения территории на востоке.

Правда, если в Царстве Польском заговорщики действовали в относительной безопасности, то в западных российских губерниях (том самом «забранном крае») власти действовали жёстко и бессмысленно. Неуклюжие действия властей только вызывали рост оппозиционных настроений среди широких слоёв западных губерний. Так, среди виленских студентов в 1817 году

появилась литературная группа «шубравцев» (буквально – прохвосты, прощельги). Они издавали рукописную «Уличную газету» и высмеивали панскую спесь, глупость и невежество духовенства, т.е. ценности шляхетской старой Польши. «Шубравцы» вовсе не были националистами. Среди членов кружка были и проживавшие в Вильне русские, например, Николай Греч, будущий соредактор официозной петербургской газеты «Северная пчела». Кстати, нахождение в рядах «шубравцев» совершенно не отразилось на дальнейшей карьере Греча. В составе общества были не только молодые шалопаи, но и почтенные учёные, например, член Комиссии в период наполеоновской оккупации профессор Ян Снядецкий.

Впрочем, довольно быстро «шубравцы» стали политизироваться. В Вильне действовали организации «филоматов» (любящих добродетель), среди членов которого был молодой поэт Адам Мицкевич, и «филаретов» (любящих науку). Эти общества были немногочисленными – филоматов было 20 человек, филаретов – 176! Однако если взять во внимание то обстоятельство, что счёт этим заговорщицким обществам шёл на сотни, то их реальная численность была значимой величиной. К 1822 году в польских антиправительственных организациях за пределами Царства Польского насчитывалось около 5 тысяч членов.

В 1822-1823 годах власти разгромили эти организации. При этом сами виленские студенты пострадали не за политику, а, если можно так выразиться, попали под раздачу. Разгром этих кружков объяснялся тем, что власти считали их масонскими организациями, не без основания. Но гораздо большее влияние на последующие события оказала жестокая расправа над молодыми болтунами. 108 человек предстали перед судом, 20 из них, включая Мицкевича, были отправлены в ссылку. Ряд замешанных в делах филоматов были отданы в солдаты. Несколько профессоров Виленского университета были уволены. Легко догадаться, что власти империи добились противоположного результата. Как отмечают современные польские историки, «Жестокость репрессий 1822-1823 гг. не соответствовала истинной роли тайных организаций. Её участники обрели ореол национальных мучеников» (Тымовский и др., 2004). В дальнейшем политика российских властей в западных губерниях будет повторять переходы от чрезмерного либерализма и уступок польским требованиям к неоправданно жестоким и необоснованным расправам за незначительные проступки. Лучшего способа создавать оппозиционные настроения трудно представить.

Осенью 1830 года, поляки попытались воспользоваться общеевропейским политическим кризисом, вызванным очередной революцией во Франции, свергнувшей династию Бурбонов. Поскольку именно Бурбоны были гарантией сохранения границ, установленных Венским конгрессом 1814-1815 годов (в том числе и границ Польши), то возникла реальная перспектива войны Франции против всей Европы. Одновременно разразилась революция в Бельгии и усилилось революционное движение в Италии. Мятежные бельгийцы отделились от королевства Нидерландов, которым принадлежала Бельгия по результатам Венского конгресса. Эти события означали нарушение всего устройства Европы, установленного Венским конгрессом. В воздухе запахло большой войной. Николай I, родная сестра которого, Великая княгиня Анна Павловна, была замужем за нидерландским наследным принцем, воспринял бельгийскую революцию не только как прецедент изменения европейских границ, но и как личное оскорбление.

Польская армия получила приказ готовиться к походу в Бельгию. Русская армия только что закончила войну с турками 1828-1829 годов, и, в основном, находилась ещё на Дунае, а большая часть вооружённых сил империи была расквартирована во внутренних губерниях. В этот момент поляки решили – теперь или никогда. Польские деятели не могли не воспользоваться подготовкой к походу польской армии, чтобы не попытаться изменить границы «конгрессовки».

17 (29) ноября 1830 года отряд заговорщиков напал на Бельведерский дворец (варшавскую резиденцию Наместника великого князя Константина Павловича). Правда, сам Наместник сумел укрыться, погибли несколько придворных чинов и польских же генералов. Одновременно мятежники овладели арсеналом и призвали варшавян к восстанию. Впрочем, население города первоначально не поддержало мятежников.

Но тут последовали события, потрясшие до глубины чувства верноподданных и до сих пор смущающие историков. Константин приказал русским войскам, находившимся в Польше, оставить территорию Царства Польского. Более того, Наместник освободил от присяги оставшиеся ему верными польские войска. Это было тем более странно, что ведь в мятеже участвовали лишь отдельные офицеры из школы подхорунжих (прапорщиков), а армия в целом оставалась верной Наместнику. И вот теперь польскую армию, освободив от присяги, словно толкнули примкнуть к мятежникам. Сам Константин с русскими войсками ушёл в пределы империи.

Польские войска взяли штурмом крепости Модлин и Замостье, разгромив малочисленные русские гарнизоны. Царство Польское перешло в руки мятежников, совершенно не ожидавших такого лёгкого успеха. Так бесславно для России началась эта война.

Однако овладение территорией Царства Польского не было целью мятежников. Не случайно сразу же после ухода Константина Павловича польское правительство тут же отправило в Петербург двух делегатов – министра финансов Царства Польского князя Ф. Любецкого и депутата Сейма графа Езерского. Они должны были просить «в восстановлении королевства в прежних владениях» (Шильдер, 1997). В виде подтверждения серьёзности требований начались восстания уже в пределах Империи. Однако Николай I отказался вести переговоры с мятежниками.

В ответ 13 января 1831 года в Варшаве было объявлено о детронизации (низложении) Николая I с польского трона. Акт о низложении Николая I нарушал всю систему международного права, установленного Венским конгрессом, подписанными всеми великими державами. Однако западные державы-подписанты не возмутились. Ослабление России их вполне устраивало, и поляки весьма подходили на эту роль, чтобы не вызывать более глобальных противостояний. Впрочем, извещение о польском бунте и оскорблении государя вызвало только патриотический подъём в России. Рекрутский набор дал неожиданно малое количество уклонистов и дезертиров.

Впрочем, война предстояла серьёзная. Польская армия насчитывала 130 тысяч человек, а им противостояли лишь 45 тысячный Литовский корпус под командованием барона Григория Владимировича Розена. Показательно, что ранее этот корпус был под верховным командованием Константина Павловича, имел польские кокарды, а среди офицеров было много поляков. Впрочем, благодаря решимости и распорядительности Розена этот корпус прославился в войне, ни разу не дав повода для беспокойства.

В Вильне в начале 1831 года был создан комитет подготовки восстания. Весной восстание началось. Повстанцы заняли почти всю территорию этнической Литвы. Из 11 уездов Виленской губернии мятеж затронул 9. Большинство мятежников относились к мелкой и средней шляхте. «Народной войны» здесь не было, да и не могло быть. Русские гарнизоны были малочисленны. В Вильне стояла всего лишь одна бригада – 3,2 тысячи человек, включая инвалидные и арестантские роты. Этих сил, впрочем, было достаточно для разгрома мятежников. Дворяне в собственно литовских губерниях, подняв восстание, не очень надеялись на поддержку своих

крепостных. Но на помощь мятежникам в Литву двинулись регулярные войска общей численностью в 12 тысяч человек под командованием генералов Антона Гелгуда и Дезидерия Хлаповского. Польские генералы объявили о создании «Временного центрального правительства в Литве», в состав которого вошли местные помещики (Г. Тышкевич, Г. Огиньский). К побережью Балтийского моря шли корабли с грузами оружия, закупленными в Англии и Франции.

Это сразу изменило характер войны. Если ранее всё это могло выглядеть как гражданская война в Царстве Польском и внутренний бунт в российских губерниях, то теперь налицо было вторжение иноземных войск в пределы России. Вторгшиеся поляки и не скрывали захватнических устремлений. Так, при вторжении в Литву польские войска демонстративно перешли Неман в том же месте, что и Великая армия Наполеона. Естественно, что и отношение к захватчикам было соответствующим. Так началось очередное вторжение с запада, почти забытое современными русскими людьми. Польские повстанческие лидеры выпустили 6 декабря (по новому стилю) 1830 года Манифест, в котором провозгласили, что восставшие ставят перед собой целью «...не допустить до Европы дикие орды Севера ... защитить права европейских народов» (Муравьёв, 2005). Оставалось понять, кто их уполномочил на такую миссию.

Объединённые силы польских мятежников вступили в Ковну и попытались взять Вильну. 7 июня 1831 года разгорелось сражение на Понарских (Панеряйских) высотах в окрестностях города. Русскими войсками командовал Дмитрий Ерофеевич Остен-Сакен, остзеец, впрочем, родившийся в Малороссии и полностью обрусевший. Бой на Понарах закончился разгромом поляков. Остатки армии Гелгуда отступили на территорию Восточной Пруссии, где были интернированы.

Во время восстания 1831 года литовские крепостные в довольно большом количестве взбунтовались не против русской власти, но против социального господства поляков. К призывам на литовском языке, распространявшимся мятежниками, крестьяне относились как к лицемерию. Призывы к восстанию составили на литовском лишь затем, чтобы сохранить польское господство над крепостными. Да и язык, на котором мятежники составляли воззвания, был польским с литовскими суффиксами и окончаниями.

Если в западных губерниях мятежники не сделали попыток отменить крепостное право, то и в землях Царства Польского, где крепостное право было отменено Наполеоном, шляхта также не желала признавать за

крестьянами равенство. Это проявилось в том, что когда весной 1831 года повстанческое правительство Польши объявило о мобилизации в армию, то от призыва в армию были освобождены войты (руководители местной администрации), а они почти всегда были помещиками. Кстати, тем крестьянам, которых удалось мобилизовать в армию, даже не уменьшили размера панцины. А раз крестьянин был в армии, то усадебные поля должны были за них обрабатывать их соседи или родственники (Срочиньский, 2020). Так выглядела «война за свободу» по-польски.

После года кровопролитных боёв поляки были разгромлены. Русские войска под командованием А.Ф. Паскевича осадили Варшаву, где скопились остатки польских войск. В Варшаву был отправлен парламентёр, предложивший полякам почётную капитуляцию. Но польский командующий Ян-Стефан Круковецкий горделиво ответил, что немедленно капитулирует только тогда, когда будет восстановлена Речь Посполитая в границах 1772 года. Даже накануне окончательного поражения польская шляхта не переставала грезить о восточных «крейсах».

26 августа, в годовщину Бородинского сражения, в котором участвовали, правда, по разные стороны фронта, почти все участники битвы за Варшаву, начался штурм. После падения варшавского района Воля сопротивление польской столицы прекратилось. Это был конец войны. Отдельные отряды поляков ещё продолжали сражаться, ставя перед собой лишь задачу прорваться на запад. Последний оплот мятежников, крепость Замостье, капитулировал 9 октября.

Польская война 1830-1831 годов была на редкость тяжёлой и кровопролитной. Русская армия потеряла 63 тысячи человек убитыми, польская – вдвое больше. В результате боевых действий и особенно холеры погибли сотни тысяч мирных жителей Польши и западных российских губерний. Дорогая цена была уплачена за добродушие Александра I и полонофильство Константина Павловича.

Остатки польской армии и десятки тысяч простых поляков бежали за рубеж. Здесь большинство из них ждало нищее эмигрантское существование. Многие бывшие солдаты и офицеры польской армии вступили во французский Иностранный легион, и отправились на колониальную войну в Алжир, где большинство из них ждала бесславная гибель. Французский командующий колониальными войсками в Алжире трогательно писал о гибели польских частей легиона: «Окружённые со всех сторон, они сгруппировались на холме, где этот храбрый отряд, составленный из солдат,

закаленных в войне с русскими держался стойко и доблестно проливал за Францию свою кровь, которую он уже не мог пролить за свободу Польши» (Брюнон и Маню, 2003). Почему-то война за свободу Польши всегда была чужой захватнической войной.

После восстания Царство Польское утратило автономию и конституцию. В западных губерниях были отменены местные законы, русский язык был введён в делопроизводство, в 1839 году была ликвидирована униатская церковь, и белорусы вернулись в православие. Польский вопрос на три десятилетия перестал быть актуальным.

Только после войны 1830-31 годов в Петербурге, наконец, задумались о необходимости полного слияния западных губерний с Российской империей. Для этого надо было покончить со всеми правовыми, религиозными и административными особенностями края. Однако встал вопрос, на кого можно было опереться российским властям. Дворянство, духовенство, интеллигенция, почти всё мещанство были враждебно настроены к империи. Оставалось только нищее крепостное крестьянство, но опереться на него властям дворянской империи было бы слишком. Польские крепостники были близкими по духу русским крепостникам.

Как это часто бывало в России, произошло метание из одной крайности в другую. Если чуть ранее само название «Беларусь» было «забито» понятием Литва, то теперь, в Российской империи, исчезло само название «Белоруссия», заменённое официальным географическим понятием «Северо-Западный край». Вообще-то «Западным краем» со времён Екатерины II именовались вновь присоединённые от прежней Речи Посполитой территории. Теперь сей «Западный край» разделили, и «Северо-западным краем» стали именовать Белоруссию вместе с исторической Жмудью (ныне – «Литва»), а Правобережная Украина превратилась в «Юго-западный край».

Земли этнической Литвы переживали медленный хозяйственный подъём. В связи с ухудшением условий хлебного рынка (прибалтийское хлеборобство не могло состязаться с украинским и кубанским хлебом) помещики начали переориентировать свои хозяйства на другие отрасли, в частности, на овцеводство, свёкло-сахарное производство. Этот процесс был медленным, так как у помещиков не было ни капитала, ни желания проводить сложную реорганизацию своих хозяйств. Поэтому помещики шли по самому простому пути – расширение помещичьего производства сопровождалось обезземеливанием крестьян. Между тем повторявшиеся из года в год неурожаи ставили их на грань голодной смерти.

И при императоре Николае I предпринятые меры свелись только к отдельным, хотя и важным, реформам. Был отменен Литовский Статут и введены общероссийские законы. Русский язык введен в делопроизводство. Во всех духовных учебных заведениях Западного края, в том числе и католических, преподавание было переведено на русский язык. В Вильне был издан католический катехизис на русском языке. Впрочем, из-за отсутствия квалифицированных кадров реализация этих мер затянулась на десятилетия после усмирения мятежа.

Также делались попытки бороться с польским влиянием в западных губерниях и на культурном фронте. В Киеве был создан русский университет Св. Владимира, Виленский университет был закрыт, а в дальнейшем, вновь открывшись, потерял польский характер, закрыт был Кременецкий лицей. 1840 году в белорусском местечке Горы-Горки была открыта земледельческая школа высшего разряда, вскоре ставшая институтом – одно из первых высших сельскохозяйственных заведений России. Однако всё это оказалось полумерами, поскольку оставшиеся учебные заведения в крае сохранили польско-католический характер. Русских школ в крае было открыто очень мало, они постоянно испытывали финансовые трудности и не смогли стать реальной альтернативой богатым и качественным школам, принадлежавшим католической церкви. Более того, многие поляки теперь отправились на учебу в российские университеты, и постепенно превратили Харьковский и Киевский университеты в центры польского движения.

При Николае I была ликвидирована церковная уния (правда, только в пределах Российской империи). В Австрийской Галиции власти предпочли сохранить униатство, прекрасно понимая, что благодаря этому восточное славянство останется духовно разобщенным.

Польский язык медленно вытеснялся из канцелярий, но вообще-то никаких намерений «запретить» его в западных губерниях (не говоря про собственно Польшу) у властей не было. В Литве издавались польские журналы, например, просветительский “Athenaeum”. Печатались и польские книги. Запрещено было касаться политических тем, но художественные и исторические сочинения только приветствовались. Например, в 1835-1841 годы в Вильне на польском языке вышла девятитомная «История литовского народа» военного инженера и историка Теодора Нарбута, посвященная истории Литвы до Люблинской унии. По-прежнему в большинстве школ именно на польском языке шло обучение.

Однако, началось обучение в некоторых школах и на литовском языке. Необходимо уточнить, что в этом плане имперские власти руководствовались лишь стремлением сэкономить на расходах на образование и облегчить управление школьной жизнью. В 1832 году Высочайше повелено было в Ковенской губернии, при обучении вере римских католиков из числа жмудин употреблять не польский язык, а самогитский (точнее, жемайтский) и с этой целью тогда же приказано было перевести на тот же литовский язык и католический катехизис. Несмотря на то, что это повеление было повторено и в 1852 году, оно не исполнялось вплоть до нового мятежа 1863 года. Пока ещё в литовском языке отсутствовали разработанные грамматические нормы, да и сам этот язык состоял из нескольких сильно различающихся диалектов, и потому эффект был незначительным. Литовский язык считался тогда близким к вымиранию или, во всяком случае, обречённым остаться безвестным местным диалектом. По собственной инициативе некоторые учителя, в основном из отставников русской армии, начали преподавать литовский язык на кириллической азбуке.

Во всяком случае, для литовского языка теперь, когда российские власти с подозрением относились к польскому языку, возникла возможность развития. Вновь стали издаваться грамматики литовского языка. Так, в 1849 году Фридрих Куршат издал грамматику, в 1856 году вышла грамматика немецкого языковеда Августа Шлейхера. Скромный чиновник рижского губернатора, а затем работник архивов Сената в Петербурге Шимон Довконт стал писать труды по истории Литвы на литовском языке. Он переименовал себя в Симонаса Даукантаса и под этим псевдонимом вошёл в историю. Он был также собирателем и популяризатором фольклора жмудин, писал учебники на литовском языке. Даукантас переводил на литовский язык стихи Мицкевича (впрочем, они были опубликованы только столетие спустя) (Merkys, 1991).

Издатель Л. Ивинский, выпустил с 1846 по 1864 годы 17 номеров альманаха на литовском языке, содержащего советы по сельскому хозяйству и медицинские рецепты.

В условиях практически полного отсутствия среднего класса и при почти полной полонизации местного дворянства только духовенство могло защищать литовцев от окончательной ассимиляции. При этом основная масса служителей католической церкви, даже искренне сочувствуя тяжёлому положению своей паствы, в основном, разделяли взгляды местного польского дворянства. Так что не церковь как институт, а самостоятельный выбор отдельных служителей церкви стояли за первыми деятелями просвещения

литовского народа. Среди них можно выделить Мацея Волончевского, которого теперь в Литве именуют Мотеносом Валанчиосом. Происходивший из семьи простых литовских крестьян, Волончевский сумел сделать удивительную карьеру по духовной части. Несколько лет он преподавал в Санкт-Петербургской католической духовной академии. По просьбе Дауканстаса он написал исследование по истории Самогитской (Жмудинской, по-современному – Жемайтской) епархии. Эта книга была издана на жмудинском (жемайтском) языке и стала первой научной книгой литовцев (Волончевский, 1890-1907).

В 1850 году М. Валанчевский стал епископом Самогитии. Свою первую инаугурационную проповедь он произнёс и на литовском, и на польском языках. Литовский (жемайтыйский) язык из уст епископа прозвучал под сводами кафедрального собора чуть ли не в первый раз за всю историю Литвы (Эйдинтас и др., 2013). Епископ начал расширять сеть приходских школ, укреплять общинный дух и католическую набожность, стал издавать благочестивые брошюры и общества трезвости вместе с книжечками по христианской морали – других опор для несколько робкого литовского духа не было (Алексюн и др., 2009). Простонародное происхождение Волончевского, годы, проведённые в Петербурге, личное знакомство со многими деятелями российской администрации – всё это сделало его самостоятельной фигурой, независимого от польских помещиков. При этом сам Волончевский личный дневник вёл на польском языке.

Ещё одним из деятелей литовского просвещения был священник Антоний Барановский (Антанас Баранаускас), опубликовавший в 1860 году поэму «Аникщайский бор», посвящённую лесу рядом с городком Оникты (Аникщяй). Эта поэма, полная любви к природе родного края, одновременно содержала и обличительные высказывания против крепостничества. Кстати, много позднее, когда Барановский стал епископом и проповедовал сближение с польскими помещиками, то от этих своих слов он с жаром отрекался.

И всё же, за первые полвека пребывания в составе Российской империи для окончательной интеграции западных губерний в общерусский организм было сделано поразительно мало. Край по-прежнему принадлежал польской аристократии, которая была готова в очередной раз предъявить права на Литву с помощью оружия.

5. Опять борьба за Западный край на культурном фронте

То, что малороссы и белорусы, а также социальные низы в самой Польше в период 1830-1831 годов никак не проявляли желания сражаться за возвращение старой Польши, особенно беспокоило польских деятелей. Поэтому после поражения 1831 года польские деятели сделали ставку на длительную идеологическую борьбу с целью привлечения на свою сторону местных жителей. Правда, основную проблему польским авторам доставлял тот исторический факт, что земли, на которые претендовали поляки как на неотъемлемую часть Польши, были сердцем Киевской Руси. Впрочем, довольно долго польские авторы, жившие в эмиграции, утверждали, что Русью являются именно восточные земли прежней Речи Посполитой, а Россия есть Московия, ничего общего с Русью не имеющая. Так, польский генерал Рыкачевский писал: «То, что называется Россией, есть выдумка, бессмыслица, новое наименование, опровергаемое историей... Россия... есть не что иное, как Московия, страна не славянская, народности азиатской и варварской, объявленная в XVIII веке европейским государством принадлежащим к славянской народности по указу, созданию абсолютной властью одной царицы» (Гильфердинг, 1868). В польской политической литературе по отношению к москалям употреблялись термины «россияне», в то же время украинцев, которых поляки жаждали «освободить» с целью подчинения, называли рускими (с одной буквой «с»), или русинами. Земли правобережной Украины поляки называли «Русью», а остальную Россию – Московией. «Русь» должна была стать частью «польского трилистника», включавшего в себя также собственно Польшу и Литву (в состав которой относили Белоруссию).

Однако в восстаниях против России, поднятых поляками, православные русины бывших восточных земель Речи Посполитой поддерживали русскую власть. Стало ясно, что превращаться в поляков они не желают. Зато, используя отдельные различия в говорах, обычаях и быте между малороссами и великороссами, можно попытаться разделить самих русских на отдельные «нации». Это совпало с намерениями властей Австро-Венгрии, во владения которой вошла Галиция, использовать новое украинское движение против России. Убедившись, что украинцев не удаётся ополячить, и перспектива жизни под «сенью крыл Белого Орла», т.е. в будущем восстановленном польском государстве, не вызывает у них интереса, деятели польского движения сделали ставку на украинских самостийников. Пропаганда велась достаточно примитивная: вы, малороссы, вовсе не ветвь русского народа, а некий отдельный народ, который «гнобят» москали, поэтому необходимо

восстать под руководством польских панов против «царя» (именно так писалось в пропагандистской литературе, видимо, поляки считали это унижением царя). А дальше, уверяли агитаторы, всё будет хорошо – поляки и украинцы будут жить равные с равными, вольные с вольными. Разумеется, эти пафосные слова могли произвести впечатление на русскую либеральную интеллигенцию, но не на самих украинских и белорусских крестьян, которые не только помнили страшные времена польского господства. Над ними по-прежнему сидел польский помещик, который к крестьянам относился совсем не так, как вольный с вольными.

Расчёт в создании украинского движения поляками был прост: «украи́нство» способствует ослаблению России, что в свою очередь, способствует восстановлению Польши. Кроме того, Украина, возникнув как независимое государство, окажется в зависимости от Польши. Эту мысль выразил известный польский историк, ксендз Валериан Калинка: «Иную душу нужно влить в русина – вот главная задача для нас, поляков... Та душа будет с Запада... Тогда, быть может, возвратится Русь к братству с Польшей. А если бы и не сбылось, то лучше Малая Русь, чем Русь Российская... Если Гриць не может быть моим, то пускай, по крайней мере, не будет ни моим, ни твоим» (Лебедев, 2019).

Для привлечения на свою сторону украинцев польская элита не брезговала ничем. Готовясь к восстанию, многие паны стали вдруг одеваться в крестьянские свитки. Польские поэты с украинских территорий начали срочно писать «народные» песни о счастливой доле украинцев под Польшей и проклятий в адрес русских самодержцев, которые «волю» украинцев порушили.

Также был применён опыт ордена иезуитов, мастеров по созданию фейков. В XVIII веке жил украинский казак Вернигора, имевший славу прорицателя. Через 70 лет после смерти Вернигоры польские деятели обратились к образу казака-пророка. Поэты Северин Гоцинский и Юлиуш Словацкий начали писать стихи и поэмы, в которых Вернигора предсказывал грядущую гибель Польши, а затем её воскресение и грядущее братство пана и хлопа. Художник Матейко много позднее, в 1883 году, создал картину, в которой Вернигора предсказывает возрождение Польши, а на первом плане – мальчик в белой одежде, символизирующий светлое будущее украинцев вновь под Польшей.

Польские агитаторы были уверены, что малороссов удалось убедить в необходимости сражаться под польским знаменем за своего польского пана.

Показателем самоослепления можно считать книгу путевых заметок «Польша и её южные провинции» Владислава Мицкевича, сына великого поэта. Под «южными провинциями» Польши имелись в виду земли нынешней Украины. Мицкевич-младший рассказывал, что он сам в 1861 году ездил из Одессы в Киев, из Киева в Житомир, из Житомира в Вильно и убедился, что русского в этих странах только армия и полиция, что, хотя крестьянин там и сохраняет свой местный говор, но что один вид польского повстанца как электрической искрой воспламенит его душу и он бросится на Русские полчища. Как иронично комментировал это сочинение русский публицист и философ Иван Аксаков, «Всё предисловие написано с такою силой убеждения, с такою наивной искренностью, что нельзя и подозревать преднамеренного искажения истины, а следует предположить какое-то расстройство органов зрения, слуха, какое-то повреждение умственных и душевных способностей» (Аксаков, 2008). «С каким простодушием – продолжал И. Аксаков – описывает Мицкевич, и описывает очень поэтически, зимнее путешествие по Украине, когда ямщик-малоросс «затянет свою думу...». Дума? Но о чем же поют эти песни, которые называются думами? Эти думы или думки ничего другого и не воспевают, как только казацкие подвиги против «ляхив», подвиги борьбы, да кончину казацких героев, изжаренных, колесованных и другими разнообразными способами замученных поляками, сохранившими и до наших времен особенный талант и охоту к затейливости мучений» (Аксаков, 2008).

Чтобы привлечь на свою сторону евреев, польские деятели стали называть их «поляками моисеева закона». Поэты также стали писать стихи и поэмы о том, как евреи доблестно сражались, обороняя Варшаву против русских. Вообще-то русские военные источники ничего подобного не зафиксировали. Это был такой же пропагандистский фейк, как история пророчеств Вернигоры.

А вот литовцев как католиков польские деятели старались убедить в том, что раз они польской веры, то и должны себя считать поляками. Им милостиво разрешалось пока ещё пользоваться своим экзотическим «примитивным» языком. Однако в грядущем и скором ополячивании литовцев польские деятели не сомневались. В то же время, они видели в этом позитивный и закономерный процесс. Даже в 1905 году, когда игнорировать развитие литовцев как самостоятельной нации стало невозможно, польская газета «Курьер литовский» (*Kurier litewski*) вещала: «В культурной победе нашего языка над литовским есть только преимущество знаний, труда и гуманизма в обычаях» (*Kurier litewski*, 1905).

Тем не менее, основные надежды в своей деятельности польские деятели сделали на контакты с русскими революционерами, которые в своей борьбе с самодержавием были готовы согласиться с некоторыми польскими требованиями. Главным союзником поляков стал такой выдающийся человек, как Александр Иванович Герцен. Он был и философом, и социальным мыслителем, и писателем, и политическим деятелем, сыграл выдающуюся роль в развитии русской мысли. В период 1856-1862 годов он был «диктатором общественного мнения» России. Герцен эмигрировал из России в 1846 году, осел в Лондоне, где с помощью польских эмигрантов в 1853 году основал Вольную русскую типографию, чтобы печатать сочинения, запрещённые в России цензурой. Обратим внимание на время создания Вольной русской типографии – 1853 год. Уже шла Крымская война, а он издавал журнал в Лондоне. Англия собиралась вступить в эту войну, и тут появился Герцен и начал распространять контрабандой в Россию из столицы враждебного государства свои публикации. Говоря другими словами, это была подрывная деятельность против своего государства, частью которого он продолжал себя именовать. С 1855 года Герцен начал издавать альманах «Полярная звезда» (своего рода продолжение одноименного альманаха Рылеева), а спустя год приступил к изданию «Колокола» – первой русской революционной газеты, нелегально распространявшейся в России. «Колокол» из Лондона распространялся в России совершенно открыто вплоть до царского дворца. О влиянии «Колокола» вспоминал много лет спустя видный деятель русской печати Николай Мецкерский: «Действительно, влияние в то время Герцена было изумительно. Рассказывали, что о нём часто была речь при Дворе, что как-то, на разводе, Государь громко поздравил одного генерала с тем, что он попал в “Колокол”» (Лебедев, 2004).

Герцен на страницах «Колокола» открыто поддерживал польские требования. В сентябре 1862 года некие анонимные «русские офицеры» (скорее всего, придуманные редакцией) обратились к Константину Николаевичу, Наместнику в Царстве Польском через «Колокол». Адрес содержал заявления о том, что войска не хотят быть палачами, и это будет очевидно в случае восстания. Войско «не только не остановит поляков, но пристанет к ним, и может быть, никакая сила не удержит его. Офицеры удержать его не в силах и не захотят». Единственным спасением было дать Польше «свободно учредить по понятиям и желаниям польского народа», т.е. «от моря до моря», далеко за пределы этнической польской территории, «иначе грозит беда неминуемая». Когда же восстание разразилось, то со страниц «Колокола»

загремели призывы убивать «гадких русских солдат». Впрочем, причина пропольских симпатий лондонского изгнанника Герцена была проста: деньги на издание своего «Колокола» он получил у польского эмигранта Станислава-Габриэля Ворцеля. Герцен бедняком не был, но всё же создавать целую печатную империю, и распространять журналы по всей России денег у него не хватало. Логично предположить, что его деятельность финансировали соответствующие службы Британии и польская эмиграция.

Разумеется, считать А.И. Герцена польским наймитом будет также глупо, как Ленина считать агентом Германского Генштаба. Эти политики были готовы заключать временный союз с кем угодно, ведя свою игру и отнюдь не собираясь быть чьей-то марионеткой. Если бы в России 1860-х годов произошла революция, то интересы польской шляхты для русских революционеров учитывались только как объект экспроприации.

Впрочем, откровенно антинациональные взгляды русских либералов также играли роль в тех событиях. Живший в добровольной эмиграции князь П. Долгоруков, сподвижник А.И. Герцена, уверял, что ничего страшного от отделения от России ряда губерний, пусть даже с непольским населением, не будет, зато это даст России моральный выигрыш: «Может быть, тогда губерния Ковенская и несколько уездов губерний Виленской и Гродненской отошли бы от России; но что за беда? Если из семисот уездов империи Всероссийской убавится дюжина или полторы дюжины уездов, сила России не уменьшится, а зато честь русская высоко вознесётся тем, что никого не будут принуждать быть русским, принуждать мерами насильственными и кровавыми, мерами гнусными и позорными для тех, которые их употребляют, и что каждый из граждан России будет гордиться тем, что он русский!» (Долгоруков, 1992). Как видно, задолго до М.С. Горбачёва многие «передовые» русские были готовы пожертвовать дюжиной-другой уездов, чтобы выгоднее смотреться в глазах «западных партнёров».

Между тем, значительную часть чиновничества в западных губерниях состояла из поляков. Так, данные о государственных служащих Виленской и Гродненской губерний, сообщённые в Петербург Иосифом Семашко в 1854 году, свидетельствовали, что среди старших чиновников православные, в число которых попадали также недавние униаты, составляли менее шестой части (140 человек), а «в низшем слое чиновничества» их доля оказалась и того меньше (Горизонтов, 1999).

С целью нейтрализации русской армии, расквартированной в Польше, польские агитаторы активно «обрабатывали» офицеров. Ещё Николай I считал

лучшим средством воспитания военную службу. С этой целью шляхтичей из западных губерний стали в большом количестве зачислять в кадетские корпуса и всячески поощряли их добровольное поступление на военную службу. В скором времени русские генералы стали высказывать обеспокоенность по поводу концентрации в некоторых воинских частях большого количества поляков. По данным военного министра Д.А. Милютин, в 1861 году в Первой (Действующей) армии 35,5% офицерского корпуса (около 2 тысяч человек) составляли католики, ещё большим был их процент среди унтер-офицеров и рядовых. Среди католиков были некоторые российские немцы и представители некоторых других национальностей, в частности, французы. Но всё же большинство католиков были поляками по происхождению. Однако, как и в 1812 году, большинство католиков сохранили верность присяге. «До сего времени, – писал Милютин, – ничто ещё не дало повода к принятию каких-либо общих мер относительно уменьшения в войсках числа офицеров польского происхождения» (Горизонтов, 1999). Вовсе не были известны министру случаи проявления политической нелояльности со стороны нижних чинов.

После неудачи в Крымской войне оппозиционные настроения, охватившие все слои российского общества, не оставили в стороне и армию. Даже в элите вооружённых сил – Генеральном штабе – возникли нелегальные группы офицеров. Это были вовсе не хунты латиноамериканского типа, а некие кружки вольнодумцев, которые, в основном, вели недозволенные речи в узком кругу единомышленников. Но ведя подготовку готовясь к восстанию ряд офицеров польского происхождения, в полном соответствии с «валленродизмом» предпринял попытку создать «хунту» из соплеменников в русском мундире, а также демагогией о «нашей и вашей свободе» привлечь на свою сторону и кондовых русаков. В 1857 году капитан Генерального штаба Зыгмунд Сераковский создал из генштабистов нелегальную организацию. Понимая, что своих коллег из числа русских офицеров не увлечёт идеей польской власти вплоть до Днепра и Двины, Сераковский вёл среди русских пропаганду необходимости социальной революции. Он был знаком с Чернышевским (который в романе «Пролог» вывел его под именем Соколовского), а за границей установил связь с Герценом. В 1856-1857 годах Сераковский вёл в журнале «Современник» отдел «Заграничные известия» и опубликовал большую статью «Взгляд на внутренние отношения Соединённых Штатов». На страницах «Современника» Сераковский восклицал: «Братство, любовь, взаимное уважение к личности лежит в основе

всех наших нравственных понятий». Однако, остаётся вопрос, как с этим соотнести требование восстановления Польши в границах 1772 года с руководящей ролью польского шляхетства.

Вообще-то союз между русскими революционными демократами, мечтавшими освободить свой народ и польскими дворянами, мечтавших убрать русскую власть, чтобы править на всей прежней Речи Посполитой, может показаться противоестественным. Однако, одних манило вернуть себе власть над «забранным краем», другие стремились разрушить Российскую империю. Польские элиты были готовы заключить союз хоть с любыми силами, пусть даже с революционерами, мечтающими о социализме и всемирном братстве трудящихся. Русские революционеры и либералы считали, что дом, в котором они живут – Россия, некрасивый и тесный, на этом основании они собирались снести этот дом полностью, считая, что после этого как-то сам собой вырастет новый, более прекрасный дом. Именно это необходимо учитывать, анализируя поведение «передовой» публики России в польском и в иных вопросах.

Не очень надеясь на военный переворот в Петербурге, готовя мятеж в Польше, заговорщики в русских мундирах из нелегальной офицерской организации действительно пытались слепить некую силу, которая поможет не только одержать победу в восстании, но и разожжёт смуту во всей России. В 1861 году возник Комитет русских офицеров в Польше, поддерживавший тесные связи как с польскими националистами, так и с русскими революционными демократами. После ареста основателя кружка поручика Василия Каплинского Комитет возглавил поручик Шлиссельбургского пехотного полка Андрей Потебня. Членом Комитета были офицеры польского происхождения Ярослав Домбровский и Зыгмунд Падлевский. Однако, с этим Комитетом много неясного. От него остались только неопределённые краткие записи тенденциозно настроенных авторов, так что вероятен вопрос о существовании этот Комитет вообще. Есть вероятность, что он был придуман в редакции «Колокола» Герцена в Лондоне? Но, как бы то ни было, Домбровский действительно был одним из главных деятелей польской конспирации.

Заговорщикам, и польским, и русским, казалось, что пропаганда в армии имеет успех. Выдавая желаемое за действительное, руководитель Комитета русских офицеров А. Потебня в июне 1862 года так писал Герцену и Огареву. «Если вы, имеете верное понятие о положении дел в Польше, вы должны знать также и дух войска в Польше; мы настолько сблизились с патриотами

польскими, что, во всяком случае, примем прямое участие в близком восстании Польши... Я уже писал вам раз по поручению своих товарищей; тогда я еще не знал, что пропаганда будет так легка и так успешна; теперь войско, квартирующее в Варшаве, стоит на такой ноге, что готово драться со своими, если б они вздумали идти против поляков» (За нашу и вашу свободу. Герои 1863 года, 1964).

Но на фоне поразительной апатии и бездеятельности российской гражданской администрации военные власти всё же не допустили враждебной деятельности в рядах армии. В июне 1862 года были арестованы и расстреляны несколько офицеров – поручики И.Н. Арнгольдт, П.М. Сливичский, унтер-офицер Ф. Ростковский. Инкриминировалось офицерам, однако, вовсе не борьба за «свободу Польши». Они читали солдатам те статьи из герценовских изданий, в которых содержались материалы, разоблачавшие «преступления романовской династии». Суд признал их виновными в оскорблении царя «распространением между нижними чинами ложных и дерзких рассказов о государе и о царствующем доме, взятых из враждебных России сочинений» (За нашу и вашу свободу. Герои 1863 года, 1964). Другой темой пропаганды были наиболее интересные для солдат вопросы о положении крестьян, отмене крепостного права и вопрос о земле.

Но и после этого подрывная деятельность польских и русских агитаторов в армии продолжалась. Среди солдат распространялись песни на мотивы армейских походных песен. Сборник «Солдатские песни» из семи таких песен был издан в Лондоне осенью 1862 года. Каждая песня провозглашала, что честный солдат должен скорее погибнуть, чем выполнять приказы начальников – стрелять в крестьян и поляков. Вот одна из них:

Брат ли встанет против брата?
А поляки – братья нам,
И для честного солдата
Убивать их грех и срам.
Нам ли сердце не сжимали
Ихний стон и ихний плач
В этой бойне мы устали,
Русский воин не палач!
Пусть себе за ослушанье
Нас начальство душит всех,
Лучше вынести истязанье,
Чем принять на душу грех!

Нам довольно доказали,
Как самих тиранят нас,
Как Арнгольда расстреляли
И Сливницкого зараз!
И Ростковского сгубили
Вместе с Щуром зауряд
Лишь за то, что все любили
Всей душой они солдат!
В память их мы дружно грянем
Нашу песню в добрый час
В поляков стрелять не станем.
Не враги они для нас! (За нашу и вашу свободу. Герои 1863 года, 1964)

В условиях паралича властей империи и при обилии «валленродов» даже в Генеральном штабе усмирение неизбежного мятежа было делом сложным.

Наконец, продолжала активно действовать польская эмиграция. Хотя части польской армии, отступившие после разгрома в 1831 году, по понятной причине, исчезли, среди эмигрантов действительно было немало людей с военной подготовкой. Столпы польской эмиграции начали поощрять вступление молодых поляков в армии различных европейских стран. В нужный момент они должны были подать в отставку и поехать сражаться за польские земли. Впрочем, буквально накануне восстания, в 1861 году в итальянском городе Генуе была создана польская военная школа. В ней училось около 300 человек. Все они потом отправились сражаться с русскими.

Таким образом, после трёх десятилетий напряжённой подготовки польское шляхетство вновь было готово воевать за «забранный край».

6. Перед новой бурей

Как только в России начались либеральные реформы, проводимые новым императором Александром II, вновь возник польский вопрос и опять вызванный стремлением поляков «вернуть» себе «забранный край». В Польше с 1856 года были прекращены все строгости полицейского режима. 9 тысяч участников восстания 1830-1831 годов были амнистированы. Вернулись многие эмигранты. Легально издавалась поэзия А. Мицкевича. Польская пресса фактически была освобождена от цензуры (в отличие от русской). Вступил в силу конкордат (соглашение) с Ватиканом, и католическая церковь получила полную свободу пастырской и экономической деятельности. Созданное польским дворянством Земледельческое Общество во главе с

графом А. Замойским фактически стало легальной оппозиционной партией. В марте 1861 года был создан Государственный Совет Царства Польского – высший совещательный и контрольный орган. Свои чисто польские структуры правления – губернские, уездные, городские – были созданы на местах. Наместником в Царстве Польском в 1862 году стал брат императора, великий князь Константин Николаевич. Его помощником по гражданской части стал польский аристократ Александр Игнаций Велёпольский, маркиз Гонзаго-Мышковский, участник восстания 1830 года, получивший прощение. В сущности, было воссоздано независимое польское государство наподобие того, что существовало в 1814–30 годы. Не было, правда, ещё польской армии и своей денежной единицы, но логика событий неминуемо привела бы к этому.

Но именно эти меры, как ни парадоксально, в конечном счёте, привели к очередному польскому восстанию. Не желая ограничиваться территорией Царства Польского, руководящие деятели польского движения начали вести работу по распространению польской власти на «забранный край». Чем больше проводилась либерализация в Царстве Польском и реальной становилась независимость Польши в границах «конгрессовки», тем активнее действовали антирусские силы в западных российских губерниях. Устраивались манифестации с пением патриотических и церковных гимнов. Наконец, начались акты террора против представителей русской власти и поляков, не одобрявших экстремизма. Покушались на генерала А. Лидерса, предшественника Великого князя Константина Николаевича на посту наместника, и на самого Великого князя. Два покушения были предприняты против Велёпольского.

Требование «исторических границ» прежней Речи Посполитой было присуще совершенно всем польским повстанческим организациям. Показателен такой факт – как только в Варшаву прибыл Наместник Великий князь Константин Николаевич, на него 11 сентября 1862 года было совершено покушение. В ответ на Манифест Наместника к населению Польши, открывавшегося словами «Поляки! Верьте мне, как я верю вам!», он получил послание от графа А. Замойского, одного из влиятельнейших польских деятелей. Выразив дежурную радость по поводу спасения жизни Наместника, Замойский писал: «Мы можем поддерживать правительство только, когда оно будет польским и когда все провинции, составляющие наше отечество, будут соединены вместе, получат конституцию и либеральные учреждения. Если мы любим отечество, то любим его в границах, начертанных Богом и освящённых историей» (Любимов, 1889).

В польском движении возникли два направления – «красные» и «белые». Кстати, красные не были социалистами. Названия направлений возникли по цветам красно-белого польского флага. Это разделение совпадало с различиями в социальных интересах, ибо «красные» были сторонниками радикальных революционных, а «белые» стояли на более консервативной позиции, принимая во внимание интересы помещиков. В октябре 1861 года был основан Центральный национальный комитет, сыгравший впоследствии роль штаба повстанцев.

К концу 1862 году в Царстве Польском фактически была восстановлена польская власть. Не дожидаясь окончательного установления независимости, польская элита начала борьбу за «забранный край». Воспользовавшись годовщиной Городельской унии 1413 года, поляки устроили манифестацию на Александровском мосту через Неман. Группы демонстрантов шли с территории Царства Польского, навстречу шли демонстранты из Ковны. Поднимались гербы и флаги исторических земель прежней Речи Посполитой, пелись патриотические гимны. Это было откровенной заявкой на все западные губернии России.

Надежды на Запад, на «валленродов» на всех уровнях имперской власти, убеждение в том, что украинцы немедленно восстанут в ожидании доброго польского пана, и, наконец, отнюдь не несбыточные надежды на революцию в России и крушение страны – всё это внушало польским деятелям самые радостные надежды. Внутри самой России сложилась революционная ситуация (как отмечал Ленин). Отмена крепостного права 19 февраля 1861 года не удовлетворила никого – ни помещиков, потерявших власть над «душами», ни освобождённых крестьян, которые должны были платить выкупы за землю, которую и так считали своей. Между тем, согласно положению об отмене крепостного права, в течении двух лет, т.е. в 1863 году, должны быть приняты грамоты, регулирующие взаимоотношения между помещиками и их прежними крепостными. В силу этого в наступающем 1863 году ждали – одни со страхом, другие – с надеждой, всеобщего крестьянского восстания в России.

Герцен из Лондона в своих письмах 1861-1862 годов подчёркивал, что в России в данный момент нельзя рассчитывать на крестьянское восстание. Оно может начаться не раньше весны 1863 года, когда русский народ, «освобождённый вполовину», «наверное, упрётся». «Восстань тогда Польша, бросьтесь вы, с вашими и их солдатами в Литву, в Малороссию, во имя крестьянского права на землю, и где найдётся сила противудействовать? Волга и Днепр откликнутся вам, Дон и Урал!» (Герцен, 2017).

В землях прежнего ВКЛ социальные, экономические, и политические проблемы стояли очень остро. В любом случае, без всякой польской агитации здесь всё могло разразиться взрывом.

В 1859 году в Литве произошли крестьянские выступления против содержателей кабаков, большинство из которых были евреями. Крестьяне громили питейные лавки, избивали продавцов вина, местных чиновников. Это движение охватило более 80% всего католического населения края – литовцы бросили пить водку, что сразу привело к повышению их благосостояния, укреплению семей, люди начали тянуться к образованию (Эйдинтас и др., 2013).

Отмена крепостного права, при котором крестьяне не получили землю, вызвали новые волнения. Полицейская статистика насчитала 145 различных выступлений крестьян в виде забастовок, невыхода на работу, на барщину, порубки в панском лесу и пр.

Но ещё больше, чем крестьяне, недовольство выражала мелкая литвинская шляхта. Отмена крепостного права и общая демократизация жизни России ставили под вопрос всякое значение многочисленного польского дворянства в западных губерниях. Ещё перед отменой крепостного права именно польское дворянство Литвы и Белоруссии занимало наиболее непримиримые позиции в крестьянском вопросе. В условиях получения крестьянами, пусть даже и за выкуп, части шляхетских земель, а также при распространении на западный край всеобщих учреждений, местное польское привилегированное меньшинство теряло экономическую власть в крае. Политической же власти оно не имело уже с падением Речи Посполитой. Следует заметить, что шляхетство, в основном, не умело хозяйствовать, и потому большинство панских имений уже давно было заложено и перезаложено. Вопросом времени оставалась перспектива перехода панских земель в руки местных «чумазых лендлордов». Большинство шляхтичей было бедно. Единственное, что выделяло их из массы крестьян, было чувство избранности шляхтича, обладавшего личной свободой среди крепостных. Как когда-то в Речи Посполитой самый бедный шляхтич утешал себя тем, что он обладает такими же правами на Сейме, как и самые богатые магнаты, и теоретически может стать королём, то и под властью Российской империи шляхтич считал себя господином по отношению даже к не принадлежащим ему крепостным. Католическая религия и польский язык только усиливали чувство принадлежности к некоему кругу избранных. Шляхтич даже в кабаке требовал, чтобы к нему обращались словом «пан». Шляхтич отправил бы в монастырь

свою дочь, но не допустил её брака даже с очень зажиточным мещанином и, тем более, крестьянином. Крупный магнат Х. Ржевуский не случайно говорил о «хранительнице «отечественных преданий» Литве».

Однако, отмена крепостного права и возможность введения в западных российских губерниях земского самоуправления окончательно грозило ликвидировать шляхетство как класс. В этих условиях польское дворянство могло только силой оружия, воссоздав Польшу, сохранить своё прежнее господство в крае. Последним шансом для шляхтичей после отмены крепостного права, было именно восстание. В случае победы они останутся здесь господами, в случае сохранения существующего положения они окончательно сольются с православными мужиками. И шляхтичи взялись за оружие.

Заключение

9 (22) января 1863 года началось восстание в Польше и Северо-Западном крае (так назывались Белоруссия и Литва). Польский Центральный комитет в «Манифесте» от 22 января 1863 года, написанном поэтессой Ильницкой, торжественно объявил о восстановлении Польши в прежних границах и демагогически призывал «убогий и насилуемый народ московский» на «страшный погибельный бой, последний бой европейской цивилизации с диким варварством Азии» (Бендин, 2013). Патетические слова не могли помочь мятежникам. Восстание 1863 года было шляхетским. Современный исследователь В.М. Зайцев, изучая социальный состав участников вооружённых антиправительственных выступлений, выявлял степень «революционности» каждого сословия, исходя из количества репрессированных, и привёл следующие расчёты: «На долю дворянского сословия, составлявшего 5,99% населения Литвы и Белоруссии, приходится свыше 62% всех репрессированных или один репрессированный на 43 человека. Представители численно преобладающего крестьянского сословия составляют 22,36% всех репрессированных, а мещанского, второго по численности среди населения – 5,72%. У крестьян один репрессированный приходится на 1051, а у мещан – на 758 человек мужского пола... На долю католического духовенства, составлявшего 0,16% населения, приходится 3,35% репрессированных, или один репрессированный на 16 служителей католического клира. Это духовенство, приходы которого охватывали около 40% населения, в значительной части участвовало, либо сочувствовало восстанию» (Зайцев, 1973).

Главную роль в смирении мятежа сыграл генерал Михаил Николаевич Муравьев (1796-1866 гг.). Среди множества русских генералов он выделялся своим знанием охваченного мятежом края. Впрочем, были у него и многие необходимые в этот момент личные качества. Представитель старинного, хотя и не титулованного рода, известного с XV века, Михаил Муравьев, подобно всем своим предкам, верой и правдой служил России на различных военных и гражданских должностях. При этом он отнюдь не пользовался расположением монархов, его честность и принципиальность постоянно порождали у него множество врагов в петербургских властных сферах, а русофобы всех мастей ненавидели его. Невзирая на все преграды, не прогибаясь перед сильными мира сего, не гонясь за популярностью у светской публики, и не стесняясь брать на себя всю ответственность, в том числе и за довольно жесткие поступки, Муравьев честно выполнял своё дело. Александр II, лично Муравьева недолголюбивавший, вынужден был под напором общественного мнения назначить Михаила Николаевича Наместником Северо-Западного края, включающего в себя 7 губерний (Могилевскую, Витебскую, Минскую, Виленскую, Ковенскую, Августовскую, Гродненскую). В момент назначения М.Н. Муравьева восстание было на подъёме, отношения с западными державами были обострены до предела. Но Муравьев быстро и эффективно подавил мятеж.

Однако М.Н. Муравьев не только воевал. Он прибыл в Литву и Белоруссию с определённой программой. Своей задачей генерал-губернатор ставил полную интеграцию края в состав империи. Главным препятствием этого было польское помещичье землевладение. Учитывая, что городское население края состояло, в основном, из евреев и поляков, единственной опорой русской власти в крае могло быть только белорусское и литовское крестьянство. В письме к министру внутренних дел П.А. Валуеву генерал-губернатор писал: «Наделение землею и принятые по этому поводу меры имели целью, как устройство быта сельского населения, так и отнятие на будущее время у революции всех средств пользоваться стесненным положением крестьян» (Миловидов, 1901). Следовательно, для полной русификации края требовались поистине революционные меры по искоренению местного дворянства, и предоставление политических и социальных прав только что освобождённому крестьянству.

Сам М.Н. Муравьев характеризовал содержание своих реформ следующим образом: «Русскому правительству следовало бы соорудить в Вильне памятник с надписью: «Польскому мятежу – благодарная Россия».

Важнейшим, труднейшим и первостепенным делом в Северо-Западном крае является не укрощение мною польского, в сущности, бессильного мятежа, но восстановление в древнем искони русском Западном и Литовском крае его коренных, исторических, русских начал и бесспорного, преобладающего первенства над чуждыми России, пришлыми элементами» (Бендин, 2013).

Так, впервые через 70 лет после присоединения края к Российской империи петербургские власти стали проводить политику инкорпорирования этих земель в состав России. Однако, в силу многих обстоятельств эта политика не была доведена до конца.

Таким образом, упорная и ведущаяся с переменным успехом борьба закончилась не победой одной из сторон, а только тем, что польская сторона потеряла больше, утратив значительную часть своего влияния на жителей края. Впрочем, боли по этому краю до сих пор мучают значительную часть польской политической элиты. Прямым следствием реформ М.Н. Муравьева является современная Белоруссия, в которой вплоть до второго десятилетия XXI века отсутствовало массовое русофобское политическое движение. Большинство белорусов рассматривали себя как часть единого с великороссами народа. В результате западным государствам пришлось приложить титанические усилия по воспитанию небольшой доли «змагаров». Не последнюю роль в этом сыграли польские элиты, используя свой историко-политический опыт по возвращению украинского самостийничества в XIX веке. И только в российской политической элите в упор не видят проблем с Белоруссией, в значительной степени по причине исторического невежества. Данная работа, как надеется автор, внесёт некоторый вклад в дискурс об истории Литвы и Белоруссии, без чего мы не сможем понять их настоящее.

Список источников информации:

- Аксаков, И.А. (2008). *Наше знамя – русская народность*. Москва: Институт русской цивилизации.
- Алексюн, Н., Бовуа, Д., Дюкрё, М.-Э., Клочовский, Е., Самсонович, Г., Вандич, П. (2009). *История Центрально-Восточной Европы*. Санкт-Петербург: Евразия.
- Артамонов, В. (2014, 5 марта). *Войско Польское и нашествие Наполеона на Россию*: [Электронный ресурс]. Извлечено 8 октября 2020 г. из <https://zapadrus.su/rusmir/istf/975-vojsko-polskoe-i-nashestvie-napoleona-na-rossiyu.html>

- Белоруссия и Украина: История и культура. Ежегодник 2005/2006. (2008). Москва: Индрик.
- Бендин, А.Ю. (2013, 2 февраля). М.Н. Муравьев и русско-польский спор об идентичности Северо-Западного края Российской империи. *Научное обозрение OSTKRAFT*. Извлечено 21 октября 2020 г. из <http://ostkraft.ru/ru/articles/287>
- Бендин, А.Ю. (2016, 10 октября) *Социальные силы и религиозно-политические лозунги Польского восстания 1863 г. в Северо-Западном крае Российской Империи*. Извлечено 2 октября 2020 г. из https://ruskline.ru/analitika/2016/11/11/socialnye_sily_i_religioznopoliticheskie_lozungi_polskogo_vosstaniya_1863_g_v_severozapadnom_krae_rossijskoj_imperii/
- Бокур, Ф. (2020, 26 сентября). Ответственность Польши в русской кампании. Трагическое заблуждение Наполеона. *Интернет-проект «1812». Музей России*. Извлечено 12 октября 2020 г. из http://museum.ru/museum/1812/Library/Borodino_conf/2005/Bokur.pdf
- Брюнон, Ж., Маню, Ж. (2003). *Иностраннный Легион. 1831-1955*. Москва: Изографус, Эксмо.
- Волончевский, М.-К. (1890-1907). *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.)*. Санкт-Петербург.
- Герцен, А.И. (2017, 5 мая) *Русским офицерам в Польше. 10 октября 1862 г.* Извлечено 19 октября 2020 г. из <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public/kolokol-1861-1863/article-239.htm>
- Гильфердинг, А.Ф. (1868). *Собрание Сочинений. Т 2*. Санкт-Петербург: печатня В. Головина.
- Горизонтов, Л.Е. (1999). *Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше*. Москва: Индрик.
- Даниэль Бовуа. (2011). *Гордые узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793-1914)*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Долгоруков, П.В. (1992). *Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта*. Москва: Новости.
- Дурова, Н.А. (1988). *Избранные сочинения кавалерист-девицы*. Москва.
- Дьяков В.А. (ред.) (1964). *За нашу и вашу свободу. Герои 1863 года*. Москва: Молодая гвардия.
- Зайцев, В.М. (1973). *Социально-сословный состав участников восстания 1863 года (опыт статистического анализа)*. Москва: Наука.

- История Литовской ССР (С древнейших времен до наших дней). (1978). Вильнюс: Мокслаал.
- История русской армии от зарождения Руси до войны 1812 г. (2003). Санкт-Петербург: Полигон.
- Коленкур, А. (1994). *Поход Наполеона в Россию*. Таллин, Москва: АО «Скиф Алекс».
- Лебедев, С.В. (2004). *Охранители истинно русских начал. Идеалы, идеи и политика русских консерваторов второй половины XIX века*. Санкт-Петербург: Нестор.
- Лебедев, С.В. (2019). *Этническая история регионов Украины*. Москва: Алетея.
- Любимов, Н.А. (1889). *Катков и его историческая заслуга*. Санкт-Петербург: Общественная польза.
- Миловидов, А.И. (1901). *Освобождение крестьян Северо-Западного края и поземельное устройство их при графе М.Н. Муравьеве*. Вильна.
- Муравьев, М. (2005, 30 августа) *Удел поляков в истории: К юбилею польского профобъединения «Солидарность»*. Извлечено 15 октября 2020 г. из https://ruskline.ru/analitika/2005/08/30/udel_polyakov_v_istorii
- Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815-1830. (2010). Москва: Индрик.
- Срочиньский, Г. (2020, 9 июля). *Лещиньский: Простолюдина можно купить за миску чечевицы. Польская шляхта считает так столетиями*. Извлечено 12 октября 2020 г. из <http://ursa-tm.ru/forum/index.php?/topic/355942-leschinskiy%C2%A0-prostolyudina-mozhno-kupit-za-misku-chechevitsy-polskaya-shlyahhta-schitaet-tak-stoletiyami/>
- Тымовский, М., Кеневич, Я., Хольцер, Е. (2004). *История Польши*. Москва: Весь Мир.
- Шильдер, Н.К. (1905). *Император Александр I. Его жизнь и царствование*. Т. 4. Санкт-Петербург.
- Шильдер, Н.К. (1997). *Император Николай Первый. Его жизнь и царствование*. Кн. 2. Москва.
- Эйдельман, Н.Я. (1970). *Лунин*. Москва: Молодая гвардия.
- Эйдингас, А., Бумблаускас, А., Кулакаускас, А., Тамошайтис, М. (2013). *История Литвы*. Вильнюс.
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т. 23: Западный край. (1894). Санкт-Петербург: Типолитография И.А. Ефрона.
- Kurier litewski. 1905. № 10. (на литовском)
- Merkys, V. (1991). *Simonas Daukantas*. Vilnius: Vyturys. (на литовском).

DOI: 10.47451/bis2020-12-006

EOI: 10.11244/bis2020-12-006

Galina N. Lebedeva

Candidate of Philosophical Sciences (PhD)

Associate Professor

Department of Philosophy

Leningrad State University

St Petersburg, Russia

E-mail: gal_le@list.ru

ORCID: 0000-0002-6217-9929

HOMO ACADEMICUS

Part I.

Scientific and Public organizations of the Russian Empire: between State Responsibility and Private Initiative

Abstract:

Homo academicus was the title of a book by Pierre Bourdieu, published in Russia in 2017. Research of the person, his chances in the period of formation of scientific organizations – a research topic. The monograph is devoted to the development of scientific organizations of the Slavic peoples. The philosophical and anthropological grounds for the preservation of cultural heritage and creation in the Russian Empire in the 18 and first half of the 19 centuries are considered. The author traced how the scientific and practical activities of Russian statesmen and scientists formed programs and institutions for the preservation of cultural heritage. The author concludes that the processes of nation formation are closely connected with national culture, the formation of cultural centers, the dissemination of education, the press, etc. At the time of the formation of the nation, the problem of language acquires an important role – its dissemination, the creation of norms of the national literary language. Therefore, the study of culture should be combined with linguistic-social problems.

Keywords:

Homo academicus, Pierre Bourdieu, scientific organizations, cultural identity, nation, cultural heritage, Imperial Russian Academy of Sciences.

Галина Николаевна Лебедева

к. филос. н., доцент кафедры

кафедра философии

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: gal_le@list.ru

ORCID: 0000-0002-6217-9929

HOMO ACADEMICUS

Часть I.

Научные и общественные организации Российской империи: между государственной обязанностью и частной инициативой

Аннотация:

Nomina academicus – так называлась книга Пьера Бурдые, вышедшая в России в 2017 году. Исследование человека, его изменений в период становления научных организаций – тема исследования. Монография посвящена развитию научных организаций славянских народов. Рассмотрены философские и антропологические основания деятельности по сохранению культурного наследия и создания в Российской империи в XVIII – первой половине XIX века. Автору удалось проследить, как научная и практическая деятельность российских государственных деятелей и учёных сформировали программы и учреждения по сохранению культурного наследия. Автор делает вывод, что процессы формирования нации тесным образом связаны с национальной культурой, складыванием культурных центров, распространения образования, печати и пр. В момент формирования нации важную роль приобретает проблема языка – его распространения, создания норм национального литературного языка. Поэтому исследование культуры следует совместить с лингвосоциальной проблематикой.

Ключевые слова:

Nomina academicus, Пьер Бурдые, научные организации, культурная идентичность, нация, культурное наследие, Императорская Российская Академия наук.

Введение

Вопросы о происхождении и сущности нации, равно как и национального самосознания, культурной идентичности исторически совпали со становлением науки и появлением научных и культурных организаций у многих народов Европы. В результате активной деятельности интеллектуалов два века тому назад складывались литературные языки, в том числе и у славян, и их национальная и языковая идентичность.

Таким образом, можно констатировать, что «нация» в определённом смысле является конструктом, создаваемым властвующей элитой для мобилизации масс и достижения собственных интересов. Правда, соглашаясь с тем, что призыв к национальному единству со стороны властвующей элиты действительно является весьма эффективным, всё же обращается элита к уже существующему этносу. Но делает нацию из этнографического материала деятельность интеллектуалов. И зрелость нации выражается в наличии у неё своей академической науки со своими школами и разработанной терминологией. Полушутя-полусерьёзно историк А. Тойнби писал, что в мире могут быть подлинно независимыми лишь те народы, на языке которых может

быть написан проект и детальная инструкция по эксплуатации ядерного реактора.

И по этой причине, говоря о развитии наций в прошлом и настоящем всегда надо отдавать должное работе ученых. Можно сказать, что *Noto academicus* (по словам Бурдые) создают нацию не в меньшей, а может быть, и в большей степени, чем правители, полководцы и религиозные деятели.

Особенности становления наций совпали с романтизмом как художественно-эстетическим течением. Под влиянием сочинений Г. Гердера (1744-1803 гг.) о поэтической индивидуальности наций («дух народа») романтизм стал противопоставлять «себя просвещению и созданной наукой Нового времени механистической концепции мира». В первую очередь романтизм способствовал появлению новых, свободных форм в литературе и искусстве, отразивших ощущение открытости и бесконечности бытия (Романтизм, 2015). Гегель словом «романтическое» определил одну из трёх универсальных «художественных форм» (наряду с символической и классической), в которых дух, порывая с внешним, обращается к своему внутреннему бытию, чтобы там «насладиться своей бесконечностью и свободой». В целом в науке именно романтики сосредотачивали свой интерес к истории на памятниках литературной страны.

Проблемы нации и национализма как идеологии сначала связаны с национальной идентичностью, а затем с утверждением самодостаточности нации и её свободы. В Российской империи такие процессы начались с эпохи Петра I, и наиболее актуальными стали в деятельности государственной бюрократии вплоть до Октябрьской революции. Мы остановимся на периоде, когда государство было наиболее заинтересовано в создании научных организаций: этот период начинается с правления Петра I и до конца 1860-х годов, когда создавались образовательные учреждения и государство проводило по отношению к ним целенаправленную организационную и регулятивную политику.

Связь интеллектуальной культуры наций находится в единстве с процессами образования, научных обществ, их становления и институализации во всех проявлениях, вплоть до научных организаций, университетов, академий.

Существует определённый объём источников по истории научных организаций в России. Первым по времени, и что особенно важно, обстоятельным, в 10 томах, исследованием можно отметить «Материалы для истории императорской Академии наук» (Сухомлинов, 1885-1900). В

Новейшей истории можно отметить такие исследования по истории науки и научных организаций:

- Соболева, Е.В. Организация науки в пореформенной России. – Л., 1983;
- Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. Сб. ст. / Отв. ред. И.А. Акчурин, В.И. Аршинов. – М.: ИФ РАН, 1994;
- Летопись Российской академии наук. Т. 1. 1724-1802 / Гл. ред. акад. Ю.С. Осипов. Отв. ред. д.филос.н. Н.И. Невская. – СПб.: Наука, 2000;
- Артемьева, Т.В., Микешин, М.И. Интеллектуальная культура эпохи Просвещения в России/ Учебное пособие. – СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей; Издательство «Политехника Сервис», 2020.

Во второй части будет рассмотрено, как происходило формирование научных обществ в славянских странах, основное современное исследование «Славянские матрицы. XIX век» (Исламов и др., 1996).

Конечно же, учитывая широкую проблему исследования, более важным видится привлечение конкретных источников, которые мы будем использовать в данном исследовании.

Нация постоянно меняется, и каждой исторической эпохе соответствует свое представление о нации. В отличие от России, западные и южные славянские народы (кроме Черногории) к концу XVIII века уже несколько веков находились под чужеземным игом, их языки были сведены к простонародным. Они не имели своей государственности, а значит, и политической самостоятельности.

Нация – это самый последний по времени возникновения и самый сложный тип этноса. Нет до сих пор единого научного определения нации, а научная литература по теме нации очень разнородна и пристрастна. Кроме того, нация не является чем-то неизменным ни одно и то же время для современников, ни с изменением времени.

У каждой нации, например, различны особенности становления языка. Во-первых, в отличие от стран Западной Европы, где вплоть до XVII-XVIII века латынь была языком церкви и науки, а нередко и вообще единственным письменным языком, на Руси с момента Крещения писали на понятном церковно-славянском языке, который к тому же был долгое время и разговорным. Таким образом, в странах Западной Европы образованные люди от Португалии до Норвегии могли переписываться и разговаривать при встрече на латыни, зато основная масса населения была безграмотна, поскольку для образования надо было сначала выучить мертвый латинский язык. В зрелое

Средневековье, когда начали подниматься города, в которых возник крупный и влиятельный слой бюргеров, которым грамотность была необходима в хозяйственной деятельности, начала появляться литература на местных языках. Но на них писали «романы» (произведения на романских языках, а не латыни), а богословие, философия, право и медицина по-прежнему преподавались и писались по-латыни. Только в эпоху Реформации на местные национальные языки европейских народов начинают переводить научные труды, а потом и создавать оригинальные произведения. На Руси язык церкви, науки и канцелярии был свой – общепонятный церковно-славянский. Но зато Русь была отгорожена языковым занавесом от других стран христианской Европы.

Понятно, что в силу обстоятельств исторического развития в России наука и философия получили распространение не в университетах, а в местах императорских резиденций, рядом с которыми складывались литературные школы. Практически все русские литераторы находились на государственной службе – и сенатор Г.Р. Державин, и камер-юнкер А.С. Пушкин, и кавказский гусарский офицер М.Ю. Лермонтов. Только в середине XIX века стали появляться литераторы, жившие на свои гонорары. Но традиция службы на государство оставалась незыблемой. Для дворянина (а большинство литераторов были дворянами «по праву состояния») считалось необходимым отслужить хотя бы немного по военной или статской службе.

XVIII век и в России, и в Европе, это – век Просвещения. В чем же сущность философии Просвещения? Как легко заключить из названия, философы-просветители исходили из представления, что все бедствия, страдания и несчастья человечества обусловлены только и исключительно невежеством людей. Следовательно, необходимо просвещать народ. Некоторые просветители даже считали, что, как только количество грамотных в Европе превысит 51% населения, сразу исчезнут все пороки и преступления. При этом сами просветители считали народ сборищем неразумных людей, напоминающих по своему интеллекту детей. Понятно, что давать народу волю нельзя, как нельзя детям давать спички или оружие. Вся надежда на философа на троне, на просвещенный абсолютизм, который будет иметь достаточно власти, чтобы просветить народ и не допустить всякие потрясения, вызываемые темнотой и грубостью социальных низов.

У славянских народов городские верхи и аристократия были иноземными (кроме Польши), а славянское население составляло низшие слои (крестьянство и городские низы). Славяне были лишь крестьянскими обществами, расколотыми социально и религиозно. Ломая сословные

перегородки, стала формироваться славянская национальная интеллигенция и наука. В развитии науки огромную роль всегда играли и играют научные организации. У народов, которые не имеют государственности, именно научные общества замещают собой академии наук и университеты. Славянское возрождение, разумеется, способствовало формированию и развитию научных

Можно выделить следующие *шаги в создании научных организаций в России и у славянских народов*.

В первой половине XIX века выявились сходные интересы как среди российских, так и среди славянских интеллектуалов к прошлому, собиранию и изучению древностей, историческому прошлому языка, и его фиксации и оформлению в виде словарей, энциклопедий. Язык воспринимался как коллективная память народа и воплощение «духа народа». Имена и биографии выдающихся ученых, внесших большой вклад в науку своей страны, их способности и кропотливый труд – это не только история и поиск новых знаний, но и научная информация, концепции.

Во-вторых, по мере того как информация начинает приводиться в систему, появляются научные организации и академии. Такая система очень хрупкая, для этого необходимы условия, благодаря которым возможно создание этих новых знаний.

Отметим *третий* фактор: для существования науки необходимы инициативные организаторы, которые самостоятельно, а также в долгой рутинной работе с чиновниками, властью и бюрократией смогли бы организовать науку и её учреждения. Наконец, по мере того как накоплен достаточный объём знаний, они становятся элементами школьного и университетского образования, а также превращаются в часть культуры общества.

В итоге, наука достигает такого уровня деятельности, что оформляется в самостоятельный общественный институт. Таков сложный путь получения и сохранения знания: от инициативных одиночек к построению системы.

Рассмотрим, как процесс организации науки прошел путь от общественных и частных увлечений к формированию специальных учреждений в России и у славянских народов. Важнейшим условием является язык науки, который показывает особый уровень развития не только культуры интеллектуалов, но и народа в целом. Язык науки стал предметом размышлений еще у греческих софистов, затем в эпоху средневековой схоластики. А в период XVIII-XIX веков именно с исследования и

конструирования специального, научного языка, формировалась затем и вся остальная наука.

Таком образом, задачей исследования было проследить становление и факторы, способствующие сохранению или исчезновению национальных языков.

1. Вопрос о происхождения нации и национализма

Вопрос о происхождения нации и национализма (как проявления идеи нации в политике), является одним из «вечных» вопросов философии. Вплоть до нашего времени нет удовлетворяющего определения нации. Литература, в том числе и философская, посвящённая возникновению нации и национальному самосознанию, настолько обширна и разнородна, что даже обозначить перечень источников практически невозможно.

В определенном смысле, единое научное определение нации, равно как национального самосознания и национализма, вряд ли когда-либо появится. Это объясняется историческими, географическими, конфессиональными, культурными, и многими другими обстоятельствами. Можно сказать, что нация не является чем-то статичным и неизменным, а всегда меняется, и каждой исторической эпохе соответствует свое представление о нации.

Изначально возникновение наций связано с формированием группового самосознания, но в итоге – с центристскими силами по объединению в единое государство, что является особым признаком западной европейской истории.

В русской мысли принята трактовка нации как этноса, в отличие от французской и англосаксонской, рассматривающей нацию как совокупность граждан страны.

В XIX веке понятие «нация», а также произведенные от него слова «национализм», «национальный вопрос», и пр., были ещё менее разработаны, и употреблялись нередко в ином значении, чем в наше время. Политический смысл средневековое понятие «нация» приобрело во Франции во время революции. Не случайно сам термин «национализм» появляется в 1812 году (Кола, 2001). Во Франции это слово обозначало создание единой нации полноправных граждан без сословных различий.

Вплоть до конца XIX века термин «национализм» еще не утвердился не только в научной, но и в популярной литературе. Ещё в 1874 году во Франции в энциклопедическом словаре «Ларусс» слово «национализм» определялось как неологизм. Исследователь французского национализма Р. Жирарде отмечал,

что в XIX веке во Франции под национализмом понимались или напыщенная патриотическая риторика, или освободительная борьба народов старых империй. К последнему относились итальянское, польское или сербское движения (Фёдорова, 1997). Только в XX веке слово «национализм» стали употреблять очень широко, причем называя этим термином также и идейно-политические феномены прошлого. В частности, в России под национализмом подразумевалось движение малых народов против национального угнетения. Именно таково было понимание «национального вопроса» в марксистской философии. Зато в XX веке словом «национализм» начали чрезмерно злоупотреблять.

Слову «национализм», одному из наиболее употребительных и наименее ясных в политологии, особенно не повезло в научной литературе. Западный историк Д. Кларксон иронически сказал: «Национализм подобен греху – это явление настолько знакомое, что не поддаётся определению или даже точной характеристике» (Clarkson, 1950).

В отечественной литературе утвердилась негативная оценка национализма. Так, в Большой Советской Энциклопедии о национализме говорилось: «Национализм – буржуазная и мелкобуржуазная идеология и политика, а также психология в национальном вопросе. Национализм трактует нацию как высшую внеисторическую и надклассовую форму общественного единства, как гармонию, целое с тождественными основными интересами всех составляющих её социальных слоёв... для национализма характерны идеи национального превосходства и национальной исключительности, получающие большее или меньшее развитие в зависимости от обстановки, от взаимоотношений данной нации с другими». В изданном в 1983 году «Кратком политическом словаре» сказано: «Национализм – буржуазная идеология, политика и психология в национальном вопросе. Для национализма характерны идеи превосходства одного – «высших», якобы «избранных» самой природой наций над другими – «низшими», «неполноценными» (Абаренков и др., 1983).

Примерно так же трактует национализм, изданный десятилетие спустя, совсем в иную эпоху, энциклопедический словарь по политологии: «Национализм – это идеология, психология, социальная практика подчинения одних наций другим, проповедь национальной исключительности и превосходства, разжигания национальной вражды, недоверия и конфликтов» (Аверьянов, 1993).

Современный электронный словарь также объявляет, что «национализм – гипертрофированная форма национального сознания, провозглашающая идеи национальной исключительности, замкнутости, превосходства» (Национализм, 2005).

Однако, чем же национализм в такой трактовке отличается от шовинизма и расизма? Борьба угнетенных наций за своё освобождение ведь тоже называется национализмом и в этом деле национализм является делом вполне позитивным. В.И. Ленин, будучи убежденным интернационалистом, тем не менее писал, что национализм, который пробуждается у угнетенной нации, имеет «историческое оправдание» (Ленин, 1958-1965).

Оппонент Ленина почти по всем вопросам, философ Н.А. Бердяев, делил национализм на агрессивный, разрушительный, зоологический, и на национализм творческий, созидательный, способный вести нацию по пути общественного прогресса. Как видим, применительно к угнетенной нации национализм имеет вполне позитивный смысл. Современные русские правые особенно ценят виднейшего философа Русского Зарубежья И.А. Ильина и его трактовку национализма: «Национализм есть любовь к историческому облику своего народа во всем его своеобразии. Национализм есть вера в инстинктивную и духовную силу своего народа, вера в его духовное призвание, Национализм есть воля к тому, чтоб мой народ творчески и свободно цвел в Божием саду. Национализм есть созерцание своего народа перед лицом Божиим, созерцание его души, его недостатков, его талантов, его исторической проблематики, его опасностей и его соблазнов, Национализм есть система поступков, вытекающих из этой любви, из этой веры, из этой воли и из этого созерцания.» (Ильин, 1992). Красиво, но непонятно, если не считать абсолютно позитивного отношения к понятию “национализм”.

На Западе понятие «национализм» не имеет никакого негативного оттенка. Так, американский словарь Вебстера под национализмом понимает: «1. Преданность своему народу. 2. Защита национального единства, или независимость». Британская Энциклопедия сообщает: «Национализм: верность и приверженность к нации, или стране, когда национальные интересы ставятся выше личных или групповых».

Современные западные учёные также согласны с позитивным отношением к национализму. Определения национализма у них принципиально не отличаются от тех, что были приведены выше. Весьма интересную трактовку национализма дал Э. Геллнер: «национализм обозначает принцип, требующий совпадения этнических и политических границ, а также чтобы управляемые и

управляющие внутри данной политической единицы принадлежали к одному этносу» (Геллнер, 1991). С этим можно согласиться, хотя национализм не исчерпывается только соединением нации в одном государстве или борьбой за этническую чистоту правящей верхушки.

Позитивное отношение к национализму высказывал великий гуманист М. Ганди: «Национализм в моем понимании означает, что моя страна должна обрести свободу, что, если нужно, вся моя страна должна умереть, чтобы человечество должно жить...» (Горев, 1984).

Ещё одно определение национализма дал Гасан Гусейнов в советско-французском «Словаре нового мышления»: «Национализм – термин, означающий приоритет национальных (этнических) ценностей как перед личностными, так и перед иными социальными (групповыми, универсальными) ценностями и применимый для описания политической практики, идеологии и социально-психологической ориентации личности» (Козлова, 1989). С определением Гусейнова вполне можно согласиться.

Главная причина сложностей в определении национализма заключается именно в неразработанности самого понятия «нация». Ограничимся лишь напоминанием, что существует два определения нации – англо-французское и немецкое. Согласно первому, нация – совокупность граждан страны. В этом смысле получившие гражданство иммигранты сразу входят в американскую или французскую нацию. Понятно, что в США или Франции часто используется слово «национальный» (типа «национальные интересы») для обозначения общегосударственного. Немецкое понятие нации, («этнонационализм»), получившее распространение в России, понимает под нацией этнос, то есть кровнородственную межпоколенную общность. Этнос не обязательно может иметь свою государственность и даже определённую территорию, но обладает единством крови, языка и культуры.

Итак, в России понятие «нация» является синонимом слова «этнос» и национализм в отечественном понимании является этническим движением.

Что же такое «этнос»? Под этносом понимается исторически сложившаяся на определенной территории межпоколенная кровнородственная общность людей, обладающих общими стабильными особенностями языка, культуры, психики, самосознания и территории (Леонтьев, 1998), то есть пониманием своего отличия от других общностей и собственного единства.

По мысли известного российского советского учёного, академика Ю.В. Бромлея, этнос – специфическая социальная группа, базирующаяся на общности культуры и едином самосознании. Единство обеспечивается

синхронными (в пространстве) и диахронными (во времени) информационными связями. Бромлей считал, что существуют два вида этноса – этникос (диахронные связи, то есть межпоколенная передача этнокультурной информации), и этносоциальные организации, или ЭСО (синхронные связи различного рода: политические, экономические, социальные, культурные).

Существуют и другие определения этноса, однако они принципиально не отличаются от приведенных выше.

Обычно выделяют три исторических типа этноса: племя - народность – нация.

Племена возникают на самой ранней стадии человеческой истории вместе с родовым строем. Племя имеет общее самосознание, имя, память о своих предках (как правило, мифологизированных), язык, культурно-бытовые особенности.

Народность появляется в более поздние времена, когда сливающиеся племена складываются в государство. Если племя объединяют, прежде всего, брачно-родственные связи, то народность – территориально-политические связи, складывающиеся в пределах государства. Народность может ассимилировать многие другие народности, оказавшиеся связанными с нею, и сама может по историческим причинам смешаться и ассимилироваться. В результате изменения государственных границ, завоеваний, миграций, распространения новых религий, и прочих причин, народности могут исчезать, став этническим «материалом» для новых возникающих народностей. Так исчезли хетты, лидийцы, карфагеняне, вандалы, провансальцы, печенег и многие другие. Ни одна из этих народностей не была физически истреблена, они просто влились в новые народности.

Отчего же в мире возникают этносы? На это счёт существуют различные этнологические теории.

Согласно теории *примордиализма*, этносы существуют всегда и повсеместно, начиная с первобытного человеческого стада. У истоков этой теории стояли такие великие учёные, как философ И.Г. Гердер (1744-1803 гг.), считавший народ единством «крови» (происхождения) и «почвы» (страной проживания), социолог Ф. Теннис (1855-1936 гг.). «Классические» формы теории создали Эдвард Шиллз и Поль ван ден Берг.

Однако примордиализм не может объяснить «исчезновение» некоторых древних этносов, и создание новых. В частности, примордиалистская теория не объясняет рождение этносов с сильно выраженным чувством национальной гордости в западном полушарии или Австралии. На эти вопросы пытаются ответить *инструменталистские* теории. Приверженцы

инструментализма в этнологии сосредотачивали своё внимание не на изучение объективной основы существования этноса, а лишь на роли последнего в культуре (Садохин и Грушевицкая, 2001).

Инструменталисты считают, что этничность лишь теория, которую создают элиты для мобилизации масс и достижения собственных интересов (Данн, 2003). Логика инструменталистов такова – раз этнические группы существуют, значит, это кому-то нужно. Правда, соглашаясь с тем, что призыв к национальному единству со стороны властвующей элиты действительно является весьма эффективным, все же обращается элита к уже существующему этносу.

Крайности инструментализма пытаются обойти *конструктивисты*, [Ф. Барт, М. Мид, Ф. Боас и др.] считающие, что этнос есть социальная организация, существующая за счёт воспроизводства межгрупповых границ. Конструктивисты большое внимание уделяют субъективной стороне: коллективному сознанию, мифологии, воображению. В самом деле, многие политические нации были созданы искусственным путем, не имея ни антропологического, ни языкового, ни религиозного, ни культурного единства. Классическим примером искусственного создания нации (и государства, созданного под эту нацию) являются украинцы или боснийцы.

Однако конструктивисты не могут игнорировать существование этносов, у которого существует самосознание при отсутствии властвующей элиты, заинтересованной в независимости.

Придется согласиться, что единой теории возникновения этноса не существует. В принципе, каждая из вышеперечисленных теорий права по-своему. В самом деле, многие этносы действительно представляют собой кровнородственную общность и возникли ещё в древности, например, русский этнос (точка зрения примордиалистов). Действительно, во многих странах мира и в современной России элита заинтересована в мобилизации своих сторонников, при этом призыв к национальному сплочению оказывается весьма полезным и результативным, как, например, единство россиян, то есть всех граждан РФ (в этом правы инструменталисты). Наконец, очень многие этносы создавались искусственно по политическим соображениям, как, например, украинцы, и в этом сила доводов конструктивистов.

Истина, как всегда, посередине. Видимо, единой теории этноса нет и не будет, потому что каждый этнос своим происхождением, своими

особенностями, уникален по-своему. В этом смысле, сколько существует этносов, столько должно существовать теорий этноса.

Можно вспомнить рождение такого этноса с сильно выраженным самосознанием, как баски. С одной стороны, баски относятся к числу древнейших этносов Европы, которые сумели сохранить свой язык, физический облик и традиционную культуру, несмотря на все исторические потрясения Пиренейского полуострова. Но, с другой стороны, сами баски очень долго не имели этнического самосознания, идентифицируя себя с подданством испанской короне, и (одновременно с этим), с принадлежностью к конкретной исторической провинции Испании. Только в самом конце XIX века появилось политическое движение, ставящее своей целью развитие культуры басков и создание их независимого государства. Деятели баскского движения были созданы сами термины «страна басков» (Эускади), поскольку ранее у басков не было общего самоназвания, были придуманы баскские праздники, национальный костюм (ранее не отличавшийся от местного испанского). Наконец, был придуман флаг Баскской национальной партии, который может стать флагом баскского государства. Как видим, баскское движение не вписывается в рамки одной теории.

В России понятие «нации» известно со времен Петра Великого. Правда, в основном, в XVIII-XIX веках это понятие использовали дипломаты. П. Пестель в проекте «Русской Правды» говорил лишь об «иностранцах, к другим нациям относящихся». Примерно в это время появляется термин «национальность», обозначающий принадлежность к конкретной нации (понимаемой, как этнос).

Примерно в 1819 году П.А. Вяземский создал термин «народность», вскоре усвоенный консерваторами (гр. С.С. Уваровым, и др.). Существовал также широко употребляемый, но при этом довольно неопределенный термин «народность», обозначающий как самостоятельный этнос, так и его часть, отличающуюся от основной массы народа некоторыми чертами (в современной этнологии это называется субэтносом). Именно в этом смысле Н.И. Костомаров, А.П. Щапов, и ряд других историков и этнографов говорили о существовании нескольких русских народностей, признавая при этом этнографическое единство русского народа. В целом, однако, различий между понятиями «народность», «народ», «нация», в русской научной литературе вплоть до 1917 года не было.

Для русской философской мысли XIX века не существовало различия между понятиями «народность» и национальность. Под «народом» при этом часто понималось все население страны без этнических различий. Так, К.П.

Победоносцев, разбирая проект манифеста о коронации Александра III, писал императору: «В конце у меня поставлено: попечение о благе народа, а не народов, как это было сказано в прежней редакции... И в 1855 году это слово: народов – казалось странным. Замечали, что австрийский император может говорить о своих народах, а у нас народ один и власть единая» (Победоносцев, 2004). Такой имперский подход, намеренно смешивающий народ с общим количеством подданных российского монарха, часто приводил власть к конфликту со сторонниками русского этнического национализма.

В основном в консервативной литературе чаще употребляли слово «народ» в значении «нация». Под русским народом понимался триединый народ в составе велико-, бело-, и малороссов. Именно так считала и этнография того времени, выделявшая украинцев и белорусов в качестве территориальных частей («ветвей») русского народа. В России очень часто не только в обыденной речи, но и в научной литературе смешивают понятия нации с такими словами, как «народ». Однако в русском языке это слово имеет слишком много значений. Народом может считаться всё население страны (так, конституция РФ открывается словами: «мы, многонациональный народ...»). Народом называется конкретный этнос (русский народ). Часто народом называют социальные низы (так, в дореволюционной России народом считались все представители непривилегированных сословий, зато дворяне, например, к народу не относились, отсюда и выражение «простой народ» и стремление интеллигенции «пойти в народ»). И, наконец, народом можно назвать просто собрание людей (народ на площади).

Впервые проблемой нации в России стали заниматься государственные деятели, а не философы или поэты как в Германии эпохи романтизма. Для философии Просвещения было характерно обращение к «естественному» человеку, независимому индивиду, свободного от государства, этноса и церкви. Космополитический характер философии Просвещения приводил к тому, что для либеральной мысли с её упором на негативную свободу («Свободу от...») национальные проблемы существовали только в виде преследований государством индивидов по национальному признаку. (Это было в основном присуще русскому либерализму, в то время как для западных либералов колониальные захваты, «опиумные войны», были чем – то само собой разумеющимся для «цивилизованных» стран). Во всём остальном либерализм и в философии, и в политике, был «выше» национального.

Социалистическая мысль XIX века всех направлений, была интернационалистской. Для социалистов и коммунистов классовая

принадлежность была несравненно более значимой, чем национальная. Разумеется, К. Маркс и другие социалисты не игнорировали национальные проблемы и противоречия, но считали их подчиненными по сравнению с борьбой рабочего класса. Известно, что К. Маркс и Ф. Энгельс, поддерживали национально – освободительные движения ирландцев, поляков, итальянцев, венгров, и других народов, считая, что их национальная революция будет способствовать классовой революции пролетариата. Практически так же считали их оппоненты, русские революционеры, М.А. Бакунин, А.И. Герцен, защищая требования поляков, а также и некоторых других народов Российской Империи, на отделение, поскольку это будет способствовать крушению царизма. Другие влиятельные в XIX веке социалистические доктрины, такие, как прудонизм, лассальянство, анархизм, и ряд других, вообще были склонны игнорировать национальные проблемы. При этом для всех социалистов и коммунистов того времени было характерным отношение к существованию различных наций как к временному явлению, поскольку в будущем человечество будет единым обществом, в котором исчезнут национальные различия.

Для консерватизма, ключевой принцип которого – конкретность против универсализма, нация есть такая же общность, как государство, церковь, правящая элита. Именно поэтому, повторим, национальными проблемами впервые стали заниматься консервативные мыслители.

Во время Великой Французской революции и наполеоновских войн в противовес универсалистским лозунгам абстрактных прав человека и гражданина, консерваторы противопоставили идею национального единства, народного духа и миссии своей страны. Это особенно заметно у И.Г. Фихте в «Речах к немецкой нации». Ещё в конце XVIII века И.Г. Гердер говорил, что культура должна быть основана на национальности и что истинный носитель национального характера – простой народ. Для его познания необходимо изучать фольклор, язык, предания, обычаи и нравы.

Немецкие романтики считали нацию живым организмом, наделённым душой. Но в политически и конфессионально разделённой Германии национализм стал идеологией объединения страны, в которой верность нации стала выше верности своим монархам и конфессии.

В истории Германии зачатки этого явления связаны с родовыми группами высшей знати, управляющими народами, что вместе образовывало солидарное общество для защиты собственных политических интересов. Они отделились от империи Каролингов, но не воспринимали себя ещё нациями. Групповое

сознание проявлялось в выборах короля, совместных войнах, что заложило основы представлений о политической власти. Только с образованием государства в средневековой Европе появляется понятие нации. Господствующие слои стали идентифицировать себя с землёй и нацией, на которой возникает национальное самосознание. Наряду со знатью духовенство также стремилось консолидировать национальное самосознание: через литературные тексты и создание национального литературного языка, когда Мартин Лютер перевёл Библию с латинского на простонародный язык, и мейсенский диалект стал общегерманским литературным языком. Появление вслед за общеразговорным языком общелитературного языка и письменной культуры, её распространение не только среди низшей знати, но и простого народа способствовало консолидации и распространению земельного и национального самосознания. Под национальным самосознанием можно понимать «процесс становления политического самосознания, в ходе которого люди, составляющие народ (этнос) или население определённой территории, обнаруживают общность своих традиций и интересов» (Данн, 2003). Немецкие теории нации оказали огромное влияние на русскую научную мысль в силу многих исторических обстоятельств: в первую очередь благодаря тому обстоятельству, что были первыми учеными-этнологами в России. Исследователи русской мысли почему-то мало обращали внимание на развитие русской нации, делая упор на развитие российского государства. Этим грешат не только отечественные, но и западные ученые, которые часто упрекают многих русских деятелей политики и культуры в шовинизме. Впрочем, возможно, это объясняется тем, что история русской нации и российского государства настолько тесно связаны, что их почти невозможно отделить друг от друга. Поэтому народники и либералы в России уделяли самое пристальное внимание социальным проблемам страны, но игнорировали этнический аспект жизни государствообразующей нации.

Таким образом, традиции общей государственности и по сей день не утратили силы и оказывают серьёзное влияние на политическую культуру жителей всех постсоветских государственных образований. Сегодня в России, несмотря на все экономические и политические трудности, (а может быть, и благодаря им), проблема нации, ее сохранения и развития, стали из предмета научных изысков массовым чувством, пусть даже и не сведенному к конкретным доктринам. История нации и национализма будет продолжаться, пока жива нация.

2. Влияние процессов глобализации на национальное «культурное наследие»

Процессы глобализации влияют не только на жизнь отдельного человека, группы или профессиональных корпораций, но и сказываются на внутренней социальной, экономической сфере любой нации, цивилизации или сообщества, изменяя самые сложные и устоявшиеся социальные институты. Этот процесс охватывает также и процессы национального самосознания и культуры. Прежде всего, это проявляется в требованиях общего языка. Например, все признают необходимость того, чтобы английский использовался в авиации (у пилотов и диспетчеров воздушных линий), затем в сфере туризма, и наконец, и в области науки, техники, компьютерного программирования, бизнеса. А сегодня некоторые страны (Голландия, Скандинавские страны) становятся двуязычными. В магазинах можно купить одни и те же продукты, дизайнеры проектируют одинаковые автомобили, люди читают одни и те же книги, смотрят одни и те же футбольные матчи, слушают одну и ту же музыку.

Ещё философы XVIII века заметили как позитивные, так и негативные уроки последствий взаимовлияния «культур» и «цивилизаций». Тем не менее, множество толкований этих терминов связано не только с разнообразием философских школ, но и столкновением цивилизаций в истории. Ещё Н.Я. Данилевский, а затем О. Шпенглер описали жизненные циклы цивилизаций. О локальных цивилизациях, их ценности и традициях пишут в своих работах С. Хантингтон, Г. Хофстеде, Й. Тёрнборн.

Идея универсальной общечеловеческой цивилизации, с одной стороны, определила смыслы прогресса, единообразного и унифицированного. Просветители стали первыми использовать понятие «прогресс», считая, что человечество идет вперёд к светлому будущему, преодолевая инерцию религиозности, старых предрассудков и традиций. Прогресс, по мнению просветителей, идёт линейно, т.е. непрерывной линией вверх. Уже с середины XX века такие организации, как Римский клуб и прочие, находят особые и прагматичные средства измерения прогресса: научно-технические достижения, благополучие, валовой внутренний продукт, которые часто понимаются односторонне. Это не мешает считать, что важны новые ценности: успех и пример эффективного управления являются эталонным образцом. Ради этого можно отказаться не только от традиций и национального своеобразия, но вслед за этим и права народов на самоопределение. Как итог, это приводит к тому, что своеобразие культур либо отрицается под предлогом процессов

внутренней и международной политики, экономики и социальной сферы всех обществ без исключения, либо объявляется об универсальных общечеловеческих ценностях и необходимости формирования схожих институтов, например, такие как демократия и рынок. Нежелание учитывать местные традиции, обычаи как не слишком соответствующие духу времени, часто приводит к конфликтам. Не каждая культура и цивилизация понимает что имеет свое наследие, прошлое, а тем более, стремится это сберечь. Некоторые цивилизации исчезли сами по себе, или претерпевают изменения под воздействием глобализации.

Вот почему важно сохранение исчезающих памятников истории. Понятие «культурное наследие» стало широко употребляться с 1980-х годов, подчеркивая связь во времени. Как пишут современные исследователи И.И. Горлова, А.А. Зорин, понятие «культурное наследие» служит для выражения преемственности, «подразумевая, прежде всего, акт приёма-передачи чего-то от одного поколения к другому, т.е. обозначает преемственность поколений в историческом процессе» (Горлова и др., 2018).

Существуют специальные учреждения, где ведётся серьёзная работа, определяется и принята классификация проблем и направлений, связанных с их изучением, выделяются как теоретические, так и прикладные вопросы. На международном уровне организация ЮНЕСКО в 1989 году приняла Резолюцию. «Рекомендация о сохранении традиционной культуры и фольклора», согласно которой государствам рекомендовано принимать меры для сохранения, распространения и защиты наследия (Молчанов, 2003). Необходимость направленной и объединенной работы осуществляется и в России. Как пишет В.Н. Расторгуев: «Исследования по изучению наследия требуют не только фиксации и сбережения, но и мер по организации, систематизации и институционализации, не говоря уже о ресурсной и правовой поддержке» (Расторгуев, 2018).

Особенного внимания требует работа по сохранению содержания языка и культуры. Ошибочно отождествлять наследие только с памятниками материальной культуры и с положительными ценностями из прошлого. В самом деле, необходимо помнить и достижения устного слова. Язык, ценности, традиции, обычаи, также как и живопись, являются культурным наследием. Как пишет А.Г. Буйчик, «Культурный облик общества не может быть сформирован из ниоткуда, с чистого листа. Это – результат многовековых трансформаций, диффузий и взаимопроникновений семиотических рядов, традиций, фольклора, по своей сущности формирование нематериального культурного

наследия и его переноса в материальную оболочку, что начинает формировать понятие ценности наследия, сначала в экономическом восприятии (эквиваленте), а затем и духовном – ценности прошлого для общества в будущем» (Буйчик, 2019).

Такой подход переживает новую модификацию, и как пишет Д. Муньери, «Культурное наследие обращается к нам через ценности, которые ему присваивают люди, поэтому нет иного способа, как понять и интерпретировать материальное только через нематериальное» (Munjeri, 2007).

3. Утверждение языка в науке как условие существования национальных Академических учреждений

В России осмысление и сохранения прошлого обозначилось как ведущая черта историософии, это помогало осознать по-новому будущее. Т.В. Артемьева и М.И. Микешин, рассматривая вхождение России в интеллектуальное пространства Европы (от Петра I до Екатерины II), пишут, что в России эпоха Просвещения связана «не менее чем с тремя интеллектуальными сообществами» – преподаватели церковных школ, прежде всего духовных академий в Киеве и Москве, образованное духовенство, «учёное монашество». Выделяя три таких социальных страты, причастных к образованию науки, авторы показывают важность сравнения этих страт и их вклад в развитие науки. «В петровскую эпоху структура интеллектуальной элиты изменилась. Она, в значительной степени, была создана искусственно, практически без учёта уже существовавшей системы интеллектуальных ценностей и полностью подчинена потребностям государства. Именно поэтому создание системы академических институтов если не с подконтрольной, то, по крайней мере, предсказуемой элитой было делом государственным» (Артемьева, 2009). Образование и наука были естественным и работающим социальным лифтом, поэтому через появление системы академических институтов составилось новое сообщество (Артемьева, 2009).

Историография изучения вопроса о создании Академии наук такова, что есть старые серьёзные многотомные исследования, например, «Материалы для истории императорской Академии наук» (Сухомлинов, 1885-1900). В 2000 году в издательстве «Наука» (Санкт-Петербург) вышел первый том – Летопись Российской академии наук (Осипов, 2000). Особенно можно отметить, что материал этой книги, в связи юбилеем Российской академии наук (275-лет), отмечен не только изданием, но и появилась электронная версия. На нём размещена деятельность Академии наук с 1724 по 1826 годы. Работа проведена

Сектором истории Академии наук и научных учреждений Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН

Российское собрание, учрежденное в 1735 году, считается Предшественником Российской Академии, вошло в систему органов Петербургской Академии наук. Это учреждение ориентировалось на переводы. Правительство заботилось о подготовке опытных переводчиков, особенно в отраслях техники. Известно, что ранее наиболее употребляемый учебник – грамматика Смотрицкого 1648 года, которая была исправлена и переиздана Ф. Поликарповым в 1721 году. Потребовался долгий период и усилия по введению русского языка в науку.

Одним из поворотных этапов стали работы М.В. Ломоносова: «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке», 1758 года, основная идея в работе о том, что звук – это нераздельная часть человеческого слова. Другая работа, «Письмо о правилах российского стихотворства», была написана в 1739 году, а увидела свет в 1778 году. И наконец, «Российская грамматика» (1757 г.), в которой был продемонстрирован высокий уровень мыслительной зрелости русского народа. Свод правил русского языка был необходим в связи с ростом государственных, хозяйственных, военных, литературных потребностей страны. Требовалась мобилизация всех накопленных народом словарных богатств. После смерти Ломоносова Академия наук почти полностью перестала заниматься вопросами языкознания. Борьбу за чистоту и самобытность русского языка продолжила периодическая печать.

Ранее, в 1759 году, в журнале «Трудолюбивая пчела», были опубликованы статьи А.П. Сумарокова «Об истреблении чужих слов из русского языка», «О коренных словах русского языка». Философские основания языка были заложены Ломоносовым, это рукопись грамматики, завершённая в 1755 году.

Административные начинания в отношении русского языка зафиксированы в 1771 году, с образованием Вольного Российского собрания при Московском университете, когда была сделана попытка изучения русского языка на научной основе. Председателем этого общества стал куратор Московского университета И.И. Мелиссино, секретарём – профессор красноречия Московского университета А.А. Барсов. Членами этого собрания были А.А. Нартов, Е.Р. Дашкова, математик и философ М.И. Аничков, юрист С.Е. Десницкий. Составить словарь русского языка им не удалось. В целом, практика таких свободных и добровольных обществ была малоэффективной, о чём писала Дашкова: «...учреждение таковых добровольных обществ... по

недостатку средств или по несогласию членов, никогда существовать не могли». Основанная в 1783 году Российская Академия стала преемницей как Российского собрания, так и Вольного и продолжила работы в языкознании (Коломинов и Файнштейн, 1986), о чём пойдёт речь далее.

Подтверждением и доказательством оформления и анализа языка является еще один вид и результат творческой научной деятельности – словари. Словарь можно определить как сумму систематизированных данных, оформленных в виде ключевых, значимых слов, понятий, соотношенных между собой в определённой последовательности. Сначала словари формировались не в алфавитном, а в формальном порядке, с точки зрения связи терминов, смысловой близости. В то же время, словарь – это вид исследовательской деятельности, где происходит оформление поисковых процессов, постановка сущности и особенности научных теоретических текстов. Уже постановкой проблем, вычленением терминов и явлений они заложили особенности размышлений автора о существующих терминах того времени, направлений в науке, отношении к авторитетам, что соответствует современному понятию и отрасли науки, как историография. Авторы сравнивали приемы и технику анализа источников. В описываемый период был издан «Словарь Академии Российской 1789-1794» (Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный, 1806-1822). Существовали и более ранние словари, которые требуют текстологического изучения:

- Словарь Ф. Поликарпова (1704 г.);
- Словарь Э. Вейсмана (1731 г.);
- Словарь А. Геснера (1762 г.);
- Словарь М.Ф. Гелтергофа (1771 г.);
- Четырёхязычный «Новый лексикон» (1755 г.);
- «Словарь древнерусского языка» И. Срезневского, репринт 1989 года.

Значимость разума и науки, под влиянием философии Просвещения приобрели еще больший авторитет не только среди интеллектуальных кругов, но и со стороны государства: «просветительская программа Екатерины II рассматривала упорядочение системы образования, развитие издательского и библиотечного дела, научной мысли и художественного творчества» (Каган, 1996). В целом, конец XVIII века показывает небывалый подъем русской национальной культуры, возрастает значение литературы, появляются имена новых писателей. В «Опыте исторического словаря о российских писателях» Н.И. Новикова (1772 г.) приведены сведения о 250 литераторах. Выходило

много периодических изданий на русском и иностранных языках – с 1762 по 1800 годы выходило 78 наименований.

В это время развивается музыкальная и театральная культура, при поддержке правительства происходят большие работы в градостроительстве, расширяется Академия художеств, организуется первый в России государственный музей изобразительных искусств – Эрмитаж, учреждаются новые учёные общества. Например, Вольное экономическое общество (1765 г.). Возникает множество организаций, многие из которых работали достаточно долго, занимаясь научной или исследовательской деятельностью. Например, Московское общество сельского хозяйства, основанное в 1820 году. Все они популяризировали знания в сфере экономики и хозяйства, в чем было заинтересовано и правительство. Такое коллективное творчество стимулировало развитие как отдельного человека, так и группы, что способствовало мобильности членов этих групп и организаций как на уровне сообщества, так и за их пределами, на уровне представительства в обществе в целом. Другие формы общения, – неформальные связи, и каналы общения, часто повторялись. Но до сих пор мало изучены. Таким образом происходила своеобразная мобилизация частных ресурсов, без чего индивидуальная деятельность была бы распылена.

Таким образом, сам факт существования таких научных академических организаций в России, издаваемых трудов, – способствовали более четкому оформлению научных институтов.

4. Открытие Императорской Российской Академии наук в 1783 году

Академия наук занималась активной издательской деятельностью, а ученые имели возможность публикации своих работ в академических изданиях. Причем работы публиковались как на русском, на немецком и латинском языках. Сформировался своеобразный институт почетных членов Академии наук: титул почетного члена Академии наук присваивался коронованным особам и важным персонам. Так, Екатерина II была членом Берлинской академии наук, прусский король Фридрих II и шведский король Густав III были членами Петербургской академии наук. Екатерина Дашкова – членом Американского философского общества (Артемьева, 2009).

В 1782 году были четко оформлены правила, которые регламентировали деятельность добровольных обществ (Устав благочиния), определялась граница между тайными и легальными обществами. Далее этот документ получил название: Устав о предупреждении и пресечении преступлений.

Вслед за этим смогло появиться множество обществ – литературно-патриотических, философских, научных, благотворительных, которые подчёркивали свою службу государству. С одной стороны, деятельность независимых и свободных обществ была под контролем правительства. Монархи любой страны были заинтересованы развитие промышленности и торговли внутри государства, и поощряли частных лиц, давая им привилегии для такой деятельности. С другой стороны, наличие устава придавало таким обществам легальный статус. Как пишет исследователь начала прошлого века: «этот документ содержал правила и процедуры, на основе которых обеспечивалось самоуправление данной организации. Уставы писались и выдавались частным лицам верховной властью или должностными лицами от имени государя. Однако на самом деле основатели обществ составляли основополагающий документ самостоятельно. В каждом отдельном случае устав одобрялся властями, а часто даже лично царём. В начале своего царствования Александр I передал эти полномочия комитету министров. Устав был основополагающим документом, в соответствии с которым происходило управление всеми аспектами жизни общества. В отличие от ассоциаций для коммерческой и финансовой деятельности, которые регулировались гражданским или коммерческим правом, ассоциации частных лиц регулировались административным или (полицейским) правом» (Ануфриев, 1916).

Таким образом, в конце XVIII – первой половине XIX века государство было более заинтересовано в контроле за уже имеющимися организациями, чем за установлением процедур и правил для возникающих (Ануфриев, 1916). полицейском и административной праве.

В России во второй половине XVIII века огромную роль в развитии научных обществ брали на себя женщины. Так, Екатерина Романовна Дашкова (1743-1810 гг.), была не только подругой Екатерины Великой, но и имеет самое непосредственное отношение к становлению общественных ассоциаций, науки, филологии и философии в России.

Одна из образованнейших женщин второй половины XVIII века Екатерина Романовна Дашкова, была не только подругой Екатерины Великой, но и имеет самое непосредственное отношение к становлению общественных ассоциаций, науки, филологии и философии в России. Трудно найти в истории равную ей женщину: в 18 лет (дворцовый переворот 28 июня 1762 г.) она участвовала в антиправительственном заговоре, а в 38 лет возглавляла два научных учреждения России – Петербургскую Академию наук и Российскую

Академию. Е.Р. Дашкова (урожденная Воронцова), воспитывалась в семье дяди, канцлера В.И. Воронцова, получила для своего времени хорошее образование.

В её собственной библиотеке насчитывалось около 900 томов книг. Будучи сторонницей «просвещенного абсолютизма», она изучала труды французских просветителей. В своих «Записках» она писала, что «любимыми моими авторами были Бейль, Монтескье, Вольтер и Буало». Ещё в 1763 году был опубликован сделанный ею перевод с французского «Об эпическом стихотворстве, из сочинений г. Вольтера». Свои оригинальные и переводные произведения Дашкова публиковала в таких журналах, как «Опыт трудов вольного российского собрания», «Новые ежемесячные сочинения», «Друг просвещения» и «Русский вестник», чаще подписывалась псевдонимом «Россиянка». В комедии «Токсиоков, или человек бесхарактерный», поставленной в 1786 году в Эрмитажном театре, она высмеивала такие черты дворян, как беспринципность, алчность, галломания и потеря национального достоинства. Эти качества сыграли большую роль и в дальнейшей её деятельности.

Проведя восемь лет (с 1769 по 1771, и с 1776 по 1782 гг.) в путешествиях по Европе, она была знакома с королями, учеными и художниками: от просветителей (Дидро, Вольтер) и учёных (экономист А. Смит, историков (У. Робертсон и А. Фергюсон), до банкиров и папы римского, с которым обсуждала создаваемый Ватиканский музей. В 1779 году, на обратном пути в Россию, в Париже она была на приёме у французской королевы. Она посещала научные собрания, участвовала в диспутах, даже писала музыку.

С Екатериной Великой сотрудничество Е.Р. Дашковой возобновилось в 1782 году, а 24 января 1783 года был издан указ о назначении Е.Р. Дашковой директором Санкт-Петербургской императорской академии наук, а с октября она руководила созданной Российской Академией. Императрица стремилась осуществить политические цели: национальный язык, приведенный к определенным нормам, тогда был атрибутом государства, а существование Словаря национального языка было свидетельством высокой культуры общества. Итальянская Академия делла Круска во Флоренции, Испанская королевская Академия и, в особенности, Французская Академия, известные своими словарями и грамматиками, служили притягательным примером (Копелевич и Ожигова, 1989). Например, во Франции указом Ришелье в 1635 году была учреждена французская Академия, «чтобы сделать французский язык не только элегантным, но и способным трактовать все науки и искусства».

Учитывая, какой наступил после этого успех в распространении французского языка в Америке, Африке, Франции, в Англии также приняло похожее решение. В 1662 году Королевской хартией было утверждено создание Лондонского королевского общества (аналог Академии наук) с целью такой же экспансии английского языка на завоеванных территориях в США, Канаде, Австралии, Африке и России. Расширение возможностей языка, особенное стремление направить язык науки на академический лад, рассматривались как основа национальной безопасности для каждой страны. «Созданием такой Академии демонстрировалась важность языковой культуры. Речь шла о предпосылках подготовки культурной элиты империи» (Файнштейн, 2002). Учреждение Академии способствовало в дальнейшем лучшему проведению реформы народного образования.

«Созданием такой Академии демонстрировалась важность языковой культуры. Речь шла о предпосылках подготовки культурной элиты империи» (Файнштейн, 2002). Учреждение Академии способствовало в дальнейшем лучшему проведению реформы народного образования. параллельно с Академией русскую словесность изучали любительские кружки ревнителей. Но это был всего лишь частный вклад. Некоторые кружки были откровенного антиправительственного характера. Таким было «Дружеское ученое общество», которое в 1782 году создал профессор Московского университета И.Г. Шварц, сподвижник Н.И. Новикова. В университетской типографии они издавали книги и журналы. В дальнейшем эту обществу приписывали пропаганду масонских идей, и оно было закрыто. В Петербурге – литературно-филологическое «Общество друзей словесных наук» и «Общество, старающееся о переводах».

Уже в 1783 году Дашкова чтит память М.В. Ломоносова. Уже в 1783 году подготовила к изданию первое академическое собрание сочинений М. В. Ломоносова: «Полное собрание сочинений Михаила Васильевича Ломоносова, с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде ещё не напечатанных творений», вышедшее в 6-ти частях в Петербурге в 1784-1787 годы.

А.А. Нартов, развивал переводческую деятельность. Итогом этого периода – ко времени 1810-х годов стало то, что образованная Россия пользовалась нормами русского языка, определёнными «Словарем Академии Российской». После отставки Дашковой сменилось несколько президентов, когда в 1813 году президентом стал А.С. Шишков. Тот вспоминал об обстоятельствах: «Я сказал государю императору, не угодно ли будет ему

поручить Академию мне, примолвя к тому, что я не для каких-либо выгод своих прошу о сем, но единственно по усердию и любви к русскому языку и словесности» (Шишков, 1870).

В своей долгой деятельности А.С. Шишков считал, что Российская Академия была создана для укрепления и защиты славянорусского языка и от проникновения в него французского и английского языков и вероисповеданий. С его именем связаны последние 28 лет работы Академии, вплоть до присоединения Российской Академии к Академии наук в качестве II Отделения (Отделение русского языка и словесности (ОРЯС)).

Александр Семенович Шишков (1754-1841 гг.), писатель, литературовед, филолог, адмирал, активный участник событий своего времени, в дальнейшем Государственный секретарь, министр народного просвещения. Президент литературной академии Российской. Он родился в бедной семье мелкопоместного, как он сам писал, «достаточного» дворянства. В 10 лет был отдан в морской кадетский корпус в Петербурге, который окончил в 1772 году в звании мичмана. Совершил трёхлетнее путешествие. Побывал в Италии, Греции и Турции. Литературную известность ему принесла пьеса «Невольничество» (1780 г.), в основе которой описание реального случая: судьба русского матроса, попавшего в рабство к алжирским пиратам. На постановке пьесы побывали императрица с наследником Павлом Петровичем, пожертвовавшие для выкупа попавшего в беду значительные суммы. После успеха пьесы Шишков стал вхож в литературные салоны (Файнштейн, 2002). Литературные занятия Шихкова перемежались участием в военных кампаниях. Спустя некоторое время, в 1793 году сделал перевод с французского «Морской тактики». В его собрании переводов можно найти «Бдения» и «Освобожденный Иерусалим» Тассо, сонеты Петрарки. В это же время Александр Семенович переводит с немецкого языка «Детскую библиотеку» И.-Г. Кампе. Этот перевод сделал надолго Шихкова любимым детским писателем в России, вплоть до середины XIX века. По распоряжению директора Петербургской Академии наук Е.Р. Дашковой, эта книга была напечатана в академической типографии (Кампе, 1783-1785).

В 1796 году Шишков избирается членом, а с 1813 года – Президентом Российской Академии, которую возглавлял до последних дней своей жизни. Министр народного просвещения и главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий (с 1824 по 1828 гг.).

С этого времени он всецело погружается в изучение русского языка и истории. Российская Академия с 1805 года по инициативе Шихкова издаёт

«Сочинения и переводы», в которых он помещает свои оригинальные и переводные статьи, перевод «Слова о полку Игореве» и обширные примечания, которые поясняли значение неясных и старинных слов. В 1803 году вышла работа А.С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. Выход сочинения современники обозначили как начало борьбы двух литературных направлений в развитии литературного языка, сторонников которых называли «карамзинисты» и «шишковисты».

21 октября 1783 года состоялось открытие Императорской Российской Академии наук. Пути развития российской науки были обозначены в речи Дашковой: «Многоразличные древности, рассыпанные в пространствах отечества нашего, обильные летописи, дражайшие памятники деяний праотцов наших... представляют упражнению нашим обширное поле... сие равномерно, как и сочинение грамматики и словаря да будет первым нашим упражнением...». Говорилось о важности развития русского языка в гуманитарных науках: «Всем известны обширность и богатство языка нашего. На нём сильное красноречие Цицероново, убедительная сладость Демосфенова (так в тексте – авт.), великолепная Вергилиева важность, Овидиево приятное витийство и гремящая Пиндара лира, не теряют своего достоинства; тончайшие философские воображения, многоразличные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи: однако при всех сих преимуществах недоставало языку нашему предписанных правил, постоянного определения речением и непременною словам знаменования» (Дашкова, 1783).

Екатерина Романовна привела в порядок академическое хозяйство, был расширен состав Академии, увеличилось число учащихся академической гимназии, по ее настоянию архитектор Дж. Кваренги построил в 1784-1789 годы главное здание Академии наук на Васильевском острове.

Под руководством Дашковой началась работа над «Словарем Академии Российской» (1789-1794 гг.) – одно из самых ярких явлений русской культуры XVIII века. Это первый толковый словарь русского языка, заключавший более 40000 слов, размещенных в словопроизводном, этимологическом порядке. Екатерина Романовна была одновременно инициатором его издания, руководителем и участником авторского коллектива. Из 60 членов Российской Академии непосредственно над словарем трудились 47 человек. Среди его авторов – учёные, писатели, религиозные деятели: Г.Р. Державин, Д.И. Фонвизин, М.М. Херасков, С.Я. Румовский, И.И. Лепёхин, митрополит

Гавриил и многие другие. «Словарь Академии Российской», в который вошло 43257 слов, был создан в короткие сроки: он был подготовлен и издан за 11 лет, увидев свет в шести томах, выходявших с 1789-го по 1794 г. Для сравнения: словарь Флорентийской Академии создавался 39 лет, а Французской – 59 лет (Тычина, 2010). «Словарь Академии Российской» сыграл громадную роль в становлении норм русского литературного языка. А ведь только после этого возможно становление национальной философии.

Е.Р. Дашкова требовала от деятелей науки не публиковать за границей результатов своих открытий, «пока Академия не извлекла из них славу для себя путём печати и пока государство не воспользовалось ими».

5. Лицей для «образования юношества, особенно предназначенного к важным частям службы Государственной»

В полном соответствии с философией Просвещения, в которой огромное место уделялось формированию человека, полностью свободного от влияния консервативной среды. Вера в возможность социальных преобразований законодательным путём привела к потребности создания специальных учебных заведений. Таким стал проект Лицея. Идея создания Лицея принадлежала М.М. Сперанскому. Пробразом стал греческий Ликей, некогда созданный Аристотелем в Афинах в роще близ храма Аполлона Ликейского.

Но сама по себе философия просвещения стала вызывать к себе совсем иное отношение после 1789 года. Данте писал, что благими намерениями вымощена дорога в ад. Получалось, если буквально исходить из философии просветителей, то носителей «неправильных», с их точки зрения, знаний, надлежало во имя светлого будущего просто уничтожить. Вот так и были обоснованы идеи физической ликвидации «неправильно мыслящих» людей, вставших на дороге прогресса. Показателем этого стала Великая Французская революция 1789 года. Эта революция стала первым примером попытки переустройства общества на основании заранее заданной схемы, основанной, конечно, на самых передовых прогрессивных принципах рационализма, резко противопоставившего себя всяким старинным традициям.

По этой причине подготовка к созданию Лицея приобрела характер активной дискуссии, затрагивающей важнейшие мировоззренческие вопросы.

Документ «Первоначальное начертание особенного Лицея» в декабре 1808 года был передан на рассмотрение императору Александру I, после чего царь передал её тогдашнему министру народного просвещения графу Алексею

Кирилловичу Разумовскому. Разумовский, после обсуждения с крупным философом Жозефом де Местром, посланником сардинского короля, мнение которого он ценил, представил императору замечания. Ж. де Местр, ознакомившись с проектом устава, выступал резко против многих его положений. Он считал, что система воспитания, основанная на идеях Просвещения, ярким противником которой был сам де Местр, во Франции «произвела менее чем в тридцать лет то ужасное поколение, которое опрокинуло алтари и зарезало короля французского».

В проекте появилось требование, что воспитанники должны предоставить документы, подтверждающие дворянское происхождение. Эти замечания были внесены в проект. Но главная идея была сохранена: Лицей оставался учебным заведением, созданным для «образования юношества, особенно предназначенного к важным частям службы Государственной», а «в правах и преимуществах» был уравнен с российскими университетами. Постановление о Лицее и Устав были утверждены Александром I 2 августа 1810 года, после чего наступил период формирования штата профессорско-преподавательского состава, а также конкурсный отбор будущих учащихся.

Система образования в Лицее была построена на традициях европейского и русского просвещения, с учётом достижений педагогической практики. Профессора Лицея получали образование не только в России, но и за границей – в Германии и во Франции. Педагоги сами создавали учебную литературу, которая издавалась небольшими тиражами и привлекала внимание.

М.М. Сперанский и первый директор Лицея В.Ф. Малиновский думали, что, создав «новых людей», можно преобразовать Россию. «Уникальное учебное заведение, каковым был Лицей на протяжении его истории, формировало высочайший уровень гуманитарной культуры своих воспитанников, что создавало условия для развития их литературных способностей...» (Некрасов, 2007).

Таким образом, Лицей стал не просто учебным заведением, а проектом создания нового человека в соответствии с философией просветителей. И сами сотрудники Лицея были в первую очередь, просветителями в философском значении слова. И они были царкосельскими философами-практиками.

6. Преподаватели Лицея

Так, Василий Федорович Малиновский (1765-1814 гг.), первый директор Лицея (с 2 июня 1811 г.), сыграл большую роль в организации воспитания учащихся, лицейского быта, создал в лицее атмосферу свободомыслия, которую называли «лицейским духом». Современники вспоминали, что кафедры Лицея были своеобразной трибуной для пропаганды взглядов. При вступлении на пост директора он оговорил за собой право лично подбирать преподавателей. Пригласил в Лицей адъюнкт-профессоров из Петербургского педагогического института: Александра Ивановича Куницына – по нравственным наукам, Ивана Кузьмича Кайданова – по историческим и географическим и Якова Ивановича Карцова – по географическим. Из Москвы вызвал доктора философии профессора российской и латинской словесности Николая Федоровича Кошанского, а из Петербургского Екатерининского института благородных девиц пригласил профессора французской словесности Давида Ивановича де Будри, родного брата французского революционера Ж.-П. Марата.

Василий Федорович Малиновский родился в Москве в семье священника при Московском университете, Федора Авксентьевича, человека передовых убеждений, который во время следствия по делу Новикова был заподозрен в принадлежности к его кружку и в масонстве (Руденская, М. и Руденская, С., 1986б). В 1781 году окончил философский факультет Московского университета и был принят на службу в Московский архив коллегии иностранных дел. К этому времени относится и начало его литературной деятельности.

Брат Малиновского, Алексей Фёдорович Малиновский (1762-1840 гг.) также занимает в русской культуре почетное место – писатель, архивист, историк, археолог. До конца жизни возглавлял Московский архив иностранных дел, прослужив там около 62 лет. Василий Федорович был близким другом Н.М. Карамзина. В начале царствования Александра I выступил со своим проектом отмены крепостного права.

В.Ф. Малиновский занимался философией, историей, литературой, свободно владел многими иностранными языками, сочинял прозу и стихи не только на родном русском, но и на европейских и восточных языках. В первый период жизни Малиновский состоял на дипломатической службе. В 1789 году работал в Лондоне в русской миссии. После окончания русско-турецкой войны 1787-1791 годов как знающий турецкий язык присутствовал на Ясском конгрессе.

О принципиальности Малиновского свидетельствует такой факт. Несмотря на победу в войне России, война не привела к освобождению Молдавии из-под турецкого ига. Восприняв несправедливое решение Ясского конгресса, в письме к министру иностранных дел В.П. Кочубею писал: «... при мне совершилось последнее постановление, которое решило участь Молдавии и Валахии; свидетель я был оскорбления и сожалений добрых патриотов о возвращении их отечества прежним врагам... любовь отечества и с нею честь народа не по чинам и степеням службы оживляет сердце благородное; я принял сии выговоры, сии упреки, как мне лично сделанные, и помнил сии земли, всегда на сердце их носил» (Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1863).

В 1800-1802 годы Малиновский был генеральным консулом в Молдавии и проявил себя там как честный и неподкупный деятель, выступал в защиту угнетенного молдавского народа и имел среди него высокий авторитет и уважение. Из Ясс в ноябре 1802 года направил В.П. Кочубею «Записку об освобождении рабов» (Малиновский, 1958), в которой доказывал необходимость отмены крепостного права. После возвращения в Санкт-Петербург начал издавать еженедельник «Осенние вечера», всего осенью 1803 года вышло 8 номеров. По-видимому, статьи «О войне», «Любовь России», «История России», «Своя сторона», напечатанные в №№ 2, 3, 5, 6, 8 написаны самим Малиновским.

Одна из работ Малиновского – «Рассуждения о мире и войне», была создана в 1790-х годах и опубликована в 1803 году в Петербурге за подписью «В.М.». Резко осуждая войны, несущие разорение, разоблачая идеи об их необходимости, развенчивая славу победителей, Малиновский выступал поборником мира. Разделял войны на захватнические и справедливые и считал защиту отечества священным долгом гражданина.

Идеи Малиновского отразились и в его практической деятельности на посту директора Лицея. По его мысли, каждого воспитанника прежде всего надо приучать к самостоятельному и критическому мышлению, каждый из них должен стремиться к высокому нравственному идеалу, жить и трудиться для воплощения в жизнь идей добра, жить «для общей пользы», руководствуясь идеями высшего патриотизма. Вероятно, Малиновский был членом тайного преддекабристского общества. В своем письме к знакомому (имя не установлено) он писал: «Лично говорю тебе, любезный друг, ибо кроме стен нет и не должно быть слушателей. Но не то будет, когда мы решимся привести в образ жизни и обычаи правила друзей человека, тогда и в «мужике», и в

соседе, и в госте найдем себе собеседника-товарища или сочлена и помощника, ибо тогда будут все наши беседы, как теперешние собрания, и вся жизнь – исполнение правил нашего общества» (Руденская, М. и Руденская, С., 1986а).

Малиновский стремился развивать не только дух, но и здоровое тело лицеистов. В архивах сохранились записи, из которых видно, что он уделял большое внимание физическому воспитанию учеников. По его распоряжению детям покупали мячи и различные игры, устраивали катанье на шлюпках по царскосельскому озеру, практиковались загородные прогулки в Павловск, Колпино и другие места (Руденская, М. и Руденская, С., 1986а).

Малиновский не довел первый выпуск до конца, но повлиял на формирование идеалов воспитанников Лицея, способствовал созданию «вольнолюбивого духа», которым отличался первый, пушкинский выпуск.

В.Ф. Малиновский скоропостижно умер 23 марта 1814 года, был похоронен рядом с Самборским на Охтинском кладбище. Место захоронения в 1961 году было найдено, и по инициативе М.П. Руденской на памятнике В.Ф. Малиновского была установлена мемориальная доска (Руденская, М. и Руденская, С., 1986а).

Малиновский, будучи кристально честным человеком, за свою жизнь не скопил никакого имущества, после него осталось шесть детей без всяких средств к существованию (младшей дочери Марии было 4 года), жена Малиновского умерла раньше его, в 1812 году в возрасте сорока лет. В 1958 году в СССР были изданы отдельные сочинения Малиновского (Малиновский, 1958).

Другим видным философом, и одновременно практиком в формировании нового человека был Александр Петрович Куницын. Он родился в 1783 году в селе Кое Кашинского уезда Тверской губернии, и был одним из пяти сыновей бедного сельского священника. Образование получил в духовном училище своего уезда, затем в Тверской семинарии, где был одним из лучших выпускников. В 1803 году он был переведён в Санкт-Петербургский педагогический институт и окончил его в 1807 году по курсу нравственно-политических наук. Педагогический институт создавался на основе Учительской гимназии и рассматривался как «отделение имеющего утвердиться в Санкт-Петербурге университета» (Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности, 1921). Кафедры института в основном заняли учёные с энциклопедическим образованием. А из-за недостатка в стране высшего профессорского состава ученые приглашались

из-за границы, причем преимущество имели профессора из Галиции, Закарпатской Украины. Министр народного просвещения П.В. Завадовский отмечал: «Один народ, от которого нам можно желать ученых, есть карпатороссы, говорящие одним с нами языком и сохраняющие веру предков наших» (Косачевская, 1971). Среди педагогов особенно выделялся М.А. Балугьянский, читавший курсы политэкономии, финансов, дипломатики. (Впоследствии в 1816 года М. Балугьянский стал деканом философско-юридического факультета Главного педагогического института, а с 1819 по 1821 годы – был первым ректором основанного на базе института Санкт-Петербургского университета.) По словам одного из студентов, «дни, в которые к нам приходил на уроки профессор Балугьянский» были для нас светлым праздником. С восторгом бежал каждый из нас в классы, узнав о его прибытии. Самые отвлечённые умозрения о капитале, о банках, о кредите несколько не утомляли сил, напротив, возбуждали самый высокий интерес и любознательность. Балугьянский, державшийся весьма кротко и вежливо, но с большим достоинством, был всеобщим любимцем студентов. После отбытия его из классов (...) говорили о его лекциях, рассуждали, спорили и научались...» (Исторические бумаги К.И. Арсеньева, изданные академиком П. Пекарским, 1872).

Куницын впервые с ним встретился и следовать его урокам он будет годы спустя, став адъюнкт-профессором. В 1808 году как один из лучших учеников в числе 20 выпускников «за отличные успехи и примерное добронравие по высочайшему повелению отправлен был путешествовать в иностранные земли для усовершенствования себя по части политических наук». Изучал дипломатию, право и политические науки в Геттингенском, Гейдельбергском и Парижском университетах. В «Начертании об отправлении студентов Санкт-Петербургского Педагогического института в чужие края» говорилось: «предметом их пребывания в чужих краях будет то, чтоб усовершенствовать себя в науках, по которым они могли бы в будущем занять места адъюнктов и профессоров для составления по крайней мере двух полных факультетов: нравственно-политического и физико-математического» (Яценко, 1992).

Во время путешествия Куницын сблизился с Николаем Тургеневым, будущим деятелем Северного тайного общества. Они вместе поселились, вместе посещали лекции. Тургенев ещё в студенческие годы формулировал идеи об отмене крепостничества. Для русских разночинцев же, впервые оказавшихся в необычной среде разноязычных сверстников, необычными были условия свободы, студенческого братства, уважения к личности.

По возвращении весной 1811 года приступил к преподаванию в Педагогическом институте под начальством любимого наставника М.А. Балугьянского, выдержал экзамен и был произведён в звание адъюнкт-профессора, а 17 августа 1811 года был определён в новое учебное заведение – Императорский Царскосельский лицей. С открытием в 1814 году Лицейского благородного пансиона там стал одновременно преподавать нравственные и политические науки. 28 ноября 1816 года был произведён в профессора 7-го класса. Педагогическая деятельность А.П. Куницына в Лицее была непродолжительной, с 1811 по 1821 годы. Но среди преподавателей лицея он занимал особое место – он оказался единственным наставником Пушкина, которому поэт особо посвящал поэтические строки в зрелые годы.

При открытии лицея на всех произвела речь Куницына, в которой он сказал: «... Вы будете иметь непосредственное влияние на благо целого общества. Забота о народе – вот важнейшая задача государственного человека, он обзревает состояние граждан, измеряет их нужды и недостатки, предвещает несчастья, им угрожающие, или прекращает постигнувшие их бедствия. (...) Приготовляясь быть хранителями законов, научитесь, прежде всего, почитать оные, ибо закон, нарушенный блюстителями оного, не имеет святости в глазах народа» (Речи, произнесённые при открытии Императорского Царскосельского Лицея, 1811).

Заканчивая свою речь, А.П. Куницын сказал: «Среди сих пустынных лесов, внимавших некогда победоносному Российскому оружию, вам поведаны будут славные дела героев, поражавших враждебные страны. На сих зыбких заветах вам показаны будут яркие следы ваших родоначальников, которые стремились на защиту Царя и Отечества, - окруженные примерами добродетели, вы ли не воспламенитесь к ней любовью? <...> Вы ли захотите смешаться с толпою людей обыкновенных, поглощаемых ежедневно волнами забвения? Нет. – Да не развратит мысль сия вашего воображения! Любовь к славе и Отечеству должны быть вашими руководителями!».

Речь поразила всех – от лицейстов до императора Александра I, немедленно пожаловавшего оратору орден Святого Владимира 4-й степени (Некрасов, 2007).

Об этом дне Пушкин напишет:

Вы помните: когда возник Лицей,
Как царь для нас открыл чертог царицын,
И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей...

На младшем курсе особо внимание уделялось преподаванию нравственности, но существовала и проблема неравенства. Как пишет современный исследователь О.А. Яценко, «в Лицее профессора и преподаватели из разночинцев столкнулись с сословной рознью между профессорами-«поповичами» и учениками-дворянами. Это характернейшее явление в дворянских учебных заведениях. Лицей, в отличие от Пажеского корпуса, не был аристократическим учебным заведением, и в нем сословная рознь была слабее, но о её наличии свидетельствуют желание А.М. Горчакова оставить Лицей, записки Корфа, в которых он отзывался о своих наставниках с пренебрежением. Биограф Пушкина Анненков, описывая расправу с ненавистным инспектором М. Пилецким, ссылаясь на «возмущенное аристократическое чувство лицеистов, как на первую, хотя и не единственную причину». Поэтому центральной задачей нравственной науки оказалась необходимость искоренения этого порока, который, по словам Малиновского, происходил от «воспитания, житья и обхождения с рабами». Куницын, после трех лет преподавания составил «Частные правила для воспитанников Лицейского Пансиона», открывшегося в 1814 году: «Каждый должен помнить, что начальники стараются о его благополучии и потому любовь к ним есть необходимая должность всех воспитанников. (...) Все воспитанники равны, как дети одного отца или семейства, и потому никто не может презирать других или гордиться перед прочими чем бы то ни было. Если кто замечен будет в сем пороке, тот занимает самое низшее место по поведению, пока не исправится. (...) Воспитанники не могут обходиться со служителями сурово и жестоко. Запрещается кричать на служителей или бранить их, хотя бы они были их крепостные люди. Только предписанных услуг можно требовать от служителей» (Селезнёв, 1861).

Преподаванию политических и нравственных наук в Лицее, которым придавалось важное воспитательное значение. В документе «Грамота, пожалованная Императорскому Лицею императором Александром I (22 сентября 1811 г. Пг., 1916 г.) сказано, что «Под именем наук нравственных понимаются все те понятия, которые относятся к нравственному положению человека в обществе и, следовательно, – понятия об устройстве гражданских обществ и о правах и обязанностях, отсюда вытекающих». Полный курс был рассчитан на 6 лет обучения и состоял из 12 циклов:

1. Психология.
1. 2 Логика.
2. Нравственность (этика).

3. Право естественное частное.
4. Право естественное публичное.
5. Право народное.
6. Право гражданское русское.
7. Право публичное русское.
8. Право уголовное.
9. Право римское.
10. Финансы.
11. Политэкономия.

В 1812 году Куницын публикуется в журналах «Сын Отечества», где помещены его статьи «Послание к русским», «Замечания на нынешнюю войну», «Речь скифского посла Александру Македонскому». С открытием в 1814 году Лицейского благородного пансиона Куницын стал одновременно там преподавать нравственные и политические науки. 28 ноября 1816 года был произведен в профессора 7-го класса. Педагогическая деятельность А.П. Куницына в Лицее была непродолжительной, с 1811 по 1821 годы. Но среди преподавателей лицея он занимал особое место – он оказался единственным наставником Пушкина, которому поэт особо посвящал поэтические строки в зрелые годы.

Куницын выписывал через Конференцию Лицея пособия и книги для лицейской библиотеки. Первыми в библиотеку Лицея в 1811 году были приобретены «Логика» Якоба и книга «О должностях человека и гражданина». Единого пособия по нравственным и политическим наукам не существовало, и Куницын неоднократно просил Конференцию Лицея приобрести для библиотеки Лицея «Жизнеописание великих людей» Плутарха, книги, необходимые для подготовки к лекциям. Он писал, что вынужден преподавать нравственные науки по рукописи, которую составил, руководствуясь сочинениями Канта, Шмальца, Гуфеланда, Клейна и книгой Монтескье «О разуме законов». Рукопись эту он давал переписывать воспитанникам, что создавало и для них, и для него неудобство. 3 сентября 1816 года он обратился в Конференцию Лицея, что намерен напечатать свою рукопись и систематизировать обзор политический наук (Руденская, М. и Руденская, С., 1986а). «Право Естественное. Сочинение профессора императорского Лицея Александру Куницына» вышло в 1818 году, когда первые выпускники уже закончили обучение.

Стиль и манера преподавания Куницына отличались от стиля Малиновского – нет свидетельств о неофициальных отношениях с учениками.

Все вспоминали о нем в служебной обстановке, на кафедре, а не в быту. На старших курсах стал требовать выучки своих тетрадей. Но это объяснялось политическими изменениями. В 1812 году произошла отставка Сперанского, что показало зыбкость реформ Александра I. Куницын, как и Сперанский был сыном сельского священника. Н. Тургенев писал: «Сперанский, выйдя из низов, достиг высоких должностей Империи. Его происхождение, несомненно, весьма способствовало его падению. Он был сыном сельского священника. Так называемое русское дворянство обнаруживает презрение к духовенству, в особенности к тем, кто, принадлежа раньше к этому сословию, достиг высокого поста; и народ, по-видимому, часто разделяет это презрение» (Тургенев, 1915).

Куницын на старшем курсе приступает к чтению «Энциклопедия прав». «Кто поступает с другими людьми, как с вещами, тот противоречит понятиям собственного разума. (...) Никто не может приобрести права собственности на другого человека ни противу воли, ни с его согласия; ибо право личности состоит в свободе располагать самим собой. (...) Употребление власти общественной без всякого ограничения есть тиранство, и кто оно производит, есть тиран. Никто не имеет права быть тираном, ибо никто не может быть без законных пределов в употреблении власти» (Куницын, 1818-1820).

Кроме преподавания, в обязанности профессоров входило и написание научных трудов, к которым относились руководства для преподавания наук, статьи. Ещё в 1812 году по требованию министерства на заседании Конференции Лицея слушали предписание «об истребовании от г. адъюнкт-профессора Куницына сочиняемой им учёной книги для преподавания ифики (этики), если она кончена (Яценко, 1992). Такой учебник Куницына неизвестен, но зато он заявил о желании написать книгу о Российском законодательстве. Известно, что книга была закончена в 1825 году, киевский митрополит Е. Болховитинов писал Перевошикову в Дерптский университет о ней хвалебный отзыв: «Рукопись сия... замечательная по обширным и глубоким исследованиям, извлечённым из летописей, грамот и древнего (средних веков) Северного права» (Яценко, 1992).

«Историческое изображение древнего судопроизводства в России» Куницына издал в 1843 году Балугьянский, уже после смерти автора.

В 1816-1820 годы Куницын читал публичные лекции и выступал на частных квартирах. Общая направленность лекций была в полном отрицании абсолютизма и крепостничества. В 1818 году – пик публицистической

активности Куницына: на страницах журнала «Сын Отечества» появляются его статьи: «О состоянии иностранных крестьян», «О конституции», разбор речи Уварова в Педагогическом институте, рассмотрение кн. Н. Тургенева «Опыт теории налогов». Он писал: «Сохранение свободы есть общая цель всех людей, которую могут они достигнуть только соблюдением взаимных норм и точным исполнением обязанностей... Каждый человек внутренне свободен и зависит только от законов разума, а посему другие люди не должны употреблять его средством для своих целей. Кто нарушит свободу другого, то поступает противу его природы; и как природа людей, несмотря на различие их состояния, одинакова, то всякое нападение, чинимое несправедливо на человека, возбуждает в вас негодование. Сие служит доказательством тому, что справедливость людям естественна».

Его главное произведение «Право естественное» (Куницын, 1818-1820). Первая часть вышла в 1818, вторая в 1820 году, тиражом 1000 экземпляров. Книга предназначалась для учебных заведений и Лицей приобрёл 500 экземпляров обсуждалось на ученом Совете о преподнесении книги императору Александру I, но несмотря на положительные отзывы, Совет не решился – изменился дух времени. Министерство народного просвещения в 1817 году было преобразовано в Министерство духовных дел и народного просвещения, а в 1819 году в Карлсбаде состоялась конференция государств Германского союза во главе с Меттернихом, целью которой было подавление любого демократического движения... Эти события получили отклик и повлияли и на отношение к образованию в России.

Согласно постановлению, устанавливался правительственный надзор за университетами, жёсткая цензура. В университетах начались гонения на профессоров и студентов. В России в январе 1820 года вышли «Инструкции директору Казанского университета», составленная М.Л. Магницким, которая была распространена в Петербурге в октябре 1821 года.

Все эти события повлияли и на отношение к Куницыну. М.Л. Магницкий так отзывался о книге Куницына: «Она есть не что иное, как сбор пагубных лжеумствований, которые, к несчастью, довольно известный Руссо ввел в моду. (...) Врагу божию три года только нужно было, чтобы довести дело свое от кафедры Куницына до потрясения Неаполя, Турина, Мадрида, Лиссабона». После рассмотрения книги Ученый комитет вынес решение: «Продажа и употребление оной признаются вредными и опасными, посему необходимо ее запретить» (Соловьёв, 1914). После этого 30 октября 1820 года состоялось

заседание, после которого Куницын покинул Лицей, доведя до выпуска второй лицейский курс.

С 1821 году стал преподавать в Педагогическом институте. В том же году вышло распоряжение министра изъять все находившиеся в Лицее, пансионе и других учебных заведениях экземпляры «Права Естественного». В главном правлении училищ по рассмотрении книги вынесено решение: «По принятому в ней за основание ложным началам и выводимому из них вредному учению, противоречащему всех связей семейственных и государственных, книгу сию, как вредную, запретить повсюду к преподаванию по ней и притом принять меры к прекращению во всех учебных заведениях преподавания естественного права по началам столь разрушительным, каковы оказались в книге Куницына». Начальству Лицея было сделано строгое замечание, Куницына отстранили от службы по министерству народного просвещения. А с 1820 по 1827 годы в стране было вообще запрещено преподавание естественного права.

А.С. Пушкин откликнулся на отставку Куницына «Посланием цензору»:

А ты, глупец и трус, что делаешь ты с нами?

Где должно б умствовать, ты хлопаешь глазами,

Не понимая нас, мараешь и дерешь,

Ты черным белое по прихоти зовешь.

Сатиру пасквилом, поэзию развратом,

Глас правды – мятежом, Куницына Маратом.

Случай с Куницыным стал первым поводом для расправы с профессурой в ноябре 1821 года.

В дальнейшем А.П. Куницын служил в канцелярии министерства финансов, затем, по ходатайству Сперанского в 1826 году был определён во II отделение Собственной канцелярии и участвовал в составлении свода законов. Также Сперанский пригласил для работы М. Корфа и М. Яковлева, воспитанников второго курса Лицея. Так начался другой период его жизни. Он стал регулярно получать чины, ордена и награды. Последняя должность - директор департамента духовных лиц иностранного вероисповедания. Куницын был женат, детей не имел. Умер в 1841 году и был похоронен в Петербурге на Георгиевском кладбище (Большая Охта), могила утеряна.

Среди трудов Куницына можно назвать:

- Изображение взаимной связи государственных сведений. – СПб., 1817;
- Право естественное. – СПб., 1818-1820. В 2-х тт.;

- Историческое изображение древнего судопроизводства в России. – СПб., 1843.

Другим видным царскосельским лицейским педагогом был Николай Федорович Кошанский (1781-1831 гг.) – единственный, кто в Лицее имел ученую степень, самый молодой профессор Лицея. Происходил он из бедной дворянской семьи, в которой не было ни недвижимого имущества, ни крестьян. В 17 лет окончил Московский университет благородном пансионе с золотой медалью, учился сразу на двух факультетах – юридическом и философском. В университетском благородном пансионе были литературные собрания воспитанников, на собраниях председательствовал В.А. Жуковский и интерес Кошанского к поэзии и художественным занятиям ярко проявился уже тогда. В 22 года он защитил диссертацию, был удостоен звания доктора философских наук. Знание множества иностранных языков (греческого, латинского, французского, немецкого, английского) способствовало его литературной деятельности в качестве переводчика и составителя учебников. Через Конференцию выписывал для библиотеки сочинения Ломоносова, Державина, Хераскова, Дмитриева, Жуковского, Воейкова, по латинской словесности – произведения Корнелия Непота.

Хорошо знал Кошанский древнюю литературу, сумел к ней привить интерес и любовь у своих учеников. В 1811 году был издан его перевод греческой поэзии «Цветы греческой поэзии», а в 1814 году издан перевод «Басни Фэдра». В Лицее читал курс российской словесности, особое внимание уделял М. Ломоносову как «основоположнику российской грамматики, основанной на живой русской речи». В то время во всех учебных заведениях пособием была кн. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге», Кошанский тоже её использовал.

После смерти Малиновского 4 апреля 1814 года слушали предписание министра о том, что должность директора Лицея «исправлять передано» профессору Кошанскому, но Кошанский через месяц заболел и обязанности директора министр Разумовский исполнять поручил профессору Гауеншильду, а преподавать российскую и латинскую словесность был приглашён Галич.

В 1816 году, когда министром был назначен князь А. Н. Голицын, а директором Энгельгардт, Кошанский вновь приступает к преподаванию. Уволился из Лицея 15 марта 1828 года в связи с болезнью. Среди его трудов выделялась «Общая риторика» (1829 г.). Выдержала десять изданий за 20 лет, по 1849 год.

«Настоящим» философом в Лицее был Галич Александр Иванович (настоящая фамилия – Говоров), (1783-1848 гг.) адъюнкт-профессор философских наук. Был приглашен в Лицей вместо заболевшего Кошанского преподавать российскую и латинскую словесность, учитель А.С. Пушкина, литератор, философ. В Лицее был всего 1 год. В дальнейшем – профессор Санкт-Петербургского университета, один из первых последователей Шеллинга в России. Галич оставил многочисленные труды по разным направлениям философии. Из всех трудов совсем недавно был переиздан «Опыт философского словаря» (Галич, 2008). Остальные работы ждут исследования и переиздания:

- Наука нравов, или философское наставление в добродетели. Пер. с нем (А. Галича). – СПб., 1833;
- История философских систем, по иностранным руководствам составленная и изданная. В 2 книгах. – СПб., 1818-1819;
- Картина человека: Опыт наставительного чтения о предметах самопознания для всех образованных сословий. – СПб., 1834;
- Лексикон философских предметов. – СПб., 1845;
- Летопись факультетов на 1835 год. – СПб., 1835;
- Логика, выбранная из Клейна. – СПб., 1831;
- Опыт науки изящного. – СПб., 1825;
- Словарь русских синоним или сословов, составленных редакцией нравственных сочинений. В 2- частях. – СПб., 1840;
- Теория красноречия для всех родов прозаических сочинений, извлеченная из немецкой библиотеки словесных наук. – СПб., 1830;
- Хронологическая таблица древней истории философии. – СПб., 1830;
- Черты умозрительной философии, выбранные их В-б-ра, Кл-на, Т-н-ра и др. – СПб., 1829.

«Две его наиболее значительные работы – «Всеобщее право» и «Философия истории человечества» – погибли во время пожара). Под конец жизни он «впал в болезни и нищету», оказался в бедственном положении и был вынужден жить в доме Н.И. Греча, в прошлом своего идейного противника. Умер в 65 лет, похоронен в Царском Селе, на Казанском кладбище, место захоронения утеряно.

Заключение

Научные общества – представляют собой исторически сложившуюся форму организации науки, хорошо осознаваемую их создателями: «Наблюдения и опыты, производимые над образующимися народами, свидетельствуют, что между всеми средствами способствовать повсеместным успехам просвещения, самым удобным может быть учреждение Учёных Обществ, которые будучи одушевляемы и руководимы творческим духом правительства, стремятся действовать совокупными силами к одной благородной цели» (Труды общества ревнителей русской словесности, 1812).

Таким образом, процессы формирования нации тесным образом связаны с национальной культурой, складыванием культурных центров, распространения образования, печати и пр. В момент формирования нации важную роль приобретает проблема языка – его распространения, создания норм национального литературного языка. Поэтому исследование культуры следует совместить с лингвосоциальной проблематикой. Если историки-слависты, литературоведы, языковеды уже проводят сравнительно-типологические исследования, поскольку уже существуют и достаточно разработаны отдельные национальные истории, истории литератур, накоплен языковедческий материал, то в отношении истории культуры предстоит ещё большая работа.

Список источников информации:

- Абаренков В.П., Аверкин А.Г., Агешин Ю.А. (1983). *Краткий политический словарь*. Москва: Политиздат.
- Аверьянов, Ю.И. (сост.) (1993). *Политология: энциклопедический словарь*. Москва: Издательство Московского Коммерческого Университета.
- Ануфриев, Н. (1916). Правительственная регламентация образования частных обществ в России. *Вопросы административного права*, 15-44. Москва.
- Артемяева, Т.В., Микешин, М.И. (2020). *Интеллектуальная культура эпохи Просвещения в Росси. Учебное пособие*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский центр истории идей, Издательство «Политехника Сервис».
- Артемяева, Т.В. (2009). Вхождение России в интеллектуальное пространство Европы (от Петра I до Екатерины II). *Вопросы философии*, 9, 44-55.
- Буйчик, А.Г. (2019). Клирономия – наука о сохранении историко-культурного наследия. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание*, 3 (90), 90-93.

- Галич, А.И. (сост.) (2008). Опыт философского словаря. Санкт-Петербург: Иваново.
- Геллнер, Э. (1991). Нации и национализм. Москва: Прогресс.
- Национализм (2005, 24 февраля). Глоссарий.Ру. Извлечено 12 октября 2020 г. из http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RNg.outgrons
- Горев, А.В. (1984). *Махатма Ганди*. Москва: «Международные отношения».
- Горлова, И.И., Коваленко, Т.В., Зорин, А.Л. (2018). О соотношении понятий «культурное наследие» и «памятники культуры» в контексте разных исторических эпох. *Культурное наследие России*, 4, 3-8.
- Данн, О. (2003). Нации и национализм в Германии. 1770-1990. Санкт-Петербург: Наука.
- Дашкова, Е.Р. (1783). *Речь, говоренная при открытии Императорской Российской академии октября 21 дня 1783 года*. Санкт-Петербург: При Императорской Академии наук.
- Ильин, И.А. (1992). *Наши задачи*. Москва: Рарог.
- Исламов, Т.И., Лещиловская, И.И., Ненашева, З.С. (1996). *Славянские матрицы. XIX век: коллективная монография в 2 ч.* Москва: ИСБ РАН.
- Исторические бумаги К.И. Арсеньева, изданные академиком П. Пекарским. (1872). *Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Т. 9*. Санкт-Петербург.
- Каган, М.С. (1996). *Град Петров в истории русской культуры*. Санкт-Петербург: ООО «Издательская торговая компания «Наука-Бизнес-Паритет».
- Кампе, И.Г. (1783-1785). *Детская библиотека*. Санкт-Петербург: Иждивением Императорской Академии наук.
- Кола, Д. (2001). Политическая социология. Москва: Весь мир, ИНФРА-М.
- Коломинов, В.В., Файнштейн, М.Ш. (1986). *Храм муз словесных. (Из истории Российской академии)*. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение.
- Копелевич, Ю.Х., Ожигова, Е.П. (1989). Научные академии стран Западной Европы и Северной Америки. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение.
- Козлова, Г. (ред., сост.) (1989). *Опыт словаря нового мышления*. Москва: Прогресс.
- Косачевская, Е.М. (1971). *Михаил Андреевич Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX века*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета.
- Куницын, А.П. (1818-1820). *Право естественное*. Санкт-Петербург.
- Ленин, В.И. (1958-1965). *Полное собрание сочинений. Т. 39*. Москва: Госполитиздат.

- Леонтьев, А.А. (1998). *Культуры и языки народов России, стран СНГ и Балтии*. Москва: Московский психолого-социальный институт, Флинта.
- Малиновский, В.Ф. (1958). *Избранные общественно-политические сочинения*. Москва: Издательство Академии наук СССР.
- Молчанов, С.Н. (сост.) (2003). *Сборник правовых актов Совета Европы о сохранении культурного наследия*. Ч. 2. Екатеринбург: Банк культурной информации.
- Некрасов, С.М. (2007). *Лицейская лира: Лицей в творчестве его воспитанников*. Санкт-Петербург: Вита-Нова.
- Осипов, Ю.С. (гл. ред.) (2000). *Летопись Российской академии наук*. Т. 1. 1724-1802. Санкт-Петербург: Наука.
- Победоносцев, К.П. (2004). *Великая ложь нашего времени*. Москва: Развитие духовности, культуры и науки.
- Расторгуев, В.Н. (2018). Цивилизационное наследие России: методология исследовательской программы и контуры долгосрочной стратегии. *Материалы Всероссийской конференции «Цивилизационный путь России: культурно-историческое наследие и стратегия развития»*, Журнал института наследия, 2 (13), 1.
- Речи, произнесённые при открытии Императорского Царскосельского Лицея (1811). Санкт-Петербург.
- Романтизм (2015). Большая Российская энциклопедия. Т. 28. Москва: БРЭ.
- Руденская, М.П., Руденская, С.Д. (1986а). «Наставникам ... за благо воздадим». Ленинград: Лениздат.
- Руденская, М.П., Руденская, С.Д. (1986б). *С лицейского порога*. Ленинград: Лениздат.
- Русский Архив. 1890. Т. III.
- Садохин, А.П., Грушевицкая, Т.Г. (2001). Этнология. Москва: Академия.
- Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления (1994). *Сборник статей*. Российская академия наук. Институт философии. Москва: Фирма «АРГО».
- Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819-1919. Т. 1. (1921). Петроград.
- Селезнёв, И. (1861). *Исторический очерк Императорского бывшего Царскосельского ныне Александровского Лицея за первое его пятидесятилетие, с 1811 по 1861 г.* Санкт-Петербург.
- Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Ч. 1-6. (1806-1822). Санкт-Петербург.

- Соболева, Е.В. (1983). *Организация науки в пореформенной России*. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение.
- Соловьёв, И.М. (1914). *Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников*. Санкт-Петербург.
- Сухомлинов, М.И. (сост.) (1885-1900). *Материалы для истории императорской Академии наук. Т. I-X*. Санкт-Петербург.
- Труды общества ревнителей русской словесности. Ч. 1 Кн. 1-2. (1812). Москва.
- Тургенев, Н.И. (1915). *Россия и русские*. Москва: К.Ф. Некрасов.
- Тычинина, Л.В. (2010). Великая дружба под сенью Царского Села. Екатерина II и Е.Р. Дашкова. *Сборник Царское Село на перекрестке времен и судеб. Материалы XVI научной Царскосельской конференции, 2*, 307-313. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа.
- Файнштейн, М.Ш. (2002). «II славу Франции в России превзойти...» *Российская Академия (1783-1841) и развитие гуманитарных наук*. Санкт-Петербург: Архив Российской Академии наук, Санкт-Петербургский филиал.
- Фёдорова, М.М. (1997). *Модернизм и антимодернизм во французской политической мысли XIX века*. Москва: Российская академия наук, Институт философии.
- Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 1, раздел V (смесь). (1863). Москва: Типография Г. Лисснера и Д. Собко.
- Шишков, А.С. (1870). *Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова: в 2-х т. Т. 2*. Берлин: Н. Киселева и Ю. Самарина.
- Яценко, О.А. (1992). «Куницыну дань сердца и вина...». ...II в просвещении *стать с веком наравне. Сборник научных трудов*. Санкт-Петербург: Образование.
- Clarkson, J.P. (1950). "Big Jim" Larkin: a Foot not to Nationalism. *Nationalism and Internationalism*, 45-63. N.Y. (на англ.)
- Munjari, D. (2007). Tangible and intangible Heritage: from Difference to Convergence. *Cultural Heritage. Critical Concepts in Media and Cultural Studies*, 4, 324-336. London: Routledge. (на англ.)

DOI: 10.47451/phi2020-12-001

EOI: 10.11244/phi2020-12-001

Alexander Buychik

Doctor of Economic Sciences, PhD of Social and Political Sciences

Chief Director

European Scientific e-Journal

Ostrava- Hlučín, Czech

E-mail: info@buychik.eu

ORCID: 0000-0002-2542-4198

The formation of klironomical thinking in the system of the social outlook

Abstract:

The preservation of the historical and cultural heritage of civilization is the most urgent and priority direction of the world community development as a whole and the society of each state individually. The cultural image of society cannot be formed from nowhere, from a blank slate. This is the result of centuries-old transformations, diffusions and interpenetration of semiotic series, traditions, folklore, in its essence the formation of intangible cultural heritage and transfer into a material shell, which begins to form the heritage value's concept, first in economic perception (equivalent), and then spiritual – the values of the past for future society. The expanded paper, based on the first two chapters of the monograph on klironomy, a new science on the cultural heritage preservation being developed, is an analysis of the evolution of the formation of a special kind of outlook in a person and society based on klironomical thinking, i.e., thoughts about preserving the past for the future. The author concludes that the individual and social outlook began to expand not only in philosophical terms, but also culturological and art criticism. Gradually, understanding not only the very essence of the preservation of cultural heritage, but also its processes and patterns, led to the formation of a separate direction of outlook, which requires a new name and definition – klironomical.

Keywords:

outlook, klironomy, klironomical thinking, historical and cultural heritage, preservation of cultural heritage.

Александр Геннадьевич Буйчик

д-р экон. н., PhD соц. и полит. н.

Генеральный директор

European Scientific e-Journal

Острава-Глуцин, Чехия

E-mail: info@buychik.eu

ORCID: 0000-0002-2542-4198

Формирование клирономического мышления в системе общественного мировоззрения

Аннотация:

Сохранение историко-культурного наследия цивилизации является наиболее актуальным и приоритетным направлением развития мирового сообщества в целом и общества каждого государства в отдельности. Культурный облик общества не может быть сформирован из ниоткуда, с чистого листа. Это – результат многовековых трансформаций, диффузий и взаимопроникновений семиотических рядов, традиций, фольклора, по своей сущности формирование нематериального культурного наследия и его переноса в материальную оболочку, что начинает формировать понятие ценности наследия, сначала в экономическом восприятии (эквиваленте), а затем и духовном – ценности прошлого для общества в будущем. Расширенная статья, основанная на первых двух главах монографии о клирономии – разрабатываемой новой науке о сохранении культурного наследия, представляет собой анализ эволюции формирования у человека и общества особого рода мировоззрения, основанного на клирономическом мышлении, т.е. мысли о сохранении прошлого для будущего. Автор делает заключение, что мировоззрение индивидуума и общества стало расширяться не только в философском плане, но также культурологическом и искусствоведческом. Постепенно понимание не только самой сути сохранения культурного наследия, но и его процессов и закономерностей, привели к тому, что стало формироваться отдельное направление мировоззрения, которое требует нового названия и определения – клирономическое.

Ключевые слова:

мировоззрение, клирономия, клирономическое мышление, историко-культурное наследие, сохранение культурного наследия.

Введение

Сохранение историко-культурного наследия цивилизации является наиболее актуальным и приоритетным направлением развития мирового сообщества в целом и общества каждого государства в отдельности. Невозможно представить прогресс человечества без понимания его первоисточников и развития культуры на протяжении всех стадий (эпох) формирования современного облика социума. Под современным для каждого момента времени состоянием общества необходимо понимать результат изменений данного социума на протяжении всего его эволюционирования в темпоральном измерении.

Культурный облик общества не может быть сформирован из ниоткуда, с чистого листа. Это – результат многовековых трансформаций, диффузий и взаимопроникновений семиотических рядов, традиций, фольклора, по своей сущности формирование нематериального культурного наследия и его переноса в материальную оболочку, что начинает формировать понятие

ценности наследия, сначала в экономическом восприятии (эквиваленте), а затем и духовном – ценности прошлого для общества в будущем.

Термин «клирономия» был разработан на основе греческого слова κληρονομία [klirɔnɔm'ja] или [клирономѝа], что в переводе означает в буквальном смысле «наследие». Наследием называются явления культуры и быта людей, оставшиеся от прежних времён. Следовательно, использование данного греческого слова применительно к названию всей науки о сохранении историко-культурного наследия является правомерным и логичным. Клирономическое мировоззрение также имеет право быть использовано как отдельный термин. Мировоззрение означает систему взглядов, оценок и образных представлений о мире и месте в нём человека, общее его отношение к окружающей действительности и самому себе, а также обусловленные этими взглядами основные жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации (Буйчик, 2019в). Следовательно, клирономическое мировоззрение – это систему взглядов, оценок и образных представлений о историко-культурном наследии и осознание роли человека по отношению к нему, общее его отношение к окружающим объектам, предметам и элементам историко-культурного наследия, а также обусловленные этими взглядами основные жизненные позиции, убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации.

Историко-культурное наследие подразумевает под собой обязательно сохранение и нематериального, и материального духовного наследия. В данной мини-монографии использованы материалы первых двух глав книги «Клирономия – наука о сохранении культурного наследия», вышедшей в 2019 году в Германии и Франции на русском и английском языках, в которых раскрывается характер и эволюция формирования понятия «культурное наследие», что послужило в дальнейшем фундаментом для разработки новой науки.

1. Эмпирический характер сохранения культурного наследия

Историко-культурное, или культурное, наследие – это часть материальной и нематериальной культуры, созданная прошлыми поколениями и клирономический базис общества (Буйчик, 2018). В данном параграфе рассматривается темпоральное изменение в клирономическом мировоззрении общества относительно историко-культурного наследия прошлых цивилизаций, которое формирует уровень общества.

На протяжении последних 12 тысяч лет истории человечества было создано большое количество рисунков, строений, статуй и предметов быта. Наскальные изображения мы находим в гротах и пещерах, заселение которых происходило десятки тысяч лет назад. Осенью 2014 года на острове Сулавеси археологи обнаружили предположительно древнейшие петроглифы в истории развития человечества, которым порядка 40 тысяч лет (Самые древние наскальные рисунки обнаружены в пещере в Индонезии, 2014). Первые городские поселения, датировки которых официально признаны археологами, относятся к 8-му тысячелетию до н.э. Среди них особо выделяют поселение Иерихон, или Ариха на иврите, находящийся на Западном берегу реки Иордан, первые следы жизни людей в котором как раз относятся к данному периоду времени, а древнейшие городские укрепления датируются не позднее 6800 года до н.э., т.е. началом 7-го тысячелетия до н.э. (Strutin, 2001).

Иерихоном по возрасту постройки городских сооружений соперничает Дамаск, современная столица Сирийской Республики. Раскопки в предместье Тель-Рамад указывают, что территория современного Дамаска была заселена уже в 10-9-м тысячелетиях до н.э. (Neolithic Tell Ramad. Pre-History and Archaeology Glossary, 2001), т.е. существует вероятность, что именно Дамаск является древнейшим городским поселением на планете, хотя вплоть до нашествия арабеев около 1400 года до н.э. он не был достаточно важным населённым пунктом региона. Также среди самых древних постоянных поселений человека называется город Библ, территория которого была заселена уже в 7 тысячелетии до н.э., но как городское поселение известен только с 3-го тысячелетия до н.э. (Neolithic Tell Ramad. Pre-History and Archaeology Glossary, 2001). Ещё одно поселение – Гобекли-Тепе, обнаруженное в 1994 году – по археологическим данным также было построено примерно в 7 тысячелетии до н.э. (Moscatti, 2001), но насколько крупным бы этот город в тот период, пока остаётся открытым вопросом.

Однако среди археологов, историков, культурологов и искусствоведов идёт многолетний спор, что именно считать историко-культурным наследием прошлого. Датировка относительно недавних объектов – зданий, скульптур, предметов декоративно-прикладного искусства и живописи – регулируется законодательством отдельных государств и ЮНЕСКО. К объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации относятся объекты недвижимого имущества (включая объекты археологического наследия) и иные объекты с исторически связанными с ними территориями, произведениями живописи, скульптуры, декоративно-

прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры (Федеральный закон от 25.06.2002 №73-ФЗ). Однако определение важности объекта или предмета прошлого остаётся абсолютно субъективным, на усмотрение экспертной комиссии при профильном министерстве каждого государства. Те объекты и предметы прошлого, которые определены как историко-культурное наследие, ранжируются по значимости – всемирного, национального и регионального значения.

Если на современном этапе развития общества, начиная с момента принятия Международным советом музеев в 1931 году Афинской хартии, имеется большое количество регламентирующих документов, определяющих сущность и категорию объекта или предмета культурного наследия, то на протяжении десятков веков наследие прошлого определялось в различных цивилизациях по-разному.

Первым официально известным фактом сохранения объекта как определённой социальной, политической или культурной ценности цивилизации, т.е. неким исторически подтверждённым фактом зарождения клирономического мировоззрения человека, является сообщение о восстановлении из песков Большого Сфинкса в долине Гиза. Первое упоминание о работах над Большим Сфинксом относится примерно к 1400 году до н.э. На стеле эпохи правления Тутмоса IV, возведённой между двумя лапами Большого Сфинкса и сохранившейся до наших дней, сохранилась надпись, что царский сын Тутмос отправился на охоту в долину джейранов, где Хор-эм-Ахт заговорил с ним во сне и спросил от лица Хармахиса освободить его от песка. Сфинкс предложил освободить его от песка в обмен на корону Верхнего и Нижнего Египта. К тому периоду монумент почти полностью был погружён в пески, что по данным палеоклиматических исследований могло произойти не менее, чем за 1000 лет запустения объекта. Это говорит о том, что сам Большой Сфинкс был создан не позже 2500-2400 годов до н.э. (Буйчик, 2014а).

Смысл стелы Тутмоса IV заключался в том, что он освободил объект от песка, очистил его, привёл в надлежащий вид и, тем самым, спустя короткое

время стал очередным фараоном. Археологические данные подтверждают, что Тутмос действительно провёл крупномасштабную и дорогостоящую работу. Сохранившиеся остатки стен из кирпича-сырца с надписью имени «Тутмос» доказывают, что восстановительные работы велись согласно именно информации на данной стеле. Также сохранившиеся блоки были аналогичны тем, что использовались Хефреном при строительстве дамбы, что сужает исторические рамки и доказывает правдивость имеющейся информации на стеле.

Таким образом, первые известные человечеству реставрационно-консервационные работы клирономического характера в период правления фараона Тутмоса IV состояли из трёх основных этапов:

1. Очистка монумента от песка. Вероятно, Большой Сфинкс был очищен полностью, а не частично, не смотря на утверждения некоторых источников. Это было важно не только с точки зрения восстановления всего облика божества, но и с позиции величия власти и культа.
2. Постройка защитных саманных стен вокруг Большого Сфинкса с целью его защиты от физического воздействия ветра и песка. Благодаря стенам монумент продлил своё существование, хотя ветровая и механическая эрозия продолжались, пусть и в меньших объёмах. На сегодняшний день считается спорным, в каком виде Большой Сфинкс сохранился бы лучше – под песками или за стенами.
3. Восстановление повреждённых частей монумента: возвращение в объём монумента отколовшихся частей, скреплённых цементирующим составом (Буйчик, 2014а).

Это был наглядный пример реставрационных работ, т.е. комплекса клирономических мероприятий. Фактически, на сегодняшний день дата 1400 года до н.э. может считаться самым древним документально обоснованным упоминанием о реставрационных работах, что значительно отодвигает историографию научно-практического течения.

Однако на протяжении всей истории крупнейших цивилизаций планеты понятие сохранения ценностей прошлого и их разрушение находились в некоей симметрии. Фактически, сохранение и вандализм в различных их формах сосуществовали во всех эпохах развития человечества, являя собой борьбу противоположностей: клирономии и вандализма. Древнеегипетские фараоны обрушивали свои войска на территории Нубийского царства, грабя и уничтожая многочисленные храмы, что ответно делали правители самой Нубии. Несмотря на обоюдный вандализм, правители древнейших царств –

Древнего Египта, Нубии, Шумеро-Аккадского царства и др. – вели противоречивую политику и относительно объектов своего историко-культурного наследия, уничтожая стелы, статуи и фрески некоторых прошлых неудобных для внутренней политики правителей, и в то же время, заботясь о наиболее значимых монументах, имеющих сакральный смысл для цивилизации. Также имеются сведения о восстановительных работах в древнеегипетских и шумеро-аккадских городах.

Следовательно, уже в эпоху древнейших царств уже существовало условное клирономическое понятие консервационно-реставрационных работ, которые исторически тесно соседствовали с вандализмом.

Сам термин «вандализм» был сформулирован в конце XVIII века. И относится ко времени Великой Французской революции. Данный термин впервые в современном значении использовал в своём «Докладе о разрушениях, творимых вандализмом, и средствах их предотвращения» член Национального конвента аббат Анри Грегуар в 1794 году (Din-i Ilahi. Britannica Online Encyclopedia, 2013), призвав к принципиальному пресечению попыток уничтожения памятников искусства. Сам термин происходит от названия восточногерманского союза племён вандалов, разграбивших Рим в июне 455 года и не имевших никакого отношения к племенам вендов, западных славян, информация о чём стала устойчивым клише с VIII века, когда она ошибочно или намеренно появилась трудах западноевропейских хронистов (Francovich, 2002). Вандализм – это одна из форм деструктивного девиантного поведения человека, в ходе которого уничтожаются или оскверняются предметы искусства, культуры.

Английские источники обращают внимание на правовой аспект вандализма: «Вандализм – преднамеренное разрушение или повреждение частной либо общественной собственности» (Oxford Living Dictionaries. Oxford University Dictionary, 2017). Согласно Энциклопедическому словарю Брокгауза и Эфрона: «Вандализм – дикий беспощадный грабёж, варварство» (Брокгауз, 1993).

Вандализм относительно разрушения объектов прошлого различной историко-культурной ценности можно классифицировать, используя мотивационную типологию вандализма С. Коэна:

- способ приобретения;
- тактический;
- идеологический;

- мщение (Cohen, 1973).

Практика вандализма была свойственна не только племенам вандалов и варваров, которые в силу диаметрально противоположных взглядов на религию не воспринимали ценности античности Древней Греции и Древнего Рима. Особо ярким примером вандализма можно считать неприятие арабов-мусульман иных культур. В 641 году Халиф Умар ибн аль-Хаттаб повелел полководцу Амру ибн аль-Асу сжечь Александрийскую библиотеку, уточнив: «Если в этих книгах говорится то, что есть в Коране, то они бесполезны. Если же в них говорится что-нибудь другое, то они вредны. Поэтому и в том, и в другом случае их надо сжечь» (Богуславский, 2006). Если первый известный факт сожжения Александрийской библиотеки войсками Юлия Гая Цезаря в 47 году до н.э. можно отнести скорее к категории «случайности», т.к. целью захвата города были верфи и склады с хлебом, то разграбление города в 216 году войсками императора Каракаллы уже относится к способу приобретения, а вандализм арабов-мусульман – к идеологическому.

Идеологический вандализм на почве исламского религиозного фанатизма является наиболее ужасающим среди прочих. В большинстве случаев результатом такой формы вандализма является полная потеря объектов и предметов историко-культурного наследия. Примером могут считаться:

- 1) разрушение в 2001 году гигантских древних статуй Будды в Афганистане и экспонатов Национального музея в Кабуле силами террористического движения Талибан;
- 2) уничтожение в 2014-2016 годах археологических памятников древних городов Пальмира, Нимруд, Хатра, памятников шумерского, ассирийского и вавилонского искусства, хранившихся в музее города Мосул боевиками террористического движения «Исламское государство Ирака и Леванта», в последующем – ИГ.

Идеологический вандализм на почве фашистской идеологии также показал крайние формы неприятия историко-культурного наследия, которые перемежались со способом приобретением в форме изъятия и присвоения чужого наследия. В ходе Второй мировой войны немецкими войсками были уничтожены и разграблены десятки дворцово-парковых ансамблей и тысячи объектов культурного наследия в Восточной Европе и на территории западных республик

Советского Союза, в том числе большинство объектов деревянного зодчества, дворцы и соборы Варшавы, Праги, Киева, Смоленска, пригородов Ленинграда (ныне – Санкт-Петербурга). До сих пор не найдены компоненты

уникальной Янтарной комнаты, знаменитого шедевра искусства XVIII века, вывезенного фашистскими офицерами из Большого Екатерининского дворца г. Пушкина (Санкт-Петербург).

Долгое время, в эпоху Средневековья и Возрождения, отношение к историко-культурному наследию было равнодушным. Зачатки клирономического мировоззрения общества угасли. Мы можем видеть сотни картин голландских, немецких, французских и итальянских художников XV-XVIII веков, на которых изображены красочные пейзажи и сцены из жизни различных слоёв населения на фоне руин прошлых эпох, в основном, древнеримских и древнегреческих строений и статуй.

Отсутствуют и документальные подтверждения каких-либо масштабных мероприятий по сохранению или восстановлению объектов кроме начала реставрации в 1565 году фресок Сикстинской капеллы спустя 53 года после их создания. Объекты и предметы наследия, в основном, не уничтожались, а оставались в забвении, что может интерпретироваться как некая форма идеологического вандализма. Учитывая, что в V-VIII и XV-XVIII веках наблюдались малые ледниковые периоды, которые сопровождались нестабильными климатическими условиями и общим похолоданием на территории Европы, необходимо отметить, что подавляющее большинство объектов получили невосполнимый урон и практически были утеряны для будущих поколений.

В эпоху Средневековья произошла резкая смена ценностей в отношении к античной культуре. В 529 году император Юстиниан закрыл Платоновскую академию в Афинах, которая просуществовала около 900 лет. Запрет выплачивать жалование учителям риторики и грамматики привёл к достаточно быстрому закрытию большинства школ афинского типа. Также стремительно стали закрываться языческие храмы, их имущество отбиралось в пользу казны. Фактически материальное историко-культурное наследие античности проходило сложную и комплексную нематериальную трансформацию, адаптируясь к доктрине христианства. На повседневном уровне, например, произошла постепенная трансформация языческих праздников, переименованных на христианский лад – Новый год, Масленица и другие. Трансформационные процессы претерпели и «свободные искусства» античности – грамматика, диалектика, риторика, арифметика, геометрия, астрономия и музыка. Светские знания в Средневековье признавались второстепенными, подчинёнными изучению Библии и христианской догматики. Особенно неприемлемым считалось эстетическое воспитание,

объявленное «духовной мерзостью». Фактически, те клирономические воззрения, которые составляли базис нематериального историко-культурного наследия античности, искусственно и методично искоренялись.

Следовательно, можно считать, что в эпоху Средневековья ранее христианство, занимая непримиримую позицию к «языческой» античности само использовало инструменты вандализма – в буквальном и условном понимании. Внутри Европы нематериальное историко-культурное наследие прошлого трансформировалось, а материальное – игнорировалось или уничтожалось, например, многочисленные труды античных философов. Однако за пределами Европейского пространства христианские миссионеры и крестоносцы вообще не отличались гуманизмом и не ограничивались простым игнорированием «чужого» культурного наследия. Во время крестовых походов, начавшихся после объявления папой Урбаном II на Клермонском соборе 1095 года политики возвращения Святой земли, было сожжено множество храмов, разрушены десятки крепостей.

Например, во время Первого крестового похода спускаясь по реке Дунай, участники разграбили и опустошили венгерские земли, а затем занялись вандализмом в Константинополе. В общей сложности, за 350 лет, с 1096 по 1444 годы, был организован 21 крестовый поход, в результате которых, в основном, Юго-Восточная Европа и Ближний Восток потеряли множество предметов историко-культурного наследия населявших эти территории народов.

Эпоха Возрождения, или Ренессанса, ознаменовалась новой культурной парадигмы, возникшей в следствие кардинальных изменений общественных отношений в Европе и их переосмыслением. Понятие «Возрождение» ввёл итальянский живописец и историк искусств XVI века Джорджо Вазари (Брокгауз, 1993), который в 1550 году в своём труде «Жизнеописания знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» отозвался о представителях итальянского искусства своей эпохи как о людях, которым удалось возродить античные традиции, «низвергнутые до крайней своей гибели» (Гучков, 2016).

Данная эпоха подразделилась на 4 периода:

- 1) Проторенессанс, или Позднее Средневековье (2-я половина XIII в. – XIV в.);
- 2) Раннее Возрождение (XV в.);
- 3) Высокое Возрождение (первые 20 лет XVI в.);
- 4) Позднее Возрождение (середина и конец XVI в.).

В искусстве возвращение к ценностям античности происходит только в XV веке, поэтому Проторенессанс никак не повлиял на европейские цивилизации с точки зрения переоценки культурного наследия. К тому же, до середины XV века продолжались Крестовые походы, и влияние христианской церкви на социальную и духовную жизнь Европы была крайне велика. Хотя условно начало эпохи Возрождения относят к Пасхе 8 апреля 1341 года, когда сенат Рима за заслуги в искусстве наградил лавровым венком Франческу Петрарку, однако это был лишь эпизод, который скорее служил исключением в период Проторенессанса, чем закономерным венцом трансформаций, начавшихся во 2-й половине XIII века с расцветом готической архитектуры.

Эпоха Возрождения не принесла фундаментальных изменений во взгляды общества на историко-культурное наследие. Если быть точнее, то в архитектуре, скульптуре, а затем и живописи стали только применяться достижения искусства античности. Однако к самим объектам и предметам культурного наследия прошлого в Европе ещё долгое время оставалось нейтральное отношение. Особо контрастировало с идеалами Ренессанса поведение конкистадоров и первых поселенцев в Центральной и Южной Америке относительно культурных ценностей местных народов – майя, ацтеков, инков. Варварство и открытый вандализм испанцев, как откровенная форма антиклирономического воззрения, привели к тому, что древние цивилизации были разграблены, их многочисленные ценности либо присвоены, т.е. вывезены в Европу, либо бесследно исчезли.

Фактически, Тодессильясский договор 1494 года узаконил изъятие любых ценностей цивилизаций Нового Света в пользу испанской казны. Хотя Филипп II в 1573 году издал «Ордонанс о новых открытиях», в котором наложил прямой запрет на любые грабежи, насильственное обращение в христианство, однако по своей сути документ не защищал народы Америки от самого изъятия ценностей. Пиратство и штормы стали элементами исторической потери части вывезенного культурного наследия индейских народов.

Племена майя, ацтеков и инков стали приходить в упадок, терять своё нематериальное историко-культурное наследие, которое накапливали и сохраняли веками, города приходили в упадок и запустение. На протяжении последующих веков вплоть до XX века никто не интересовался заброшенными городами с точки зрения науки и восстановления наследия.

В дальнейшем принципы варваризации были успешно заимствованы и применены и португальцами при колонизации территории современной Бразилии, и англичанами при захвате территорий Северной Америки.

В исторической ретроспективе эпоха Ренессанса показала, что с «высот художественных достижений Возрождения, составляющих золотой фонд общечеловеческого наследия, социально-экономические достижения, превзойденные последующим развитием, блекнут и предстают не как определяющие причины, а лишь как сопутствующая внешняя среда» (Сунягин, 1985). Это отразилось и на отношении к историко-культурному наследию: возродились клирономические взгляды.

Строительство новых соборов, храмов, церквей, зданий велось всё убыстряющимися темпами, богатеющие кланы ринулись в гонку за позиционированием своего капитала – заказами на статуи, картины, отделку интерьеров. Например, знаменитая и одна из самых богатых семей Европы – Медичи – за 300 лет своего процветания финансировала строительство таких объектов, как:

- 3-х дворцов – Палаццо Веккьо скульптором и архитектором Арнольфо ди Камбио (1299-1314 гг.) (Tomasi, 2007), Палаццо Медичи-Риккарди архитектором и скульптором Микелоццо ди Бартоломео (1444-1460 гг.) (Ferrara & Quinterio, 1984) и Палаццо архитектором и скульптором Питти Филиппо Брунеллески (1458-1464 гг.) (Kох, 2005);
- 2-х капелл – Медичи в церкви св. Аннунциаты тем же М. ди Бартоломео (Oesterreich, 1774) и Новой Сакристии в церкви Сан-Лоренцо Микеланджело Буонарроти (Erpel, 1990);
- 2-х вилл – Виллы Пратолино по проекту художника, театрального архитектора и сценического оформителя Бернардо Буонталенти Виллы Медичи в Риме в исполнении архитектора и скульптора Бартоломео Амманати (1576 г.) (Брокгауз, 1993).

Необходимо заметить, что все выше перечисленные архитекторы были очень знамениты и являлись ведущими в итальянской школе. Также семья Медичи привлекала для заказов живописных полотен, барельефов и скульптур таких именитых мастеров как:

- Андреа дель Верроккьо – надгробие Козимо Медичи (1465 г.), скульптурная группа «Уверение Фомы» (1476-1483 гг.), гробница Пьеро и Джованни Медичи, эскизы штандартов и рыцарских доспехов для

турниров Лоренцо Медичи, скульптура «Мальчик с дельфином» для фонтана виллы Медичи в Кареджи (Дзуффи, 2008);

- Сандро Боттичелли – роспись знамени для Джулиано Медичи, картина «Поклонение волхвов», среди изображённых – представители рода (1475-1478 гг.), портрет Джулиано Медичи, «Паллада и кентавр», «Весна» и другие (Зарницкий, 2007);
- Беноццо Гоццолли – росписи фрески в Палаццо Медичи-Риккарди (Дзуффи, 2008);
- Лука Джордано – фрески в палаццо Медичи-Риккарди (Вазари, 2017);
- Понтормо (настоящее имя Якопо Каруччи) – росписи виллы Медичи в Поджо-а-Кайано (Летга, 1999).

Как видно из списка творцов, работавших на членов семьи Медичи, в эпоху Возрождения привлекались огромные средства из накоплений богатейших кланов на создание нового, но не на восстановление или хотя бы поддержание старого. Всё это порождало фонд будущего богатого историко-культурного наследия, но не способствовало зарождению именно научного клирономического понимания сохранения наследия прошлого. Архитекторы, скульпторы и живописцы Ренессанса с большим энтузиазмом обращались к достижениям искусства античности, но только это, не более. Подражание и копирование не ассоциировалось с возможностью восстановления имевшегося фонда объектов и предметов античности и более ранних эпох.

В XI-XIV веках подобное отношение прослеживается практически во всех государствах Европы, включая Русь. Анализ состава каменных стен средневековых крепостей и церквей Великого Новгорода, Пскова, Киева и ряда других городов показывает, что, естественно, ремонтно-восстановительные работы велись на всём протяжении веков, но они также носили характер лишь буквального поддержания объектов в должном состоянии. Часто ремонт производился абсолютно другими материалами и методиками, что больше походило на вынужденные минимальные действия по удержанию объекта в сохранности, чем на реставрационные работы.

В этот период входит в практику создание картинных галерей в зданиях, которые были специально возведены для этого или хорошо подходили по своим художественно-архитектурным достоинствам. Семья Медичи, например, тратила на создание галерей большую часть своей казны. В 1582 году здание, построенное Дж. Вазари в 1565 году для административных офисов, было отведено под знаменитую ныне галерею Уффици (Фосси, 2013). Здание

Уффици соединяется посредством Старого моста (итал. – Ponte Vecchio) с другой знаменитой галереей – Питти. Подобные галерейные комплексы стали возникать и в других городах Апеннинского полуострова – Пизе, Сиене, Вероне, Венеции – и позже в крупных городах Европы – в Германии, Франции, Испании, Нидерландах, Швеции и Англии.

Следовательно, все эти галереи создавались во имя сохранения уже имеющихся предметов историко-культурного наследия – живописи и скульптуры, – что можно считать основанием для объявления конца XVI – начала XVII века началом масштабной деятельности по сохранению некоторых видов объектов историко-культурного наследия: живописных картин, фресок, скульптур и ряда предметов декоративно-прикладного искусства, т.е. предтеч формирования клирономического мировоззрения. Данный вид сохранения не был пока осмысленным относительно консервации, т.к. предметы и объекты не требовали экспертного вмешательства в силу своей относительной временной новизны и хорошего состояния. До наших дней не сохранились какие-либо документальные подтверждения реставрации полотен или скульптур, которые были повреждены во время экспозиции в галереях на протяжении XVI-XVII веков. Вполне вероятно, что такие работы проводились, но либо тайно, либо настолько эпизодически и без должного профессионального подхода, что не были удостоены внимания хранителей данных галерей в их отчётах.

Эпоху Ренессанса через религиозную реформацию (Бадак и др., 2002) сменило Просвещение, которое определяется в рамках конца XVII – всего XVIII века. Однако именно период религиозной реформации (XVI в. – 1-я пол. XVII в.) становится переломным и значимым в деле истинного сохранения культурного наследия прошлого в Европе. Как уже говорилось выше, первые документально известные реставрационные работы эпохи Возрождения были проведены с фресками Сикстинской капеллы в 1565 году, именно в конце Ренессанса.

В дальнейшем, спустя 160 лет, в 1726 году, в эпоху Просвещения, художником Микеланджело Беллотти была предпринята первая попытка восстановить картину выдающегося живописца и учёного Леонардо да Винчи «Тайная вечеря». Уже в 1729 году была описана реставрационная работа Доменико Микелини в Венеции с полотнами Тициана. Именно тогда реставрация начинает определяться как профессиональное направление, и сама профессия «реставратора» становится более значимой. Во второй трети XVIII века она уже становится отдельной профессией во Франции, что можно

считать важным историческим фактом в формировании клирономического мировоззрения. Почти 85 лет, с 1735 по 1820 годы проводилась реставрация картин Испанской королевской галереи после пожара 1734 года (Iglesias, 1991). Сотни ценных картин уже были обработаны согласно особой разработанной методики в специально построенной студии. Захира Велиз смог задокументировать используемые при работе материалы (Sitwell & Staniforth, 1998), чем помог дифференцировать историю развития направления клирономии, т.е. сохранения историко-культурного наследия на тот момент на три этапа:

- 1) древний – эпоха древнейших и древней цивилизаций, заканчивающаяся Античностью, в которых проводилась нерегулярная эпизодическая восстановительная работа над объектами культурного наследия (дворцами, храмами, крепостями) без осознанного восприятия наследия прошлого;
- 2) варварский – эпоха Средневековья и Возрождения, когда разрушение и присвоение объектов культурного наследия прошлого преобладало над их игнорированием;
- 3) новый – период религиозной реформации и эпоха Просвещения, когда появилось осознание сохранения имеющихся уже объектов и предметов наследия прошлого для потомков с целью их позиционирования и началось научное осмысление консервационных и реставрационных методов сохранения.

В третий период истории сохранения объектов и предметов историко-культурного наследия начинается интенсивное развитие наук – физики и химии, – которые способствуют осознанию научного подхода к консервационно-реставрационным работам. Среди особо значимых и задокументированных мероприятий в области реставрации и консервации XVIII века, кроме выше сказанных, можно выделить следующие:

- 1743-1780 годы – в Эрмитаже Лукасом Конрадом Пфандцельтом проводятся первые реставрационные работы в России – техническая реставрация масляной живописи (Алешин, 1989);
- 1750-1815 годы – работа Мауро Наталь и Доменика Пуло по реставрации картин в Центральном музее искусств Парижа (Noemie, 2010);
- 1774 год – Матиас Эстеррайх публикует каталог картин из коллекции прусской короны (Oesterreich, 1774), который в дальнейшем использует Денон при выборке предметов, подлежащих реставрации (Noemie, 2010);

- 1777 и 1785 годы – директор реставрации общественных картин Венеции и Риаальто Пьетро Эдвардс публикует основные концепции превентивной консервации, типичные ошибки при подборе материалов, а также основы уважения к авторству и обратимости (Doerner Institut, 2019);
- 1794 год – американский живописец Чарльз Уилсон Пил в своей публикации описывает использование воска для пропитки полотна; данная методика позволила к середине XIX века защитить воском многие картины известных галерей Европы (Buuchik, 2017b).

Следовательно, XVIII век стал основополагающим этапом формирования консервационно-реставрационной деятельности по сохранению историко-культурного наследия прошлого, иначе говоря, формирования клирономического мировоззрения общества. Мы ещё не наблюдаем внимания и заботы человека об объектах и предметах далёкого прошлого – древнейших цивилизаций и античности. Однако архивные документы говорят о начале процесса заботы о сохранности объектов и предметов относительно недалёкого прошлого – последних 200-300 лет, т.е. эпохи Возрождения. По-прежнему, базируясь на идеалах искусства античности, ни его творцы, ни специалисты в формировавшейся области сохранности предметов искусства, ни их заказчики из категории обеспеченных представителей общества не акцентировали внимание на восстановлении более ранних предметов и объектов искусства.

Эпоха Просвещения ознаменовалась выходом понимания сохранения историко-культурного наследия прошлого на новый уровень – научно-познавательный клирономический. Это даёт повод выделить четвёртый этап в его истории и развитии. Данный этап может быть определён временными рамками начала XIX – начала XX века. Эти 110-120 лет необходимо разделить на два вектора развития работ по сохранению наследия прошлого:

- 1) вектор познавательный – ведутся масштабные поисково-исследовательские работы на территории Южной Европы и Северной Африки;
- 2) вектор научный – проводится большое количество исследований в области физик и химии материалов, которые способствуют открытию новых эффективных способов сохранения и восстановления предметов и объектов наследия.

Среди поисково-исследовательских проектов XIX века в области археологии необходимо выделить:

- работу британских и французских учёных, открывших западному миру роскошные дворцы поздне-ассирийского царства с уникальными барельефами, изображающими сцены охоты, боёв, культовых действий;
- расшифровка Розеттского камня французским египтологом Жаном Француа Шампольоном (Брокгауз, 1993; Parkinson et al., 1999);
- находку Королевской библиотеки Ашшурбанипал, одной из древнейших в мире, в городе Ниневии в середине XIX века (Grayson, 1980; Russell, 1991);
- в 1861 году французским путешественником Анри Муо открыт Ангкор-Ват – грандиозный памятник буддийского искусства Камбоджи (1113-1150 гг.), часть комплекса индуистских и буддийских храмов IX-XIII веков, известных под общим названием Ангкор (Petrotchenko, 2011);
- открытие в 1870-е годы немецким археологом-самоучкой Генрихом Шлиманом легендарного города Троя (Штоль, 1991; Traill, 1995);
- в 1874-1876 годах в ходе раскопок, начатых немецким археологом Генрихом Шлиманом, были найдены шахтные гробницы Микенского царства (Ванденберг, 1996; Hogarth & Schliemann, 1910-1911);
- исследования на острове Пасхи и находку письменности ронгоронго (Фёдорова, 2001);
- исследования российских учёных в Западной Сибири в конце XIX века и находку самой древней в мире деревянной скульптуры
- возрастом примерно 11 тыс. лет – шигирского идола (Савченко, 2004);
- исследования британского египтолога Говарда Картера в Долине царей в 1914-1922 годах (Картер, 1959; James, 2012).

Следовательно, поисково-исследовательские работы в XIX веке велись ведущими государствами Старого Света на большой территории, охватывающей западную и центральную часть Евразии.

Научная деятельность в области реставрации и консервации в XIX веке также стала проводиться высокими темпами. Как пример можно привести ряд исторических фактов в хронологическом порядке:

- 1802 год – группа химиков и художников-реставраторов во главе с Хакеном и Роузером проводят перевод полотна Рафаэля «Мадонна из Фолиньо» и её реставрацию (Meuthen, 2010);

- 1809 год – граф Шапталъ де Шантелу издаёт трактат о пигментах, использованных в Помпеях ещё эпохи Древнего Рима (Gough, 1998);
- 1812 год – Ф. Бербер, антверпенский аптекарь применяет воскканифольный состав в своей реставрационной практике для фиксации деформаций (Сфумато в живописи, 2018);
- 1813-1836 годы – проводится реставрация Кремлёвского комплекса после освобождения Москвы от войск Наполеона (Бакарев, 2012).;
- 1851 год – проводится работа по защите полотна Рембрандта «Ночной Дозор» воском;
- 1852 год – художник Джон Сегье авторским методом реставрирует 9 крупных полотен в Национальной галерее Лондона;
- 1850-1853 годы – Майкл Фарадей проводит для Национальной галереи Лондона анализ на предмет воздействия тумана, смога, газов и освещения на изменение цвета поверхности покрытия, а также исследование лаков и методов очистки (Hamilton, 2002);
- 1863 год – немецкий исследователь Макс Петенкофер запатентовывает метод «обратного старения лака» в результате воздействия паров этанола;
- 1868 год – обнаружение пещеры Альтамира (Испания) с полихромной каменной живописью эпохи верхнего палеолита (Солютрейская культура) (Дэвлет, 2004; Madariaga de la Campa, 2000);
- 1870-е годы – Луи Пастер проводит большой комплекс исследований лакокрасочной и оптической кристаллографии (Брокгауз, 1993); Debre & Forster, 1998);
- 1896 год – Вильгельм Конрад Рентген первым облучает X-лучами полотна (Храмов, 1983; Glasser, 1993).

Также на протяжении XIX века открывались специализированные лаборатории, которые активно работали в клирономической области консервации и реставрации предметов историко-культурного наследия:

- 1) 1815 год – сэр Гемфри Дэви создаёт переносную химическую лабораторию, в которой совместно с Майклом Фарадеем исследует пигменты (Храмов, 1983; Fullmer, 1969);
- 2) 1850 год – создаётся первая стационарная химическая лаборатория в области сохранения объектов культурного наследия в НьюЙорке, США (Oliver, 1865-1890);
- 3) 1888 год – Фридрих Рантген становится руководителем первой химической лаборатории Королевских музеев Берлина (Buyschik, 2017b).

Период XVII-XIX веков ознаменовался рядом значимых мероприятий по учёту и сохранению значимых объектов и в Российском государстве. В конце XVII века по указу Петра Великого производятся обмеры и снимаются чертежи древних буддийских храмов в Сибири. Екатерины II издаёт указы об обмерах, исследованиях и учёте зданий, имеющих историко-художественную ценность, а также о составлении планов и описаний древних городов и о сохранении памятников археологии.

Активные попытки учета и охраны памятников старины и природы предпринимаются передовыми деятелями России уже в XVIII веке, например, архивные данные свидетельствуют о том, что в 1754 году жители Москвы и ближайших сёл и деревень обратились в Петербург в Берг-коллегию с жалобой и требованиями принять меры к защите их от бедствий, которые приносят железодельные заводы, построенные и строящиеся в Москве и вокруг неё. Постепенно внимание к охране природного и культурного наследия значительно усиливается. В XIX веке принимались частные и общие государственные постановления, регламентирующие строительную и иные виды деятельности. Был разработан «Строительный устав», который запрещал снос или ремонт, ведущие к искажению зданий, возведённых в XVIII веке. Важную роль в деле охраны природного и историко-культурного наследия играли общественные и научные организации: Московское археологическое общество, Русское историческое общество, Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины и др. На съездах этих организаций обсуждали проблемы охраны историко-культурного наследия. Также в рамках своей деятельности они проводили следующие мероприятия:

- занимались разработкой законодательства по охране памятников;
- ставили вопрос о создании государственных органов для охраны культурно-исторических ценностей.

Следовательно, на протяжении XVIII-XIX веков общество коренным образом трансформировало своё клирономическое восприятие историко-культурного наследия, обратив пристальное внимание на разработку научных подходов в области консервации и реставрации предметов живописи. Также начинается финансирование крупномасштабных исследований территорий древних цивилизаций на предмет поиска и фиксирования объектов и предметов культурного наследия древнейших, древних цивилизаций и эпохи античности.

Современный этап развития направления клирономии, или сохранения историко-культурного наследия прошлого, можно условно идентифицировать с 1918 года, когда в Российском государстве была проведена конференция, посвящённая раскрытию древней живописи (Гроцкая, 1924). 19-22 марта 1921 года проходила первая Всероссийская реставрационная конференция (ЦГАОРСС). Фактически, общество перешло от частных научных исследований к планомерному и регулярному обмену опытом. Вслед за данной конференцией, в 1923-1933 годы, проводилась четвёртая крупномасштабная реставрации Большого Сфинкса долины Гиза, которую возглавлял один из величайших египтологов первой половины XX века французский специалист Эмиль Барез (Буйчик, 2014а). С 1928 года стали проводиться Международные конгрессы по современной архитектуре (СИАМ):

- 1928 год. Первый конгресс в г. Сарразе (Швейцария) и основание СИАМ;
- 1929 год. Второй конгресс в г. Франкфурт (Германия), где обсуждались вопросы создания минимально комфортного жилища;
- 1930 год. Третий конгресс в г. Брюссель (Бельгия), на котором поднимались проблемы рационального распределения земель;
- 1933 год. Четвёртый конгресс в г. Афины (Греция), проведён анализ 33 ведущих городов и выработана Хартия градостроительства;
- 1937 год. Пятый конгресс в г. Париж (Франция), тема которого заключалась в понимании жилища как места отдыха;
- 1947 год. Шестой конгресс в г. Бриджуотер (Англия), где были подтверждены основные цели СИАМ;
- 1949 год. Седьмой конгресс в г. Бергамо (Италия), на котором обсуждалось практическое применение Афинской Хартии и создание градостроительной модульной сетки СИАМ;
- 1951 год. Восьмой конгресс в г. Хаддесон (США), на котором обсуждались проблемы центральных районов крупных городов и мегаполисов;
- 1953 год. Девятый конгресс в г. Экс-ен-Прованс (Франция), в рамках которого обсуждались результаты исследования жилища человека;
- 1956 год. Десятый конгресс в г. Дубровник (Югославия), где также обсуждался вопрос исследования жилища человека (Глазычев, 2008; Risselada & Heuvel, 2005).

13-15 октября 1930 года в Риме прошла первая «Международная конференция по изучению научных методов для исследования и сохранения произведений искусства», в рамках которой были проведены многочисленные

семинары, определены стандарты реставрационной практики, документооборота и сохранения предметов и объектов культурного наследия (Буйчик, 2014б). В 1931 году на съезде специалистов по охране памятников и исторических мест в Афинах (Греция) была принята знаменитая Афинская хартия, которая положила начало процессу глобализации проблемы сохранения историко-культурного наследия и ознаменовала современный этап развития клирономического мировоззрения общества.

С 1934 года в Европе начинается подготовка специалистов в области консервации объектов и предметов культурного наследия:

- 1934 год – открытие курсов по консервации для подготовки специалистов в Лондонском НИИ «Кортолд»;
- 1936 год – открытие курсов по консервации для подготовки специалистов в Академии изящных искусств Вены;
- 1939 год – открытие курсов консервации для подготовки специалистов при Государственном институте технологического тестирования и исследования в области живописи «Дойрнер Институт»;
- 1949 год – открытие курсов по консервации для подготовки специалистов в Технологическом институте Малерай в Штуттгарте;
- 1952 год – первый выпуск специалистов по консервации Международного института консервации;
- 1959 год – начинает работу Римский центр обучения реставрации и консервации объектов культурологической значимости (ICCRROM);
- 1970 год – в колледже Куперстоуна (США) осуществлён первый выпуск бакалавров консервации;
- 2005 год – Университет Лос-Анджелеса ввёл в учебный план дисциплину «Археологическая реставрация» (Buychik, 2017b).

Итогом создания целой сети образовательных учреждений в Европе и США стала первая конференция Ассоциации профессионального образования по консервации в клубе Гарвардского университета в 1984 году.

Параллельно проводилась интенсивная деятельность по разработке научной теоретической и практической базы:

- в 1937 году открывается Государственный институт технологического тестирования и исследования в области живописи «Дойрнер Институт» (Doerner Institut, 2019);
- в 1939 году основывается Высший институт консервации и реставрации в Риме, задачей которого является выработка сводов и правил охраны и

сохранения предметов и объектов культурного наследия (La storia dell'Istituto. L'Istituto Superiore per la Conservazione ed il Restauro, 2013);

- в 1948 году в Брюсселе основан Королевский институт художественного наследия и проходит предварительная встреча специалистов по подготовке к созданию Международного института консервации (About KIK-IRPA. Royal Institute for Cultural Heritage);
- в 1950 году создан Международный институт консервации, ныне – Международный институт консервации музейных объектов (A brief history of IC, 2015);
- в 1957 году в Центральном Римском Институте создаётся лаборатория прикладной биологии, которая стала работать в области сохранения предметов искусств (Cultural Properties. World Heritage List. World Heritage Center. UNESCO);
- в 1960 году создаётся Американский институт консервации (American Institute for Conservation of Historic and Artistic Works);
- в 1963 году Чезаре Бранди публикует «Теорию реставрации» (Brandi, 2011);
- в 1968 году опубликован Кодекса этики и стандартов практической консервации (The Murray Pease Report. IC-American Group, 2018);
- в 1976 году основан Исследовательский центр материалов в области искусства и консервации (Университет Карнеги, США);
- в 1991 году создана Европейская конфедерация организация консерваторов и реставраторов (ЕССО);
- в 1999 году создана Международная сеть по консервации предметов и объектов современного искусства (INCCA) (Buychik, 2017b).

В течение XX века был сделан ряд крупных научных разработок в области физик и химии материалов, которые внесли огромный вклад в развитие методов консервации и реставрации объектов и предметов культурного наследия:

- в 1931 году Джеймс Роуример из Музея Метрополитен впервые использовал ультрафиолетовые лучи для проверки полотен;
- в 1932-1942 годах публикация серии технических исследований в области изобразительного искусства для Музея искусств «Фогт»;

- в 1939 году группа международных экспертов в области сохранения предметов и объектов культурного наследия издаёт во Франции «Пособие по охране картин» (консервации);
- в 1940 году эксперты в области истории искусств, реставрации и химии выпустили «Руководство по сохранению предметов живописи»;
- в 1955 году впервые было использовано вакуумное давление в горячем столе;
- в 1960 году англичанин Джек Уиллард создал стол с вакуумным нагнетателем для повторной реставрации живописи;
- в 1973 году Эндрю Одди, главный консерватор Британского музея, провёл тест на определение безопасности материалов для артобъектов (ныне – «Тест Одди») (Brandi, 2011).

Параллельно на протяжении последних 100 лет по всему миру проводится огромное количество поисково-исследовательских и консервационно-реставрационных работ, среди которых необходимо выделить следующие:

- 1900-1930 годы – открытие и раскопки объектов минойской цивилизации на Крите британским археологом Артуром Эвансом;
- 1911 год – открытие американским учёным-историком из Йельского университета Хайрамом Бингемом Мачу-Пикчу – крепости инков, города-святылища XV-XVII вв. в Перу;
- 1922 год – открытие гробницы Тутанхамона британским археологом Говардом Картером;
- 1923-1933 годы – четвёртая реставрация пирамиды Хеопса (Хуфу);
- 1950-е годы – обнаружение Свитков Мёртвого моря;
- 1951 год – при раскопках в Новгороде в слоях XI-XV веков Новгородской археологической экспедицией АН СССР обнаружены Берестяные грамоты – древнерусские тексты, процарапанные или продавленные на кусках березовой коры (бересты), уникальный источник по истории древнерусского языка, социально-экономических и политических отношений;
- 1955-1987 годы – пятый этап реставрации пирамиды Хеопса (Хуфу) отделом Египетских древностей Национального музея древностей в Каире;

- 1974-1984 годы – обнаружение и полномасштабные раскопки «Терракотовой армии», захоронения более 8.100 полноразмерных терракотовых статуй китайских воинов и их лошадей у мавзолея императора Цинь Шихуанди в Сиане (КНР);
- 1977 год – обнаружение экспертом по греческой археологии Манолисом Андрониксом места погребения македонских королей в Вергине;
- 1986 год – на северо-западном берегу Галилейского моря в Израиле обнаружена Галилейская лодка – древнего рыболовного судна I века;
- 1993 год – в кургане скифского времени на алтайском плато Укок около границы России с Монголией экспедицией новосибирского археолога Натальи Полосьмак обнаружена принцесса Укока – мумия древней женщины, «принцессы Алтая»;
- 1993-1999 годы – шестой этап реставрации пирамиды Хеопса (Хуфу) по результатам междисциплинарного симпозиума 1992 года в Каире;
- 1994 год – открытие древнего поселения Гобекли-Тепе, которому примерно 9000 лет;
- 2009 год – в деревне Хаммервич в Личфилде (Стаффордшир, Великобритания) была найдена коллекция золотых, серебряных и металлических предметов из коллекции англо-саксонской эпохи VII-VIII веков;
- 2015-2017 годы – реализуется проект ScanPyramids по сканированию методом мюонной томографии (Фараон и тайная комната, 2017).

Следовательно, большое количество исследовательских проектов в сфере археологии, организация многочисленных курсов и выпускающих кафедр по консервации и реставрации объектов историко-культурного наследия в ведущих университетах мира побудила исследователей разработать единую методологию изучения данного направления искусствоведческих и культурологических наук и выделить клирономические направления – консервацию и реставрацию – в отдельную науку.

В последние 100 лет активная работа в сфере развития направления сохранения объектов историко-культурного наследия ведётся и в российском государстве. Музейный отдел ЦГРМ Главнауки в период с 1918 по 1927 годы провёл серию экспедиций по различным территориям

страны с целью нахождения и описания объектов и предметов историко-культурного наследия страны. В 1918 году при Отделе по делам музеев была организована Всероссийская реставрационная комиссия, преобразованная

впоследствии в Центральные Государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ). В 1921 году при Наркомпросе был создан Академический центр, в который входил Главный комитет по делам музеев и охране памятников искусства и старины (Главмузей). В том же году в советском государстве была организована Первая Всероссийская реставрационная конференция (Первая Всероссийская реставрационная конференция, 2018). На следующий год при Русском музее (г. Санкт-Петербург) была создана реставрационная мастерская, которая уже в 1935 году разделена на лаборатории и сектора: живописи, новой живописи, скульптуры, прикладного искусства и народного. Там же в 1953 году была открыта мастерская реставрации графики, на следующий год – мастерская реставрации древнерусской живописи, а в 1961 году – мастерская реставрации деревянной скульптуры, декоративной резьбы и мебели и мастерская реставрации тканей.

Также на протяжении XX века, как и в XIX столетии, в российском государстве реализовывался большой комплекс реставрационных проектов, связанных как с восстановлением объектов и предметов культурного наследия после Первой и Второй мировых войн, но и в силу приоритетной важности сохранения культурного наследия территории страны. Из наиболее значимых реставрационных проектов необходимо выделить следующие:

- 1919 год – начата живописная реставрация в Великом Новгороде. Раскрыта значительная часть фресок в Успенском соборе (г. Владимир) на Клязьме, исполненных в 1408 году вместе с Даниилом Чёрным;
- 1929 год – в Богоявленском кафедральном соборе в Елохове (г. Москва) архитектор И.С. Кузнецов реставрирует живопись купола;
- 1950 год – реставрация росписи Кафедрального собора во имя Рождества Пресвятой Богородицы (г. Ростов-на-Дону);
- 1950-1956 годы – реставрация интерьера Казанского собора (г. Санкт-Петербург);
- 1953-1963 годы – реставрация Успенского собора (г. Ростов);
- 1962-1974 годы – реставрация Знаменского собора (г. Великий Новгород) под руководством Г.М. Штендера;
- 1963-1968 годы – реставрация фасадов Казанского собора (г. Санкт-Петербург);
- 1966-1968 годы – Всесоюзные научно-реставрационные мастерские (ВСНРМ) под руководством архитектора В.С. Баниге провели

реставрационные работы в Соборе Софии Премудрости Божией (г. Вологда);

- 1972-1994 годы – реставрация храма Воскресения Христова (Спаса-на-Крови) (г. Санкт-Петербург);
- 1974-1981 годы – реставрация живописи XII, XV, XVII, XIX-XX веков в Успенском соборе XII века (г. Владимир);
- 1974-1994 годы – реставрация фасадов и интерьеров Собора во имя первоверховных апостолов Петра и Павла (Петергоф, пригород Санкт-Петербурга);
- 1989-1999 годы – реставрация Спасо-Преображенского Собора (г. Нижний Новгород);
- 1993-1995 годы – реставрация древнего иконостаса Успенского собора Рязанского Кремля (г. Рязань);
- 1998-2000 годы – полномасштабная реставрация Троицкого собора (г. Екатеринбург), заново возведены купольные барабаны и колокольня;
- 1998-2007 годы – реставрация православного мужского Валдайского Иверского Богородицкого Святоозерского монастыря (г. Валдай);
- 2004 год – реставрация Крестовоздвиженского собора Свято-Юрьевского монастыря (близ г. Великий Новгород);
- 2004-2008 годы – реставрация лютеранской Кафедрального собора святых апостолов Петра и Павла (г. Москва).

Результатом большой работы государства в области сохранения объектов культурного наследия последние 100 лет стало создание в 2001 году. Союза реставраторов Санкт-Петербурга (первого объединения профессиональных реставраторов в отдельном субъекте федерации), а в 2007 году Российской Ассоциации реставраторов.

Таким образом, эмпирические исследования истории сохранения человеком объектов и предметов историко-культурного наследия прошлого доказывают, что клиномическое мировоззрение начало формироваться с развитием первых известным нам цивилизаций Месопотамии и Северной Африки, что прослеживается в многочисленных археологических изысканиях, подтверждающих наличие в Шумеро-Аккадском царстве и Древнем Египте реставрационных работ. В последние 150 лет общество кардинально изменило своё отношение к наследию прошлого и стало применять научный подход к сохранению и восстановлению историко-культурного наследия. Изменение мышления, переход от игнорирования материального прошлого к его

восторжению, а потом осознанию отсутствия вечности относительно состояния материи и стремлению сохранности прекрасного – всё это привело к практической реализации желания посредством научных клирономических изысканий, создания методологии и организации образовательного процесса с целью выпуска профессиональных работников в области реставрации и консервации объектов и предметов историко-культурного наследия. Всё это в начале XXI века актуализировало создание нового единого научного направления – клирономии, т.е. сохранения историко-культурного наследия.

2. Сохранение культурного наследия в философской мысли

Для рассмотрения клирономии как научного направления сохранения историко-культурного наследия общества необходимо проследить эволюцию философской мысли о её роли для развития цивилизации.

Следствием становления качественно нового состояния культуры, определяемого взаимодействием культур отдельно взятых цивилизаций современной эпохой, является освоение культурного контекста общего мирового пространства, осознание целостности и неделимости мира. Современный мир в последние 3-4 века всё больше приобретает черты глобального сообщества, что приводит к расширению взаимосвязей различных стран, народов и, следовательно, их культур. В связи с этим особенно важным представляется осознание понятия «ценности» в области культуры, что в свою очередь формирует понятие «культурной ценности», а через него уже определение категории «культурного наследия», которое базируется на совокупности культурных ценностей, определённых каждой цивилизацией в рамках, принятых данным социумом ценностей.

Обмен культурными ценностями является существенным фактором развития культурно-творческого потенциала народов, интенсификации процесса взаимовлияния и взаимообогащения национальных культур. Сохранение культурного наследия прошлого, как своего, национального, так и всемирного, в том числе приобретённого, является на сегодняшний день основной задачей человека. Преимущество лучших достижений художественного опыта позволяет рассматривать обмен культурными ценностями как объективную историческую закономерность. Кроме того, история обмена культурными ценностями – это особая часть истории культуры каждой страны и каждого народа.

Помимо культурной составляющей, обмен культурными ценностями является инструментом международной культурной политики, способствуя

созданию условий для диалога и сотрудничества государств, народов, относящихся к различным культурным традициям. Ведь культурные ценности – произведения искусства, научное знание, культурные традиции – это достояние человечества. Они выше границ и национальных барьеров. Культурные ценности представляют собой тот ресурс культурного обмена, который может и должен быть использован в интересах гуманитарного сотрудничества во всём мире.

Культурные ценности, являясь высшими клирономическими проявлениями мировой материальной и духовной культуры, концентрируют в себе многовековой опыт человечества. Они непосредственным образом выполняют преобразующую функцию по отношению к человеку и обществу в целом. Культурная жизнь общества включает наследие исторического прошлого, существующее в формах духовных и материальных ценностей, которые традиционно являются предметом повышенного общественного интереса, привлекая внимание как средоточие творческого потенциала человечества, незаменимая часть материального мира, находящаяся в основе культурного разнообразия. Редкость старинных предметов, факт сохранения в течение веков, а также история (принадлежность к определённой эпохе или выдающимся людям) повышает их ценность.

Проблема сохранности культурных ценностей должна решаться как в национальном, так и в международном масштабах, что требует тесного сотрудничества между государствами. Эта задача приобретает особую актуальность в современном мире, когда многие уникальные по своей природе произведения искусства всё чаще перемещаются из одной страны в другую, способствуют созданию условий для мирного диалога и сотрудничества государств, народов, относящихся к различным культурным традициям. Не случайно, рассматривая, например, ориентиры развития России, в то время президент страны Д.А. Медведев указывает на то, что создание общества с новой культурой «будет формироваться на основе всех наших накопленных культурных богатств, и мы должны их всячески оберегать» (Медведев, 2008).

Как говорилось выше, чтобы проследить историческую ретроспективу становления понятия «культурная ценность», необходимо рассмотреть эволюцию представления о самом феномене «ценность», начиная с античных философов Сократа, Демокрита, Платона, Протагора, Аристотеля, которые отождествляли ценности с самим бытием, а ценностные характеристики включали в его понятие.

Главной задачей философии Сократ полагал рациональное обоснование религиозно-нравственного мировоззрения, познание же природы, натурфилософию считал ненужным и безбожным делом. Он был принципиальным врагом изучения природы. Работу разума человека в этом направлении он считал безбожеством. Философ считал, что мир есть творение великого и всемогущего «божества». Нужны гадания, а не научные исследования, чтобы получить указания богов относительно их воли. Он следовал указаниям дельфийского оракула и советовал делать это своим ученикам (Сократ, Платон, Аристотель, Сенека. Жизнь замечательных людей, биографическая библиотека Ф. Павленкова, 2010; Taylor, 2001).

Демокрит принял горячее участие в споре о достоинстве человека – о ценностях, т.е. о том, что для человека наиболее важно, как, во имя чего человек должен жить. Его волновали актуальные и ныне вопросы: «Существуют ли принципы, которые можно назвать самыми высокими нравственными основаниями жизни, а если существуют, то в чём они состоят?». Демокрит проявил стремление отстоять собственную социальную позицию в мире, в котором существуют самые разные устремления, взгляды, интересы, – позицию мудреца, который живёт не только мудростью, не только идеальным, не только интеллектуальными заботами. Но при этом он твёрдо и чётко различает, разделяет, даже противопоставляет так называемые телесные блага и удовольствия – и душевное благо, которое считает божественным: «Не телесные силы и не деньги делают людей счастливыми, но правота и многосторонняя мудрость... Телесная красота человека – есть нечто скотоподобное, если под ней не скрывается ум» (Маковельский, 1946; Guthrie, 1979). Также Демокрит говорит о том, что подлинная добродетель в поступках должна быть противопоставлена речам о добродетели, поэтому «должно приучать себя к добродетельным делам и поступкам, а не к речам о добродетели... Истинный благодетель не тот, кто имеет в виду отплату, а тот, кто хочет делать добро... Должно стыдиться самого себя столько же, как и других людей... В каждой душе должен быть начертан закон: Не делай ничего непристойного!» (Маковельский, 1946; Guthrie, 1979). В дальнейшем данное изречение стало клирономической предтечей постулата реставратора – «не навреди».

Мир идей устроен иерархически и на вершине располагается высшая, абсолютная идея – Идея Благо. Благо – это и есть некий Абсолют, из которого проистекают все нижеследующие идеи. Творец-Демииург создаёт этот феноменальный мир, беря за образец мир идей. Для чего создаёт Бог мир?

Платон отвечает на этот вопрос следующим образом – Бог благостен и поэтому он захотел, чтобы всё в мире стало похожим на него, то есть благими. Вещи должны стремиться к Благу насколько это в их силах, так как это состояние наиболее совершенно и, следовательно, обладает высшей ценностью. До этого все вещи метались в беспорядке и находились в хаотичном состоянии, Бог же всё привёл в порядок. Человек должен сделать главным мотивом своей жизни стремление к Благу. Благо должно стать высшей ценностью для человека. Он должен соотносить все свои действия с Благом, следовать Благу в поступках и мыслях и тогда душа человека станет прекрасной и совершенной (Альберт, 2012). Такие высшие нравственные ценности, как добро, справедливость, честность, добродетель, прекрасное находятся в мире идей и обладают подлинным идеальным существованием. Человек, чтобы приобщиться к миру идей, а это должно быть главной целью жизни, отрешается от физического, материального, несовершенного мира, посредством совершенствования своей души с помощью знаний и мудрости (Асмус, 1969; Dillon, 2003). Следовательно, Платон высшей ценностью объявляет Благо и мир идей, в который попадёт душа после смерти, если будет стремиться стать совершенной и благой.

Один из диалогов Платона посвящён Протагору и носит его имя. Наиболее известным утверждением Протагора из сохранившихся фрагментов является следующее: «Человек является мерой всех вещей, существующих, как они существуют, и не существующих, как они не существуют». Тезис Протагора, что «человек есть мера всех вещей», может быть истолкован как эпистемологическое положение, а именно: вещи не обнаруживают себя перед людьми такими, какими они являются сами по себе. Перед человеком предстают всегда только определённые стороны или свойства вещей. Его тезис следует понимать так, что человек есть мера всех вещей постольку, поскольку вещи всегда предстают перед людьми той стороной, которая определяется обстоятельствами и конкретным способом их использования. Этот взгляд на вещи приводит к эпистемологическому перспективизму, согласно которому наше знание вещей всегда обусловлено перспективой их рассмотрения. Подобный перспективизм также является релятивизмом: наше знание вещей определяется нашей деятельностью и ситуацией, в которой мы находимся. Знание оказывается ситуативно относительным (релятивным). Один из фрагментов его трудов указывает, что он хотел расширить перспективизм за пределы восприятия вещей, чтобы включить в него и

теоретические рассуждения. «О всякой вещи есть два мнения, противоположных друг другу» (Соколов, 1969).

Следовательно, Протагор усматривает в понимании «ценности» глубокие различия самих людей по их социальному положению и профессиональной принадлежности. Это в дальнейшем сыграло важную роль в формировании клирономического мировоззрения общества, т.к. человек определяет свойства и ценность того или иного объекта или предмета индивидуально. Чтобы индивидуальный взгляд стал коллективно осознанным, необходимо определённое начальное клирономическое образование, которое будет способствовать коллективному определению ценности историко-культурного наследия.

Аристотель в «Никомаховой этике» и «Политике» уже реалистически анализирует проблемы морали, указывая, что «люди образуют понятия блага и блаженства – сообразно с жизнью, которую они ведут». Философ разрабатывает категории блага, добродетели и счастья. Он исследует основные понятия этики, определяет критерии нравственной оценки, не упуская при этом из поля зрения главные пороки в обществе, безнравственные поступки людей. Аристотель впервые создаёт классификацию добродетелей и пороков. Под добродетелями Аристотель понимал такие качества личности, которые в процессе своей реализации способствуют осуществлению добра и справедливости (Лосев и Тахо-Годи, 1982; Ross, 1995). Следовательно, применительно к восприятию и пониманию историко-культурного наследия Аристотель очертил глубинные гранулы морального облика человека, которые по своей сути определяют взгляды на окружающие объекты и предметы, дифференцируя их по неким уровням ценности. Если объект или предмет ценен, то он будет сохраняться человеком, оберегаться, чиниться, восстанавливаться до тех пор, пока его предназначение не станет бесполезным.

Также «ценность» в современном понимании сопредельно с понятием «прекрасного». Для Платона и Аристотеля понятие прекрасного было тесно связано с понятием «калокагатия», что понимается как «прекрасное-и-доброе», то есть это красота души и тела. Для Платона калокагатия была умением человека выбирать лучшее и прекраснейшее, но не только в смысле внешней красоты, но и в смысле внутренней, то есть нравственности. Для Аристотеля быть прекрасным, значит быть добродетельным (Лосев и Шестаков, 1965).

Таким образом, в Древней Греции, в особенности у Платона и Аристотеля понятия добра и красоты были тесно взаимосвязаны. Красота без

нравственного начала, то есть только внешняя не восхищала древних философов, так как она быстро увядала и не была подкреплена изнутри.

Плотин в своих трактатах о прекрасном – «О прекрасном» и «О мысленной красоте» показывает, что красота пронизывает собой весь мир, видимый и невидимый, она является высшим проявлением бытия (Шичалин, 2008; Corrigan, 2005). Отсюда следует, что чем подлиннее бытие, тем более высокая степень красоты ему присуща. Безобразное свидетельствует об отсутствии бытия. В русле своей эманационной теории Плотин разработал и иерархию прекрасного. Иерархия красоты состоит из трёх ступеней. Низшая ступень – это красота чувственно воспринимаемого мира. К ней относится материальная красота, красота физически прекрасного тела, красота произведений искусства. Вторая ступень – это красота, которая постигается душой человека. К ней Плотин относит идеальную красоту природы, красоту человеческой души, красоту добродетелей, красоту наук и знаний. Первая ступень, высшая – это красота интеллигибельная (умопостигаемая). Эта красота исходит (истекает, эманурует) от Бога (Единого), который является воплощением абсолютного единства Прекрасного и Блага. Носителями этой высшей красоты являются Ум и Душа Универсума (мира) (Блонский, 2009; Gerson, 1994).

Следовательно, чтобы формировать у человека как представителя общества корректное клирономическое мировоззрение, необходимо сначала правильно обучить индивидуума понятию красоты и эстетики.

Применительно к объектам и предметам искусства «ценность» определяется как категория постоянная, а не темпоральная. Соответственно, ценным такие объекты становятся навсегда, их сохранение и восстановление переходят в разряд благих намерений как отдельно взятого индивидуума общества, так и социума в целом. Нравственная категория «ценности» в дальнейшем будет восстановлена и послужит богатым материалом для философских измышлений XVIII-XX веков.

В Средние века понятие «ценности» связывалось с божественной сущностью и приобрело чётко очерченный религиозный характер. Природа более не рассматривается как нечто самостоятельное, поскольку над всем стоит Бог, которому подвластно сотворение природы и чудес. Античные познания природы ушли в прошлое, теперь внимание сконцентрировано на изучении и познании Бога, человеческой души. Такая ситуация понимания природы несколько меняется в позднем средневековье, но и тогда природа воспринимается только как символические образы. Мир человеку дан не

только во благо, но и для поучения (Реале и Антисери, 1995). Формируется сакральность истории бытия. Возникает интерес к истории человечества, что привело к анализу памяти – антропологической способности, составляющей основу исторического знания. Время больше не рассматривается под призмой жизни космоса и движения небесных светил. Время – достояние самой человеческой души. Строение человеческой души создаёт условие возможности времени – ожидание, устремление к будущему, внимание, прикованность к настоящему, память, направленная на прошлое.

Следовательно, в эпоху Средневековья, не смотря на смещение акцентов в сторону религиозного восприятия ценности и красоты, клирономические идеи глубинно сохранились в своём содержании, что и послужило дальнейшему возвращению общества к чувству прекрасного, а в дальнейшем и к пониманию сохранения этого прекрасного.

Эпоха Возрождения выдвинула на первый план ценности гуманизма, но понятие «ценность» не приобретает значения философской категории. В данный период огромную значимость приобретает искусство, и как результат, возникает культ человека-творца. Сакральный характер переносится на творческую деятельность человека. С антропоцентризмом связан характерный для Возрождения культ красоты. Например, Николай Кузанский подчёркивал познавательную мощь человека («человек есть его ум»), уподобляя творческие способности божественным (Гажуризина, 2010; Meuthen, 2010). Леонардо да Винчи, создавая свои творения, формировал на протяжении всей своей профессиональной деятельности понятие «ценности» (Вольнский, 1997; Brown, 1998). Он ещё не осознавал величие сохранения работ прошлых творцов, но активно пользовался их мастерством, тем самым заложив духовные основы клирономии в виде преемственности «ценностей».

В Новое время развитие науки и новых общественных отношений во многом определяет и основной подход к рассмотрению предметов и явлений как ценностей. Френсис Бэкон пришёл к выводу о том, что Бог не запрещал познание природы. Наоборот, он дал человеку ум, который жаждет познания Вселенной. Люди только должны понять, что существуют два рода познания:

- 1) познание добра и зла;
- 2) познание сотворённых Богом вещей.

Познавать сотворённые вещи человек должен с помощью своего ума, а препятствиями на пути познания являются четыре «призрака» – рода, пещеры, площади и театра (Субботин, 1974; Heese, 1968). Практически, по Ф. Бэкону, познание формирует понятие «ценности»; преодолевая «призраков», человек

способен познать сущность «сотворённых Богом вещей», в том числе и рук человеческих, т.к. человек есть творение божие.

Дэвид Юм занимал двойственную позицию в вопросе об «объективности» ценности: с одной стороны, он утверждал, что сами по себе объекты лишены всякого достоинства и «свою ценность они извлекают только из аффекта», что красота и ценность полностью соотносительны с возможностью вызывать «приятное чувствование» у субъекта; с другой – что у объектов есть «собственная ценность», существует «ценное само по себе» (Нарский, 1967; Flew, 1986). Вклад Д. Юма в осмысление понятия ценности можно считать самым значительным в этой области рефлексии за весь докантовский период. Среди наиболее «провоцирующих» шагов Юма следует признать выяснение критериев ценности нравственных поступков и различение «ценности-для-себя» и «ценности-для-другого». Недостатком рассуждений Юма было его понимание ценного как «естественного», «природного», не позволяющее понять главного – в чём, собственно, ценность этого ценного.

Принципиально новые измерения понятие ценностей обретает в сочинениях И. Канта – «Основоположение к метафизике нравов» (1785 г.), «Критика практического разума» (1788 г.), «Критика способности суждения» (1790 г.), в которых нравственная ценность определяет ценность человеческой индивидуальности; ценность-в-себе становится синонимом личности; весь мир существует ради ценности личности.

Представители баденской школы неокантианства В. Виндельбанд и Г. Риккерт объявили понятие «ценность» главным предметом философии (Михайлов, 2010; Риккерт, 1998). Вслед за ними понятие «ценность» как философскую категорию абсолютизировали и обосновали теологическое учение о ценностях представители феноменологического направления: М. Шелер, Н. Гартман и др.

После формирования философского понимания «ценности» стало возможным рассмотрение вопроса о понимании ценности в отдельно взятых областях социального развития, в том числе и «культурной ценности», или «ценности культуры», в рамках которой находится и историко-культурное историко-наследие социума в его клирономическом понимании.

Конец XIX и весь XX век стали периодом экспансии аксиологического подхода в науках о человеке, культуре, обществе. Кроме Генриха Риккерта понятия «ценность культуры» и «культурная ценность» рассматривали многие зарубежные философы и исследователи, например, Э. Дюркгейм, Дж. Дьюи,

Ф.В. Ницше, Т. Парсонс, Р.Б. Перри, К. Клакхон и Ф. Стродбек. При этом следует назвать В.П. Тугаринова, который ввёл в советскую философию проблему ценностей, которая также рассматривалась такими отечественными исследователями как П.В. Алексеевым, М.М. Богуславским, Г.П. Выжлецовым, П.С. Гуревичем, О.Г. Дробницким, А.Г. Здравомысловым, А.М. Коршуновым, О.А. Кривцуном, А.Д. Суховым, А.С. Панариным, М.М. Тоненковой и др. Классическое исследование культурных ценностей сделал великий русский мыслитель Н.О. Лосский. Теме культурных ценностей посвящены исследования Е.В. Пустоваловой и Н.А. Худяковой. Формирование понятия «культурные ценности» происходило одновременно с процессом осознания человечеством необходимости защиты культурных ценностей. Этому посвящены публикации С.Н. Молчанова, С.И. Сотниковой. При рассмотрении культурологической сущности и значения понятия «культурные ценности» важными являются работы А.И. Арнольдова и М.С. Кагана, которые обосновывают принцип системного подхода для раскрытия искомого понятия.

Исследователи Н.П. Кошцева, В.П. Лозинская и А.А. Махонина в своей статье дают сформированное первично клирономическое понятие «культурной ценности»: «Культурная ценность – это особая разновидность идеала, сложившаяся в цивилизации и непосредственно переживаемая людьми форма их отношения к общезначимым образцам культуры, имеющая характер проектной реальности и существующая в ситуации жизненного выбора тех или иных практически значимых образцов» (Кошцева и др., 2013).

Среди многообразия культурных ценностей можно выделить те из них, которые максимально обеспечивают оптимальное соответствие устойчивости социального бытия, достаточного разнообразия культуры и свободного развития личности. Носителями этих культурных ценностей являются шедевры искусства. В исследованиях Н.П. Кошцевой и В.И. Лозинской в качестве носителя культурных ценностей, где ценности создаются, сохраняются и транслируются, рассматриваются произведения музыкального искусства (Кошцева и Лозинская, 2009).

Утверждается, что культурные ценности имеют онтологическую форму шедевров музыкального искусства и создаются в процессе музыкального мышления композитора (Кошцева и Лозинская, 2012а) и музыкального мышления исполнителя и слушателя (Кошцева и Лозинская, 2012б).

Значение шедевров искусства как онтологических носителей культурных ценностей можно вывести, исходя из концепции культуры как идеалообразования. Рассматривая содержание культуры как

идеалообразование, т.е. создание и трансляция эталонов (образцов) деятельности человека на индивидуальном, социальном и космическом уровнях, необходимо ответить на вопрос о философском понимании содержания идеала. В общем виде содержание идеала – это единство, целостность личности (с собой, с конкретной социальной группой, со всем социумом, с космосом). Идеал – это особый, характерный для взаимодействия субъекта и объекта способ воспроизведения целостных характеристик объективной реальности в формах общественного сознания. Как всеобщая форма целеполагающей деятельности, идеал выступает интеграционным основанием различных социокультурных типов общества. Процесс идеалообразования раскрывается Д.В. Пивоваровым в субъект-объектной концепции идеального. Он определяется как «взаимное отражение субъекта и объекта», необходимыми компонентами которого являются:

- 1) выделение в некоторой чувственно воспринимаемой предметной среде объекта, который признаётся субъектом относительно совершенным, эталонным, репрезентативным;
- 2) положение этого эталона («знака сокрытой сущности») в субъективный мир индивида посредством интериоризации изобретённой схемы действия с образцом;
- 3) экстраполяция эмпирического знания о конкретных свойствах эталона на более широкую реальность, чаще всего, недоступную в прямом опыте, а потому сверхчувственную (Пивоваров, 2000).

Как указывает Д.В. Пивоваров, выбор и признание эталона, равно как изобретение с ним, могут быть обусловлены либо преимущественно индивидуальным фактором, либо социальными силами (Пивоваров, 2000). Следовательно, с точки зрения тождества содержания понятий «идеал» и «культурные ценности» культура формирует эталонные, идеализированные ценности, вырабатывает идеалы, которые выполняют роль стимулов и целеполагания для формирования и отбора целей в жизнедеятельности человека. Культура выполняет функцию целеполагания, она типизирует цели, разрабатывает их содержание и делает достижением общества (Копцева и др., 2013). В дальнейшем культурные ценности приобретают клирономическое содержание, так как требуют своего сохранения и поддержания для будущих поколений общества.

Из выше сказанного следует, что человек в частности и общество в целом пришло к осознанию понятия «культурное наследие» через ценностные критерии окружающего их бытия как в общем его созерцании, так и отдельных

элементов, которые на современном этапе развития социума отождествляются с объектами и предметами. В данном случае, применительно к историко-культурному наследию под объектом мы понимаем архитектурные строения и скульптуры, а под предметами – полотна живописи и продукты декоративно-прикладного искусства. Всё это – творение не природы как таковой, а человека, которого создал Бог. Создавая своими руками творение, человек вкладывает в него душу, следовательно, объект или предмет является носителем душевных качеств творца, божественной натуры.

Данная трактовка понимания объекта или предмета культурного наследия не противоречит и физическому пониманию окружающего мира, в том числе и теории эволюции человека. Если рассматривать формирование понятия «культурной ценности» от понимания материальной ценности, то прослеживается эволюция оценки человеком и физического труда, и его материального отображения.

Первым уровнем ценности всё равно является духовная реакция человека на объект или предмет. Только после этого начинается формирование финансовой ценности с учётом множества критериев, в том числе стоимости материалов и давности изготовления. Как отмечалось в параграфе 1 статьи, члены семьи Медичи тратили огромные средства на создание уникальных творений – зданий, скульптур, фресок, живописных полотен. Значительные средства тратили правители древних и древнейших цивилизаций на воздвижение дворцов и монументов. Сохранилась данная традиция и в эпоху Просвещения, капитализма, Нового времени. Следовательно, на протяжении всех эпох существования человека ценность проявляла себя как первичное условие сохранения объекта или предмета творения.

В дальнейшем понятие «ценности» эволюционировало, усложнилось. Человек стал развиваться многомерно в пространстве и времени, познавая новые цивилизации, создавая межнациональные отношения. Осознание пространственных изменений повлекло за собой изменения в восприятии времени – сначала сугубо механически, затем и духовно. Разнообразие цивилизаций в этой многомерности изменило мышление человека, появилось ощущение вероятности потери прошлого и вместе с ним и первичного осознания ценности времени в двух сигмах:

- время движется и влияет на окружающий материальный мир;
- время уничтожает то, что не является плодом природы.

Следовательно, если человек не начнёт клирономически оценивать объекты и предметы своего творения не только в материалах и стоимости труда, но и во временном континууме, то не сможет сохранять уже созданное. И данный, клирономический взгляд на время в своём примитивном отображении был сформирован ещё в эпоху древнейших цивилизаций, когда проводились ремонтные работы во дворцах и крепостях. Однако в эпоху Просвещения взор впервые был обращён сначала к предметам историко-культурного наследия – фрескам, а затем уже и к объектам – реставрация стен значимых зданий.

В дальнейшем поиск и нахождение артефактов древних и древнейших цивилизаций расширил функции музеев как института не только хранения, но и сохранения прошлого, а в дальнейшем и определения ценности артефактов, исходя из их исторической значимости, т.е. социально-темпоральных характеристик. И в случае рассмотрения изменений духовного восприятия человеком времени и материи в нём, и в случае анализа эволюционного характера изменения понятия ценности мы приходим к выводу, что формирование современного клирономического понимания «культурного наследия» прошло сложный и многовековой путь переосмысления места человека в окружающем его мире, системе координат времени и пространства, где многомерность является важнейшим механизмом конструирования эстетики, морали и самой культуры в целом.

Таким образом, европейская и российская философская мысль сыграли большую роль в сохранении историко-культурного наследия для развития цивилизации. В философии пока не раскрыто само понимание «культурного наследия», но на протяжении двух тысячелетий глубинно раскрывались сначала понятие «ценности», а затем – «культурной ценности». Благодаря работам философов XVIII-XIX веков, общество осознало неизбежность планомерного научного подхода к сохранению объектов и предметов историко-культурного прошлого, проводя многочисленные международные конференции по консервации и реставрации, создавая профессиональные объединения, разрабатывая документы и рекомендации по охране и восстановлению историко-культурных ценностей. Клирономические идеи, формировавшиеся как отношение общества к своей истории, культуре и искусству, воплощённые в формах объектов и предметов материального историко-культурного наследия и элементов нематериального наследия на протяжении последних 6 тысяч лет, постепенно привели к философской мысли о ценности культуры через культурные ценности. Это актуализировало

создание единой клирономической картины мировоззрения в отношении сохранения историко-культурного наследия общества.

Заключение

Сохранение культурного наследия является одним из самых значимых процессов и явлений человечества на протяжении всего его развития. Ядром философского понимания окружающего нас мира является способность человека анализировать прошлое и проектировать его на желаемое будущее. В течение последних трёх тысячелетий человек медленно, но верно шёл к формированию этого понятий, эволюционируя в системе окружающего его мира и осознания не только физических, но и социальных процессов.

Постепенно человек стал воспринимать прошлое как ценность будущего, после чего и произошёл коренной поворот к сохранению прошлого во имя будущего. Сначала это было нематериальное наследие. Однако, достаточно быстро общественное стало пополняться ценностями индивидуальными, в результате чего стало объективным и понятных сохранение уже и материального наследия.

Мировоззрение индивидуума и общества стало расширяться не только в философском плане, но также культурологическом и искусствоведческом. Постепенно понимание не только самой сути сохранения культурного наследия, но и его процессов и закономерностей, привели к тому, что стало формироваться отдельное направление мировоззрения, которое требует нового названия и определения – клирономическое.

Список источников информации

- Алепин, А.Б. (1989). *Реставрация станковой масляной живописи в России*. Ленинград: Художник РСФСР.
- Альберт, К. (2012). *О понятии философии у Платона: монография*. Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального университета.
- Асмус, В.Ф. (1969). *Платон. (Серия «Мыслители прошлого»)*. Москва: Мысль.
- Бадак, А.Н., Войнич, И.Е., Волчек, Н.М. и др. (2002). *Эпоха Реформации. Европа*. Минск: Харвест.
- Бакарев, В.А. (2012). *Где найдёшь Москву другую?* Москва: Контакт-Культура.
- Блонский, П.П. (2009). *Философия Плотина*. 2-е издание. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- Богуславский, М.М. (2006). *Судьба культурных ценностей*. Москва: Юристъ.

- Брокгауз, Ф.А. (1993). Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). (1890-1907). Санкт-Петербург: ПОЛРАДИС.
- Буйчик, А.Г. (2018, август). Достижения в области социальных и гуманитарных наук в деле реставрации и консервации. *Сетевой электронный научный журнал «Вестник ГГУ»*, 4. Извлечено 10 октября 2018 г. из http://vestnikggu.ru/doc/4_2018/bujchik.pdf
- Буйчик, А.Г. (2014а). История реставрации Большого Сфинкса в долине Гиза: актуальность сохранения памятников всемирного культурного наследия. *Реставрация как искусство возрождения объектов историко-культурного наследия. Сборник статей*, 150-162. Санкт-Петербург: Издательство «СПБКО».
- Буйчик, А.Г. (2019а). *Клирономия – наука о сохранении культурного наследия*. LAP Lambert Academic Publishing.
- Буйчик, А.Г. (2019б). Клирономия – наука о сохранении историко-культурного наследия. *Серия: Познание. Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*, 3, 90-93. Москва.
- Буйчик, А.Г. (2014б). Социально-культурная значимость реставрационной деятельности в мировом наследии. *Сборник трудов участников научной конференции «Инновационные технологии в образовательной деятельности вузов искусств и реставрации»*, 73-79. Санкт-Петербург: Издательство СПБКО».
- Буйчик, А.Г. (2015). Философские и культурные аспекты сохранения культурного наследия: разрушение и реставрация. *Альманах: Культура. Искусство. Реставрация. Сборник статей*, 1, 2: *Культура*, 19-21. Санкт-Петербург: Издательство «СПБКО».
- Буйчик, А.Г. (2019в). Философское осмысление ценности историко-культурного наследия. *Серия: Познание. Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*, 6, 103-106. Москва.
- Буйчик, А.Г. (2019г). Формирование понятий культурологического, искусствоведческого и клирономического мировоззрения как основа воспитания деятеля культуры и искусства. *Материалы VII Международной научно-практической конференции «Образование. Наука. Культура». В 5 частях. Часть 2: «Педагогика и психология в современной системе образования»*, 91-92.
- Брокгауз, Ф.А. (1993). Вандализм. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). (1890-1907). Санкт-Петербург: ПОЛРАДИС.
- Вазари, Дж. (2017). *Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих*. Москва: Альфа-книга.
- Ванденберг, Ф. (1996). *Золото Шлимана*. Смоленск: Русич.
- Вольнский, А.Л. (1997). *Жизнь Леонардо да Винчи*. Москва: Алгоритм.

- Глазычев, В.Л. (2008). *Урбанистика*. Москва: Европа.
- Дзуффи, С. (2008). *Возрождение. XV век. Кватроченто*. Москва: Омега.
- Дэвлет, Е.Г. (2004). Альтамира – «королева расписных пещер»: К 125-летию открытия пещерного искусства. *Природа*, 12, 41-47.
- Зарницкий, Ст.В. (2007). *Боттичелли*. Москва: Молодая гвардия.
- Картер, Г. (1959). *Гробница Тутанхамона*. Москва: Издательство восточной литературы.
- Копцева, Н.П., Лозинская, В.П., Махонина, А.А. (2013). Проблема культурных ценностей и её решение в философии Генриха Риккета. *Философия и культура*, 7(67), 974-984.
- Копцева, Н.П., Лозинская, В.П. (2009). *Музыкальное искусство в системе ценностей культуры*. Красноярск: СФУ.
- Копцева, Н.П., Лозинская, В.П. (2012а). Музыкальное мышление композитора и процесс создания культурных ценностей. *Педагогика искусства*, 2, 78-85.
- Копцева, Н.П., Лозинская, В.П. (2012б). Музыкальное мышление и его функции. *Педагогика искусства*, 1, 61-75.
- Кох, В. (2005). *Энциклопедия архитектурных стилей. Классический труд по европейскому зодчеству от античности до современности*. Москва: БММ АО.
- Летта, Э.М. (1999). *Понтормо. Россо Фьорентино*. Москва: Слово.
- Лосев, А.Ф., Тахо-Годи, А.А. (1982). *Аристотель: Жизнь и смысл*. Москва: Детская литература.
- Лосев, А.Ф., Шестаков В.П. (1965). *История эстетических категорий*. Москва.
- Маковельский, А.О. (1946). *Древнегреческие атомисты*. Баку.
- Медведев, Д.А. (2008, 16 февраля). Точки над «і»: Выступление на V Экономическом форуме. Российская газета.
- Михайлов, И.А. (2010). Виндельбанд. *Новая философская энциклопедия*. [Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд]. 2-е издание. Москва: Мысль.
- Нарский, И.С. (1967). *Философия Давида Юма*. Москва: Издательство МГУ.
- Первая Всероссийская реставрационная конференция (2018, 12 мая). Извлечено 15 июня 2018 г. из <http://vladiart.com/nauka/nauka-restavracii/istorija-rossijskogo-restavracionnogo-dela/pervaja-vserossijskaja-restavracionnaja-konferencija/>
- Пивоваров, Д.В. (2000). Культура как идеалообразование. *Культура и художественная культура. Сборник статей*. Красноярск.

- Реале, Д., Антисери, Д. (1995). *Западная философия от истоков до наших дней: Средневековье (от Библейского послания до Макиавели)*. Санкт-Петербург: ТОО ТК «Петрополис».
- Риккерт, Г. (1998). *Философия жизни*. Москва: Ника-Центр.
- Савченко, С.Н. (2004). Тайны Шигирских древностей. *Мир музея*, 8, 2-6.
- Самые древние наскальные рисунки обнаружены в пещере в Индонезии (2014, 10 октября). РИА Новости. РИА Наука. Извлечено 11 августа 2017 г. из <https://ria.ru/studies/20141009/1027545546.html>
- Соколов, В.В. (сост.) (1969). *Антология мировой философии. В 4-х томах. Т. 1. Часть 1*. Москва: Мысль.
- Сократ, Платон, Аристотель, Сенека. Жизнь замечательных людей, биографическая библиотека Ф. Павленкова. (2010). Москва: Издательство «Республика».
- Степанов, А.В. (2003). *Искусство эпохи Возрождения. Италия. XIV-XV века*. Санкт-Петербург: Азбука-классика.
- Субботин, А.А. (1974). *Фрэнсис Бэкон*. Москва: Мысль.
- Сунягин, Г.Ф. (1985). О некоторых предпосылках культуры Возрождения. *Вопросы философии*, 7, 93-97.
- Сфумато в живописи (2018, 8 октября). Извлечено 10 октября 2018 г. из <https://izokurs.ru/blog/sfumato-v-zhivopisi/>
- Тажуризина, З.А. (2010). *Философия Николая Кузанского*. 2-е издание. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- Троцкая, Н.И. (1924). Основные задачи музейного строительства. *Советская культура*, 238-239.
- Тучков, И.И. (2016). Джорджо Вазари и архитектура чинквеченто: конец эпохи Возрождения. *Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей*, 6, 395-406. Санкт-Петербург: НП-Принт.
- Фараон и тайная комната (2017, 12 февраля). Око планеты. Извлечено 6 августа 2017 г. из <https://oko-planet.su/phenomen/phenomenday/403673-faraon-i-taynaya-komnata.html>
- Федеральный закон от 25.06.2002 №73-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», с изм. от 03.08.2018.
- Фёдорова, И.К. (2001). *Говорящие дощечки с острова Пасхи. Дешифровка. Чтение. Перевод*. Санкт-Петербург: МАЭ РАН.
- Фосси, Г. (2013). *Уффици. Официально утверждённый путеводитель. Русский язык*. Флоренция: Giunti Editore.

- Фролов, И.Т. и др. (2003). *Введение в философию. Учеб. пособие для вузов*. Москва: Республика.
- Храмов, Ю.А. (1983). *Рентген Вильгельм Конрад (Röntgen Wilhelm Conrad). Физики: Биографический справочник*. 2-е издание. Москва: Наука.
- ЦГАОРСС г. Москвы. Ф. Р-1, оп. 1, ед. 19.
- Чанышев, А.Н. (1981). *Аристотель*. Москва: Мысль.
- Шичалин, Ю.А. (2008). *Плотин. Античная философия: Энциклопедический словарь*. Москва: Прогресс-Традиция.
- Штоль, Г. (1991). *Генрих Шлиман: Мечта о Трое*. Москва: Молодая гвардия. (перевод с немецкого)
- Эрпель, Ф. (1990). *Микеланджело*. Берлин: Хеншель. (перевод с немецкого)
- A brief history of ИС (2015, 30 декабря). International Institute for Conservation. Извлечено 15 сентября 2018 г. из <https://www.iiconservation.org/about/history> (на англ.)
- About КИК-IRPA. Royal Institute for Cultural Heritage. Извлечено 15 сентября 2018 г. из <http://www.kikirpa.be/EN/9/305/About+КИК-IRPA.htm> (на англ.)
- American Institute for Conservation of Historic and Artistic Works. Извлечено 15 сентября 2018 г. из <https://www.culturalheritage.org/> (на англ.)
- Brandi, C. (2011). *Teoria del Restauro*. Calendasco: Grafiche Cesina. (на итал.)
- Brown, D.A. (1998). *Leonardo Da Vinci: Origins of a Genius*. Yale University Press. (на англ.)
- Buychik, A. (2019a). *Klironomy as a Science of Preservation of Cultural Heritage*. LAP Lambert Academic Publishing. (на англ.)
- Buychik, A.G. (2019b) The Problem of Formation of Klironomy as a Science of the Preservation of Cultural Heritage. Наука в современном мире. Сборник публикаций мультидисциплинарного научного журнала «Архивариус» г. Киева: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень), 12 (45), 28-31. Киев: Мультидисциплинарный научный журнал «Архивариус». (на англ.)
- Buychik, A. (2017). World history of conservation and restoration. Извлечено 18 октября 2020 г. из <http://buychik.eu/eng/klironomy/history/conservation> (на англ.)
- Carnarvon, F. (2007). *Carnarvon & Carter – The story of the two Englishmen who discovered the tomb of Tutankhamun*. Highclere Enterprises. (на англ.)
- Cohen, S. (1973). *Destruction of Property: Motives and Meanings*. London: The Architectural Press. (на англ.)

- Corrigan, K. (2005). *Reading Plotinus: A Practical Introduction to Neoplatonism*. West Lafayette: Purdue University Press. (на англ.)
- Cultural Properties. World Heritage List. World Heritage Center. UNESCO. Извлечено 10 ноября 2018 г. из <http://whc.unesco.org/en/list/?lother=ru&lother=ru&&order=category&type=cultural> (на англ.)
- Debre, P. & Forster, E. (1998). *Louis Pasteur*. Baltimore, Maryland: Johns Hopkins University Press. (на англ.)
- Dillon, J. (2003). *The Heirs of Plato: A Study of the Old Academy*. Oxford University Press. (на англ.)
- Din-i Ilahi. Britannica Online Encyclopedia (2013). Britannica Online Encyclopedia.
- Doerner Institut (2019, 24 марта). Извлечено 26 марта 2019 г. из <https://www.pinakothek.de/en/doernerinstitut> (на англ.)
- Edwards, P. (1994). *Piano Pratico per la generale custodia delle pubbliche pitture; Instituzione di una formale pubblica scuola pel restauro delle dannegiate pitture, edited by Giuseppe Basile, assisted by Gloria Tranquilli*. Ministero per i Beni culturali e ambientali, Istituto Centrale del restauro. (на итал.)
- Erpel, F. (1990). *Michelangelo*. Berlin: Henschel. (на нем.)
- Ferrara, M. & Quinterio, F. (1984). *Michelozzo di Bartolomeo, prefazione di Franco Borsi*. Firenze: Salimbeni. (на итал.)
- Flew, A. (1986). *David Hume: Philosopher of Moral Science*. Oxford: Basil Blackwell. (на англ.)
- Francovich, O.N. (2002). *Vandali: Lingua e Storia*. Roma: Carocci editore. (на итал.)
- Fullmer, J.Z. (1969). *Sir Humphry Davy's Published Works*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. (на англ.)
- Gerson, L.P. (1994). *Plotinus*. New York: Routledge. (на англ.)
- Glasser, O. (1993). *Wilhelm Conrad Röntgen and the Early History of the Roentgen Rays*. Norman Publishing. (на англ.)
- Gough, J.B. (1998). Winecraft and chemistry in 18th-century France: Chaptal and the invention of Chaptalization. *Technology and Culture*, 39, 1, 74-104. (на англ.)
- Grayson, A.K. (1980). *The Chronology of the Reign of Ashurbanipal*. *Zeitschrift für Assyriologie* 70. (на англ.)
- Grimal, N. (1992). *A History of Ancient Egypt*. Blackwell Books. (на англ.)
- Guthrie, W.K. (1979). *A History of Greek Philosophy. The Pre-Socratic tradition from Parmenides to Democritus*. Cambridge University Press. (на англ.)
- Hamilton, J. (2002). *Faraday: The Life*. London: Harper Collins. (на англ.)

- Heese, M. (1968). Francis Bacon's Philosophy of Science. *Vickers, Brian. Essential Articles for the Study of Francis Bacon*. Hamden, CT: Archon Books. (на англ.)
- Hogarth, D.G. & Schliemann, H. (1910-1911). *Encyclopædia Britannica*. 11th ed. Vol. 24. Cambridge University Press. (на англ.)
- Iglesias, H. (1991). *El Palacio Real de Madrid, dos tomos*. Madrid: Patrimonio Nacional. (на исп.)
- James, T.G.H. (2012). *Howard Carter: The Path to Tutankhamun*. London: Tauris Parke Paperbacks. (на англ.)
- La storia dell'Istituto. L'Istituto Superiore per la Conservazione ed il Restauro (2013, 9 июля). Извлечено 15 марта 2017 г. из <http://www.iscr.beniculturali.it/pagina.cfm?usz=1&uid=9> (на итал.)
- Madariaga de la Campa, B. (2000). *Sanz de Sautuola y el descubrimiento de Altamira*. Santander: Fundación Marcelino Botín. (на исп.)
- Merlini, V. & Storti, D. (a cura di) (2013). *Raffaello a Milano. La Madonna di Foligno*. Milano. (на итал.)
- Meuthen, E. (2010). *Nicholas of Cusa: A Sketch for a Biography*. Washington, DC: The Catholic University of America Press. (на англ.)
- Moscatti, S. (2001). *The Phoenicians*. Rizzoli. (на англ.)
- Neolithic Tell Ramad. Pre-History and Archaeology Glossary (2001, 26 декабря). Извлечено 10 сентября 2017 г. из <http://ancientneareast.tripod.com/Ramad.html> (на англ.)
- Noemie, E. (2010). Restoration in Europe from 1789 to 1815: between politics and philosophy. Извлечено 15 марта 2017 г. из http://www.academia.edu/1507381/Restoration_in_Europe (на англ.)
- Oesterreich, M. (1774). *Description et Explication des Groupes, Statues, Bustes & Demi-Bustes, Bas-Reliefs, Urnes & Vases des marbre, de bronze & de plomb, antiques aussi bien que des ouvrages modernes qui forment la Collection de S.M. Le Roi de Prusse*. Berlin: Decker. (на фр.)
- Oliver, J. (1865-1890). *Collection of the Works*. In 5 volumes. USA: Smithsonian Institution. (на англ.)
- Oxford Living Dictionaries. Oxford University Dictionary (2017, 2 августа). Извлечено 22 сентября 2017 г. из <https://en.oxforddictionaries.com/definition/us/vandalism> (на англ.)
- Parkinson, R.B., Diffie, W., Fischer, M., & Simpson, R.S. (1999). *Cracking Codes: The Rosetta Stone and Decipherment*. University of California Press. (на англ.)
- Petrotchenko, M. (2011). *Focusing on the Angkor Temples: The Guidebook*. 2nd ed. Amarin Printing and Publishing. (на англ.)

- Reau, L. (1959). *Les monuments détruits de l'art français*. T. 1. Paris: Hachette. (на фр.)
- Risselada, M. & Heuvel, D. van den (Eds.) (2005). *TEAM 10 – In Search of a Utopia of the Present – 1953-1981*. Rotterdam. (на англ.)
- Ross, Sir David (1995). *Aristotle*. 6th ed. Routledge. (на англ.)
- Russell, J.M. (1991). *Sennacherib's Palace without Rival at Nineveh*. Chicago: University of Chicago Press. (на англ.)
- Sitwell, C. & Staniforth, S. (Eds.) (1998). *Studies in the History of Painting Restoration*. Archetype Publications. (на англ.)
- Strutin, M. (2001). *Discovering Natural Israel*. N.Y.: Middle Village. (на англ.)
- Taylor, C.C.W. (2001). *Socrates: A very short introduction*. Oxford: Oxford University Press. (на англ.)
- The Murray Pease Report. IIC-American Group (2018, 10 септябрь). Извлечено 15 декабрь 2018 г. из <https://www.iiconservation.org/node/208> (на англ.)
- Tomasi, M. (2007). Lo stil novo del Gotico italiano. *Medioevo*, 121, 32-46. (на англ.)
- Trill, D. (1995). *Schliemann of Troy: Treasure and Deceit*. New York: St. Martin's Press.

DOI: 10.47451/her2020-12-006

EOI: 10.11244/her2020-12-006

Tatiana M. Nosan

Candidate of Pedagogical Sciences (PhD)

Associate Professor

Department of Art Embroidery

High School of Folk Art

St Petersburg, Russia

E-mail: TMNosan@mail.ru

Regional features of traditional embroidery of the North-West of Russia (Leningrad, Vologda, Novgorod and Pskov regions) of the late 19th and early 20th century (in Russian)

Abstract:

The history of the development of artistic embroidery in the North-West of Russia has not yet been sufficiently studied. In popular scientific publications, the main attention was paid to folk embroidery from the 18 to 20th centuries, and sewing techniques that existed in the noble and urban environment remained little explored. The lack of publications of generalizing works on a number of techniques of artistic sewing does not allow us to identify with sufficient completeness the overall picture of the development of this type of sewing in Russia. The article is devoted to the history and theory of ancient technological features of embroidery in the works of traditional applied art of the North-West of Russia (Leningrad, Vologda, Novgorod and Pskov regions). The author analyzes various techniques, ornaments, and color solutions of traditional embroidery. Describing a kind of technological variety of embroidery skill, the author believes that the artistic merits of embroidery in the North-West of Russia is the brightest page in the world history of art.

Keywords:

traditional applied art, European art, colour scheme, national features, artistic and technological techniques, folk customs, ornament.

Носань Татьяна Михайловна

кандидат педагогических наук

доцент кафедры художественной вышивки

Высшая школа народного искусства

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: TMNosan@mail.ru

Региональные особенности традиционной вышивки Северо-Запада России (Ленинградской, Вологодской, Новгородской и Псковской областей) конца XIX – начала XX века

Аннотация:

История развития художественной вышивки Северо-Запада России ещё недостаточно изучена. В научно-популярных изданиях основное внимание уделялось народным вышивкам XVIII-XX веков, а приёмы шитья, бытовавшие в дворянской и городской среде, оставались малоисследованными. Отсутствие публикаций обобщающих работ по ряду приемов художественного шитья не позволяют выявить с достаточной полнотой общую картину развития этого вида шитья в России. Статья посвящена вопросам истории и теории старинных технологических особенностей вышивки в произведениях традиционного прикладного искусства Северо-Запада России (Ленинградской, Вологодской, Новгородской и Псковской областей). Автор анализирует различные приемы, орнамент, цветовые решения традиционной вышивки. Описывая своеобразную технологическую разновидность вышивального мастерства, автор считает, что по своим художественным достоинствам вышивка Северо-Запада России является ярчайшей страницей в мировой истории искусств.

Ключевые слова:

традиционное прикладное искусство, европейское искусство, цветовая гамма, национальные особенности, художественно-технологические приемы, народные обычаи, орнамент.

Вступление

История развития художественной вышивки Северо-Запада России ещё недостаточно изучена. В научно-популярных изданиях основное внимание уделялось народным вышивкам XVIII-XX веков, а приёмы шитья, бытовавшие в дворянской и городской среде, оставались малоисследованными. Отсутствие публикаций обобщающих работ по ряду приемов художественного шитья не позволяют выявить с достаточной полнотой общую картину развития этого вида шитья в России.

С XVIII века в русском прикладном искусстве происходят большие изменения. Процесс европеизации дворянского быта, связанный с проведением Петром I реформ, изменивших костюмы и дворянский обиход, оказал воздействие и на развитие прикладного искусства (Русская вышивка XVII – начала XX века, 1978).

Как утверждает А.С. Верховская «Техника вышивки «по перевити» была известна в европейских странах с древности. Фрагменты южно-немецких вышивок относятся к XII-XIII векам». Расцвет подобных вышивок на краях полотенец, скатертях, подзорах она относит XV-XVI векам. Орнаменты на них разнообразные, в том числе сюжетные – изображения зверей и птиц, а на французском подзоре XV-XVI веков вышита сцена охоты».

Т.Н. Косаурова сообщает сведения по Италии XVI века, «где ажурные работы (по выдергу, прорези, филейной сетке), чаще всего, применяли в украшении интерьера церквей, для обрамления полотенец и постельного белья. Такие вышивки дали толчок к развитию кружев, сначала шитых иголкой, а затем плетеных, выделившихся в самостоятельное ремесло» (Страницы истории отечественного искусства, 2010).

Учитывая приобщение России в XVIII веке к европейским традициям, следует предположить, что русскими мастерицами использовались какие-то европейские образцы, но в печатных альбомах для вышивания, выпущенных раньше второй половины XIX века, сведений нет.

В России вышивка «по перевити» упоминается в описи старинного крестьянского имения XVII века: «два очелья новые кокошников, шиты по перевити нитки, местами шито золотом, семь задников шито по перевити...» (Страницы истории отечественного искусства, 2010). В области традиционной вышивки России отчетливой становятся различия между шитьем, бытовавшим в народной среде, и вышивками, пользующимися большим спросом в быту господствующих классов. Причем, одни из них продолжают традиции русской национальной вышивки более раннего времени, сохраняя ее особенности, а другие вышивки, связанные в первую очередь с потребностями привилегированных слоев общества, развиваются в русле европейского прикладного искусства. Реализация модной, дорогостоящей, качественной, исполненной по европейским образцам вышивки приносила большой доход владельцу вышивальной отрасли. Успешной торговле способствовал введенный в конце XVIII века запрет на ввоз в Россию кружева из-за границы. Сохранившиеся архивные материалы указывают на производство игольного кружева в России в первой половине XIX века считает Р.М. Белогорская, что свидетельствует об использовании образцов европейского игольного и коклюшечного кружева русскими мастерицами в помещичьих усадьбах (Носань и Лончинская, 2016). Обширность территории расселения, природное окружение, условия сосуществования, материалы, особенности национальных обычаев, различное назначение костюма были существенной причиной возникновения многообразных видов одежды с вышивкой.

Чаще всего, знаками различия были не покрой и вид одежды, а количество, цветность, применение дорогих материалов (шелковых, золотых и серебряных ниток) и технологические особенности вышитого декора.

Под воздействием европейского искусства вышивки в России появляются новые виды работ: художественная гладь с вливанием тонов, игольное кружево

(кадомский вениз), декоративные сетки, «солнечное» кружево, филейное кружево и другие. В дальнейшем они пользуются большой популярностью, обретая в расцветках и орнаментах особенности, характерные для русской вышивки.

Следует отметить, что мастерицы прошлых столетий, прекрасно владея техникой вышивки и плетения на коклюшках, выполняли работы, мастерски имитирующие эти технологические приемы рукоделия. На Всероссийской кустарной выставке 1913 года в Петрограде среди стилей общерусского народного искусства были отмечены «отзвуки итальянского ренессанса, отголоски стиля империи, так близко сроднившегося с нашей стариной начала XIX века и даже преобразовавшегося у нас в особый «русский ампир» (Русское народное искусство, 2008).

Вывод. Следовательно, европейское кружево и вышивка является составной частью русского прикладного искусства как сложного и многогранного явления, которое, как утверждает Л.Г. Оршанский, «вобрало в себя» отпечатки каменного века, античного совершенства, итальянской сочности и сурового северного уклада» (Оршанский, 1927).

Возрождение и сохранение старинных технологий, с использованием новых качественных материалов, художественно-технологических традиций с одновременной разработкой новых форм и решений, позволит создавать произведения традиционного искусства, востребованные в современном мире.

Сохранение и развитие традиций отечественной художественной культуры в традиционном прикладном искусстве Северо-Запада России лежат в основе воспитания и образования современного художника традиционного прикладного искусства. Исторически одним из самых распространенных видов традиционного прикладного искусства является художественная вышивка, объединяющая более восьмидесяти видов технологий исполнительского мастерства в различных регионах России. В основе каждого вида лежит технология её выполнения, соотнесённая с конкретными региональными особенностями. Понимание профессионального обучения технологии художественной вышивки как регионально-исторической и художественно-технологической сущности и целостности этого искусства позволяет подойти к формированию содержания обучения через развитие профессионального интереса к этому искусству, а на этом основании – профессиональной культуры обучающегося.

Этому способствуют традиции прикладного искусства и разнообразие стилей современного быта и мировой высокой моды, что не может не

отразиться на профессиональном образовании – подготовке художников и содержании обучения в этой области.

Художественная вышивка с одной стороны – «физическое воспитание – строго методические упражнения руки и глаза, которые находятся в тесной связи с нашими интеллектуальными качествами, с другой – художественный труд – нравственная, духовная категория, имеющая познавательную, созидательную, ценностно-ориентированную составляющие» (К.Ю. Цируль), что в полной мере отвечает сущности профессионального образования в этой сфере, основой которого являются уникальные исторические технологии (Носань, 2012).

В этом смысле курс «Технология художественной вышивки» обладает огромным образовательным потенциалом и позволяет создавать высокохудожественные произведения.

До настоящего времени в отечественной литературе не существует обобщающего практико-ориентированного исследования, посвящённого проблемам профессионального обучения искусству художественной вышивки. Традиционной художественной вышивке посвящены научные исследования ученых, искусствоведов и специалистов традиционного прикладного искусства: И.Э. Агапова, В.Ф. Максимович, А.В. Бакушинского, И.Я. Богуславской, Н.П. Божьевой, Н.П. Бурмистровой, Л.А. Динцеса, А.П. Журавлёва, Н.М. Калашниковой, С.В. Лебедева, Е.Э. Кнац, Н.Т. Климова, А.П. Косменко, Г.С. Масловой, Н.А. Родионовой, М.А. Сорокиной, В.А. Фалеевой и других.

В современных условиях задачи, стоящие перед профессиональной школой художественной вышивки, требуют, во-первых, научного обоснования направлений развития профессионального интереса обучающихся при индивидуально-творческом подходе к процессу обучения, во-вторых, необходимости перспективного подхода к отбору целей, содержания и методов обучения, без чего невозможна подготовка художников по вышивке.

В связи с этим, значимость отбора, структурирования, обновления содержания обучения технологии и выявления практико-ориентированных методов обучения являются важной научной проблемой, так как это обеспечивает не только усвоение знаний, умений и навыков исполнительского мастерства, но и создаваемого произведения с регионально-историческими технологическими и художественными традициями искусства вышивки.

В результате научного педагогического исследования установлено, что в

настоящее время необходимо создание высокохудожественных изделий, востребованных в современном социуме.

Чтобы поднять престиж высококвалифицированного труда, организовать подготовку художников по вышивке, обеспечивающими мобильность специалистов, способность адаптироваться к быстроменяющимся задачам, необходимо повысить качество подготовки кадров, наиболее полно использовать творческий потенциал и инициативу каждого работника в традиционном прикладном искусстве (Носань, 2012).

Теоретическую основу процесса обучения технологии художественной вышивки составляет поэтапная структура обновления содержания профессионального обучения технологии художественной вышивки будущих художников вышивки.

Отбор учебного материала должен пройти несколько этапов:

- исследование характера и объектов труда художников вышивки, перспективных требований к уровню профессиональной подготовки;
- изучение требований к подготовке будущих художников вышивки.

Важнейшими для исследования, явилось изучение тенденций развития традиционно-прикладного искусства и народных промыслов; построение модели выпускника художника по вышивке; выявление специфики обучения технологии художественной вышивки; анализ взаимоотношений компонентов логической структуры науки и учебного предмета; прогностический отбор содержания обучения; классификация содержания обучения по уровням его усвоения материала; отбор профессиональных компетенций; формирование учебного плана; экспериментальное исследование эффективности внедрения новых учебных планов на основе принципов научности, индивидуализации обучения и творческой активности, регионально-исторической достоверности, а также поэтапного формирования содержания обучения с учётом перечня требований к интеллектуальным и профессиональным качествам будущих художников по вышивке. Немаловажной является разработка учебных программ по технологии художественной вышивки и предложений по корректировке учебного плана и учебных программ, в том числе определяющих учебный процесс обучения технологии вышивки. При этом функциями учебной программы являются определение места и роли технологии художественной вышивки в будущей художественно творческой деятельности художника; объёма и содержания умения и навыков, которыми должен овладеть обучающийся, и как итог

выпускная квалификационная работа выпускника. Исторический опыт обучения художественной вышивке в области народного искусства, выявил необходимость обновления профессионального образования в этой области. Научно обосновано, что одним из эффективных путей совершенствования профессионального образования в области художественной вышивки является овладение художественно-технологическими приёмами через формирование профессионального интереса к художественной вышивке как к уникальному искусству и мотивации к сохранению художественных традиций и развитие этого вида искусства в будущей профессиональной деятельности, что наиболее продуктивно при обучении предмету «Технология художественной вышивки», содержание которого определяется необходимостью освоения совокупности духовной, технологической и художественной составляющих данного вида традиционного прикладного искусства. Понятие «художественно-технологическая традиция в художественной вышивке» как исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение технологические приёмы, характерные только для конкретного вида художественной вышивки и необходимые для сохранения и развития художественной вышивки будущими художникам традиционного прикладного искусства.

Таким образом, изучение интеграции технологии художественной вышивки в произведениях традиционного прикладного искусства содействует развитию ценностно-профессионального отношения к художественно-творческой созидательной деятельности; профессионализм художника традиционного прикладного искусства должен обязательно отражать регионально-исторические, художественно-технологические внешние и внутренние заимствования, колористические и конструктивные традиции, научно-исследовательскую и экспериментальную деятельность.

1. История и теория традиционной Ленинградской вышивки

Художественная вышивка Ленинградской области, развиваясь в русле традиций народного творчества Севера, имеет свои самобытные черты, которые сформировались под воздействием исторических и культурных факторов (илл. 1).

В формировании собственного стиля народного искусства этого края важную роль сыграли длительные контакты русского и финно-язычных народов, близость крупного промышленного центра – Санкт-Петербурга. Уже в XIII-XV века в русских, вепсских, ижорских и водских деревнях женщины

создавали прекрасные ткани (льняные, шерстяные), декорированные различными способами и приемами.

Искусство вышивания было особенно развито в деревнях Лужского, Волховского, Кингисеппского, Тихвинского и Лодейнопольского районов. Местные обычаи, этническая специфика культуры каждого из этих регионов позволили сформировать свои особые способы декорирования костюма и предметов интерьера, орнаменты, сюжетные композиции и цветовые решения.

Многие вышивальщицы, жившие здесь ещё в 1920-е годы, знали старинные декоративные швы, умели вышить «стародавний узор». Девушки же из деревень, расположенных вблизи Петербурга, предпочитали модные «городские» узоры, отступая от традиционной техники шитья. Технологические способы вышивания не были статичны, они изменялись во времени (илл. 2, 3). Большой стабильностью и архаичностью отличались лишь бордюрные швы (полосы геометрического орнамента, дополняющие центральную композицию вышивки). Древность бордюрных швов подтверждается тем, что они имеют многочисленные аналогии у многих народов, населяющих Россию. Наибольшей декоративности народная вышивка достигла в конце XVIII и начале XIX века. В первой половине XIX века наиболее сложные виды вышивки и композиции были характерны для одежды Ижоры, а наиболее архаичные орнаменты, выполненные швом роспись, стали типичны для вышивки вепсов и води (илл. 6).

Несмотря на то, что в конце XIX века вышивка начала упрощаться и в ней появились городские заимствования, она, как и раньше, сохраняла свою территориальную специфику, оригинальность и самобытность

Вышивкой украшали в основном предметы праздничного домашнего обихода, входившие в состав девичьего приданого: полотенца, подзоры простыней, скатерти (илл. 7).

Особенно богато орнаментировались полотенца, употреблявшиеся в быту русских, вепсов, ижорцев и води, декоративные предметы для украшения избы в праздничный день (илл. 9, 13).

Полотенца навешивали на окна, зеркала, стены изб. Во время свадеб украшали ими одежду участников свадебной церемонии. По поверью, распространенному во многих русских и вепских деревнях, вышитые полотенца обладали магической способностью сохранять благополучие и счастье семьи. На одежде вышивка встречалась преимущественно у вепсов и жор (илл. 5, 12).

В XIX – начале XX века вышивка обычно выполнялась на тонком, хорошо отбеленном домашнем холсте, но вепсы и ижорцы пользовались еще и грубоватым, с серым оттенком холстом, редко используя ткани фабричного производства. Самыми распространенными материалами для вышивания являлись домашняя овечья шерсть, шёлковые, льняные и хлопчатобумажные нити, окрашенные натуральными и анилиновыми красителями. Повсеместно в народной вышивке использовались геометрические орнаменты и сюжетные сцены. В орнаменте преобладали солярные символы: сложные ромбы, кресты, свастики, розетки. Сюжетная вышивка включала различные варианты композиций с орнитоморфными и зооморфными мотивами, а также изображения стилизованных женских фигур и деревьев (илл. 14).

Реже в декоре предметов интерьера и одежды прибалтийско-финских народов встречались изображения волков-оборотней, барсов.

Техника вышивания была разнообразной, повсеместно у прибалтийско-финских народов использовались такие приёмы вышивания, как двухсторонний шов роспись; счётные швы (косая и прямая стёжка, набор); косой и прямой крест; шитье по выдергу; цветная перевить; односторонняя и двухсторонняя гладь; мережки, тамбур, разнообразные контурные и краевые швы. Вышивка могла быть выполнена как одним видом шва (роспись, крест, тамбур), так и набором различных швов, которые сочетались в одном изделии, придавая вышитому рисунку большую выразительность и фактурность. Самыми несложными по исполнению были простые отделочно-декоративные и обшивочные швы. Вышивали красными и белыми хлопчатобумажными нитками, в некоторых случаях – белыми льняными. Ижоры, в отличие от русских, широко применяли цветную шерсть (илл. 8). Вышивальщицы использовали разнообразные технические приемы художественной вышивки. Широко применялся двусторонний шов – «роспись», иногда в сочетании с гладью – «атласниками» и «набором». Часто в вышивке использовали такие приемы, как «крест», «тамбур» и различные варианты «строчки». Техника вышивания была разнообразной. Повсеместно у прибалтийско-финских народов использовались такие приёмы вышивания, как двухсторонний шов роспись; счётные швы (косая и прямая стёжка, набор); косой и прямой крест; шитье по выдергу; цветная перевить; односторонняя и двухсторонняя гладь; мережки, тамбур, разнообразные контурные и краевые швы. Вышивка могла быть выполнена как одним видом шва (роспись, крест, тамбур), так и набором различных швов, которые сочетались в одном изделии, придавая вышитому рисунку большую выразительность и фактурность. Самыми несложными по

исполнению были простые отделочно-декоративные и обшивочные швы.

Многие из декоративных швов, например двусторонний, чрезвычайно трудоемки, использовались в крестьянской вышивке всего северо-запада Европейской части России. Для Ленинградской области наиболее характерными являются два вида из них: строчка с узором, выполненным «настилом», и двусторонний шов без добавления «набора» и глади – «атласника». Строчка особенно широко бытовала у русского населения пригородов Петербурга, Луги и Тихвина (илл. 4).

Орнамент вышивки представлял собой геометризованные мотивы, образующие бордюры или сложные сюжетные композиции, изображающие фигуры людей, животных, птиц, а также стилизованные растительные узоры. У русских, вепсов и ижорцев значительное место занимают сюжетные вышивки, которые строились обычно на основе четырёх мотивов: человеческая фигура, дерево, конь и птица (илл. 15).

Эти мотивы выполнялись очень условно: так, человеческая фигура изображалась всегда анфас, с головой в виде ромба или восьмигранника. Конь обычно вышивался в профиль, с крутоизогнутой шеей и развевающейся гривой, с всадником или всадницей на спине и т.д. В сюжетных вышивках нередко встречались также геральдические птицы, например, двуглавый орел, напоминающий своими очертаниями герб Российской империи. Очень часто в вышивке изображали птичьи или конские лады (фигуры с двумя головами, направленными в разные стороны). Все эти мотивы группировались в двух- или трёхчастные композиции.

Центральной фигурой в трехчастной композиции было изображение дерева или женщины, справа и слева от них помещались кони с всадниками или птицы. Двухчастные композиции составлялись из мотивов дерева и птицы; дерева и женской фигуры, птицы и женской фигуры, иногда конской лады и дерева. Такое сочетание, повторяясь в вышивке несколько раз, образовывало бордюры. Бордюры могли быть составлены также и из многократно повторяющихся мелких фигурок птиц или деревьев. Все эти композиции очень спокойны, хорошо скомпонованы и красивы по цвету.

Мотивы, характерные для сюжетной вышивки Ленинградской области, имеют древнее происхождение, их можно проследить ещё на памятниках прикладного искусства Севера Европейской части России с VIII-IX веков.

Эти образы несли большую смысловую нагрузку, забытую к началу XIX века. Исследователи считают, что в сюжетах народной вышивки отражены мифологические представления людей об устройстве мира. Например, дерево,

распространенное в вышивке – это мировое древо жизни, соединяющее в единую систему миры богов, людей и умерших предков, символизируя тем самым вечный круговорот жизни и смерти. Женщина – изображение Великой Богини, прародительницы всего живого на земле. Птицы и кони – доброжелательные спутники, воплощающие светлое, жизнеутверждающее начало. Для народной вышивки Ленинградской области характерен и геометрический орнамент, окаймляющий сюжетную композицию или являющийся самостоятельным украшением на полотенцах и подзорах простыней. Основными мотивами этого орнамента являются розетки, многоугольники, ромбы и косые кресты, образующие в сочетании более сложные мотивы: многогранник с вписанным в него ромбом или розеткой; ромб, украшенный на вершинах квадратами и т.д. Геометрические мотивы объединялись, чаще всего, в бордюры или сетки. В создании геометрического орнамента важную роль играл цвет; чередование белого фона и красного узора вносило в орнамент вышивки дополнительную ритмичность и красоту.

В конце XIX века в народную вышивку стали проникать из городов новые, нетрадиционные для неё мотивы и сюжеты: букеты натуралистически выполненных роз, васильков, ромашек, изображения попугаев, фазанов, жанровые сцены. Эти узоры выполнялись обычно крестом по канве, тамбуром или стебельчатым швом. Образцами служили многочисленные руководства и пособия по рукоделию.

В Лужском районе (Лужском уезде) была развита вышивка тамбуром.

В широких полотенцах и подзорах чередуются ажурные белые прошвы, края и красные вышитые вставки. Пышные растительные мотивы – вьющиеся ветви, гирлянды, цветы отличаются прихотливостью рисунка, включающего множество петель и завитков (илл. 10).

Лодейнопольские и Подпорожские вышитые полотенца, подзоры, предметы одежды выполнены вепскими мастерицами в 1890-1930 годы. В них использована двусторонняя вышивка красными бумажными нитями по льняному полотну и белыми по кумачу, белая и цветная строчка по ажурной сетке. Распространенные мотивы вышивки – изображение дерева и птицы: в строчке встречаются мотивы барса и большой птицы, вышитые по плетеной сетке (илл. 11).

Тихвинская и Бокситогорская вышивка Тихвинского уезда представлена работами карельских и вепских мастериц. Это полотенца, скатерти, подзоры, предметы одежды, выполненные с 1870 по 1930-е годы. Вышивка исполнялась двусторонним швом красными хлопчатобумажными нитками по полотну. В

работах вепских мастериц вышивка нередко сочеталась со строчкой белыми или цветными гарусными нитями. Полотенца с широкой узорной полосой на концах дополнялись кумачовыми вставками, вязаными или тюлевыми краями. Карельские скатерти были сшиты из двух полотнищ белой узорной ткани с кружевной или вязаной прошивкой между ними, на концах были украшены вышивкой, кумачовыми вставками и кружевом. В орнаментике вышивки большое место занимают архаичные мотивы: женские фигуры, птицы, кони, всадники, деревья. Они, как правило, дополнены узкими полосами геометрического орнамента.

Таким образом, характеризуя традиционную вышивку коренных малочисленных народов Ленинградской области можно сказать, что это один древних и распространенных видов народного искусства вепсов, води и ижорцы. Издавна она была связана с национальным своеобразием, художественными вкусами и бытовым укладом её создателей. Местные обычаи, этническая специфика культуры каждого из этих народов позволили сформировать свои особые способы декорирования костюма и предметов интерьера, орнаменты, сюжетные композиции и цветовые решения. Малоизученность конкретного материала требует научного исследования и профессионального описания изобразительного ряда и искусствоведческого анализа.

2. История и теория традиционной Вологодской вышивки

Художественную ценность, истоки и особенности строчевых подзоров впервые определил В.С. Воронов, который не сомневался в их принадлежности к русскому крестьянскому искусству, он считал, что «вологодская белая перевить... отразила сильные влияния на крестьянское искусство помещичьего быта; в этом отношении она соперничает с изумительной скобчатой резьбой с инкрустацией нижегородского района... Вся эта серия тонко наблюденных бытовых сцен нашла себе любопытнейшее выражение в художественном творчестве вышивальщиц, вполне овладевших новыми реалистическими мотивами и передавших их в метких и острых чертах послушной нити... Крестьянское искусство и здесь показывает большую глубину своих внутренних сил, легко, уверенно и оригинально разрешающих труднейшие художественные задачи». (Страницы истории отечественного искусства, 2010).

Аналогичную характеристику даёт подзорам А.И. Некрасов, уточняя их бытование и происхождение композиций по наблюдениям и графическим

источникам: «Несомненно, рисунки и гравюры XVIII века, праздники в господских, помещичьих парках и садах послужили неоднократно темой для строчки и кружев, вероятно, частью ввиду сбыта продуктов высшему общественному классу, частью вследствие личных интересов крестьян» (Страницы истории отечественного искусства, 2010). В.А. Фалеева первая описала три вида техники вышивки подзоров – строчки по плетеной сетке, “по перевиту” и “по письму” (Страницы истории отечественного искусства, 2010). Утверждая, что Древняя Русь не знала этих техник, она считала подобные вышивки явлением, рождённым XVIII веком. Рассматривая некоторые композиции вышитых подзоров, автор отмечала их близость к гравюрам, а изображение архитектуры – к лубочным картинкам» (Страницы истории отечественного искусства, 2010).

В.С. Воронова о сходстве изображений на подзорах с Городецкими инкрустированными донцами прялок, Т.М. Разина относил подзоры к северным вышивкам и видела в них воплощение свадебных сюжетов, что подкрепляла аналогиями из песенного народного творчества (Страницы истории отечественного искусства, 2010).

Г.С. Маслова считала, что подзоры были приняты в помещичьем и купеческом обиходе, особенно в XVIII – начале XIX века, и представляли собой ремесленные работы и вышивальщицы выполняли определенный социальный заказ (Лебедев и Максимович, 2015). По её мнению, создав свой стиль в изображениях и орнаменте, в сюжетах подзоров, они представили быт разных социальных слоёв общества, а в некоторых образцах (особенно петербургской работы) показали придворный быт и празднества второй половины XVIII века (Русское народное искусство, 2008). Отмечая особое развитие белой строчки на Севере, она называла центрами её создания Вологду, Великий Устюг и Сольвычегодск (Маслова, 1978).

И. Н. Уханова видит в строчевых подзорах творчество олонечких городских и посадских вышивальщиц. По её мнению, эта вышивка «в крестьянскую среду не вышла» а бытовала у главных заказчиков и покупателей – горожан, зажиточных людей «одного региона», Олонецкой губернии (Страницы истории отечественного искусства, 2010).

В последней книге Т.М. Разиной посвящен небольшой раздел, где она датирует их второй половиной XVIII века, относит к северным губерниям и считает «весьма цельной группой изделий, единых по назначению, техническим строчевым приемам по ажурной сетке, богатству фактурных

деталей, по разнообразию композиций с развернутыми сюжетными сценами» (Страницы истории отечественного искусства, 2010).

Подводя итог обзору литературы, отметим выявленные авторами как безусловные общие свойства рассматриваемого вида вышивки – технику строчки и композиции на темы барской или усадебной жизни.

Подзоры – это края простыней, которые украшали свадебную постель и входили в состав приданого» (Страницы истории отечественного искусства, 2010).

Их декорировали ткаными, вышитыми и кружевными узорами, и рассматриваемый тип строчевых подзоров представляет одну из своеобразных разновидностей предмета. Следует учитывать также, что нарядные простыни с подзорами бытовали далеко не в каждой семье, их наличие говорило об определенном достатке владельцев» (Страницы истории отечественного искусства, 2010).

Подзоры были известны и в Западной Европе. В XV-XVII веках они бытовали во Франции, Италии, Испании (Страницы истории отечественного искусства, 2010) и исполнялись преимущественно техникой «по выдергу», филейной сетке, штопальным швом белыми льняными нитями по белому, т.е. в этом плане они аналогичны русским вышитым подзорам, хотя в самом способе шитья есть особенности.

В России украшенные простыни были одним из ритуальных предметов свадебного обряда. Даже в конце XIX века, когда многие бытовые традиции крестьянства претерпели изменения, в Кадниковском уезде Вологодской губернии, например, во время венчания сваха должна была перевозить в дом жениха приданое невесты, которое иногда помещалось на трёх и более лошадях. «Свахи с постелями, в горнице готовят для молодых кровать, кладут сначала женихову перину, на которой он спал холостым, потом сверху невестину и покрывают постельниками (простынями), начиная от худой и кончая роскошной тонкой с тюлевыми кружевами. Простыни кладут все, какие есть у невесты. Иногда скопляется штук 8-10» (Государственное бюджетное учреждение культуры Ленинградской области «Музейное агентство», 2010).

Когда появились вышитые подзоры в русском быту, сказать трудно. В материалах конца XIX – начала XX века Этнографического бюро князя В.П. Тенишева по разным губерниям подзор как бытовой предмет ни разу не назван. Но наряду с упомянутыми «роскошными тонкими с тюлевыми кружевами» простынями бытовали и вышитые «постельники». Однако их декор

не описан. Кроме того, к этому времени мода на строчевые подзоры могла пройти.

Вышивка, русского населения Вологодского края, ее мотивы, композиционные приемы, декоративные швы, цветовая гамма известна по памятникам декоративно-прикладного искусства с XIX – начала XX.

Русская вышивка Вологодского края дает большие возможности для её изучения, так как она интересна по материалу, мотивам композиции, декоративным швам, цветовой гамме, расположению узора на ткани. В вышивке Вологодского края распространены как сквозные, так и глухие швы. Глухие счётные швы представлены в основном росписью и крестиком, но встречаются также «набор» и «гладь-атласник», как дополнительные украшающие швы.

Подзоры, исполненные «строчкой по письму», или «по вырези» представляют обширную группу произведений традиционно-прикладного искусства, их размеры составляют около 2 метров длины и 50-70 см ширины. Очень часто к нижнему краю пришито кружево вологодского плетения с округлыми формами фестонов или переход от основной вышивки к кружевному краю украшен полосой мережки с прошвой в виде шёлковой ленты или ткани другой фактуры (Страницы истории отечественного искусства, 2010).

Среди швов свободного контура преобладает «тамбур» с незначительным количеством стебельчатого шва. Тамбурный шов в литературе известен как «танбур», «танбур в петлю», петелькой, цепочкой, косичкой, тропкой, мышинной тропкой. Выполняется по свободному контуру иглой или специальным крючком (тамбурной иглой с крючком на конце). На лицевой стороне шов выглядит как ряд петель, выходящих одна из другой, а на изнанке представляет сплошную ровную строчку. Техника вышивки «белая строчка» (строка, вырезь, по вырези, по выдергу, в перевивку, по перевити, шов по письму, ребрь, по обвиве, вязьба, шов по намету, шшите по перевити, выполнялась по сетке, полученной в результате удаления определенного числа нитей основы и утка. Строчевые швы на предметах Вологодского края характеризуются большой вариативностью, строчки имеет множество разновидностей в перевиве сетки и нанесением на её поверхность узора

Вышивкой украшались разнообразные предметы: рубахи мужские и женские, душегреи, сарафаны, передники, платки, головные уборы, обувь, перчатки, полотенца и простыни с подзорами.

Подзоры – полосы ткани с геометрическим или растительным

орнаментом, выполненным вышивкой или кружевом, которые служили украшением свадебных простыней. Среди их декора преобладала белоснежная строчевая вышивка в сочетании с техникой «тамбур по сетке» (шов по письму), где рельефный узор на ткани с высоким тамбурным контуром четко выделялся на мелкой строчевой сетке с квадратными ячейками. Так вышивали подзоры со сложными многофигурными композициями, которые отражали жизнь города и деревни. На них изображались парки с узорными дворцами, раскидистыми деревьями, водоёмами, пригорками, сады, где среди цветов и сказочных птиц прогуливались дамы и кавалеры в нарядных платьях (илл. 25). Часто на вологодских подзорах встречается изображение роскошной кареты в сопровождении нарядных всадников (илл. 17, 27).

Изящество и красота фактуры узора достигалась введением гладьевых геометрических мотивов «атласников», швов-узоров в виде мелких ромбиков, треугольников, полос и зигзагов, клеток и «елочек», волнистых линий. Они плотно заполняли каждое изображение в пределах его формы, придавая живую игру светотени (илл. 19, 22). Такие приемы пришли в народную вышивку из древнерусского золотного шитья. На Русском Севере центром золотного шитья до конца XIX века были Вологда, Великий Устюг и Сольвычегорск, здесь также была распространена вышивка «строчка по письму», что говорит о преемственности традиций в пользу происхождения «вологодских подзоров» (илл. 18). Кроме бытовых сцен из жизни города и сельских усадеб, в технике вышивки «шов по письму» выполнялись растительные орнаменты с пышными цветами, крупными удлиненными листьями на гибких стеблях. Большинство таких подзоров выполнено в конце XVII – начале XIX века.

Наиболее распространенным строчевым видом вышивки была «строчка по перевити» (илл. 21). Предназначенную для вышивки льняную ткань продергивали по счету нитей, образуя сетку, которую перевивали, а затем расшивали по ней швами-узорами: «настил», «шток», «паутинка» и другие, заполняющими деталями изображений. Более плотное или ажурное шитье создавало богатую и разнообразную фактуру вышивки. Подзоры такого типа особенно разнообразны по сюжету и композиции, среди них много уникальных произведений народного художественного творчества. В вышивках «строчка по перевити» особенно широко вышивальщицы использовали лубочные картинки, в которых можно было найти близкие по рисунку варианты архитектурных сооружений, изображения деревьев, растений, кораблей, дам, кавалеров, экзотических животных (илл. 23). Всё это

не копировалось, а перерабатывалось по-своему и вышивалось на ткани технологическими приёмами вышивки, вызывающими восхищение мастерством вышивальщиц. Каждую деталь расшивают «атласниками», швами-узорами в виде мелких ромбиков, треугольников, полос и зигзагов, клеток и «елочек», волнистых линий. Они плотно заполняют каждое изображение в пределах его формы. Такие приемы пришли в народную вышивку из древнерусского золотного шитья. На Русском Севере центром золотного шитья до конца XIX века были Вологда, Великий Устюг и Сольвычегорск, здесь также была распространена вышивка «строчка по письму», что говорит о преемственности традиций в пользу происхождения «вологодских подзоров» (илл. 24). Среди подзоров есть уникальные произведения, не имеющие аналогов.

На подзоре конца XVIII века вышиты барсы с поднятыми лапами и процветшим хвостом, чередующиеся с пышными кустами. Образ барса и торжественный строй композиции напоминают об их истоках в средневековом (илл. 26). Но мастерицы исполнили узор в традициях крестьянской вышивки своего района, для которой характерен шов в мелкий крестик с зернистой рельефной фактурой поверхности.

Строчевые подзоры выполнялись так же и по плетеной сетке, которая была заимствована из древних приемов плетения рыболовных сетей. В моду в России она вошла с 1780-х годов. Тонкую плетеную сетку выполняли для соответствующей разновидности строчевых подзоров. Техника вышивки по плетеной сетке, благодаря контрасту более плотного узора с легким сквозным формам, придавала работам особое изящество (илл. 16, 20).

Таким образом, вероятно, что традиция украшать позоры нарядной многофигурной вышивкой пришла в крестьянский быт из помещичьей среды, не без западноевропейского влияния. Не случайно композиции многих подобных произведений посвящены сценам усадебного быта. Так как жизнь помещика не была отделена от жизни крестьян, то подчас они были главными, если не единственными проводниками культуры в русской провинции» (Страницы истории отечественного искусства, 2010). Следует отметить, что места создания строчевых подзоров Вологодской области и её регионов требуют дальнейшего изучения. Материалы вышивки Вологодской области подтверждают возможность о наличии в ней русских культурных традиций, связывающих эту территорию культурой Новгородской губернии.

3. История и теория традиционной Новгородской вышивки

К исторически сложившимся центрам вышивального искусства России относится Крестецкий район, Новгородской области, где во второй половине XVIII века зарождался народный промысел крестецкой строчки благодаря развитому льноводству, множеству женских монастырей в губернии и Екатерининскому оживленному почтовому тракту, проходившему через Крестцы. Всё это открывало широкие возможности для торговли в Петербурге и других городах России изделиями со строчевой вышивкой, которая пользовалась большим спросом.

«Крестецкая строчка» – местное название вышивки, которая получила особенное распространение в селе Старое Рахино Новгородской губернии, где мастерицы особенно славились своим рукоделием. Мастерство крестецких и соседних валдайских вышивальщиц быстро завоевывало популярность, ими были внесены особые стилевые особенности, сложные, уникальные элементы строчевого шитья для увеличения покупательного спроса городскими жителями (илл. 28). Естественной базой для развития данной вышивки в изделиях любого ассортимента являются народные традиции строчевого искусства, выработанные творчеством миллионов мастериц, на протяжении веков.

Традиции – живое дерево искусства, корнями которого являются древнейшие мотивы, сложенные многовековым художественным опытом народа, и сегодня определяют характер швов, колористку, орнаментальный сюжет (илл. 29). Значительное место в крестецкой вышивке занимали сюжетные, традиционные композиции народных праздников и сцен из сельской жизни. Примером являются сюжеты панно: «Хоровод», «Урожай» «Чаепитие», «Пряхи», «Избушка», панно «Москва» (илл. 33, 34).

Художниками и мастерами строчевышивальных фабрик не были забыты сюжеты, связанные со сказочной тематикой. Примером является панно «Свадьба» (илл. 32). Сказочные сюжеты крестецкой строчки, подлинные произведения искусства создавались в экспериментальной мастерской и многие из них удостоены дипломов и медалей ВДНХ СССР (илл. 36).

Строчевые изделия – скатерти, полотенца, занавески приобретали за бесценок скупщики, продавая их потом в столице и больших городах. До 1890 года надомный промысел не выходил за пределы Рахинской волости. Позднее им занялись в Крестецкой и Зайцевской волостях. Развитию строчки способствовало открытие в начале XX века, в 1905 году Крестецкой земской управой в Крестцах кустарного склада, который скупал у местных мастериц

строчевые изделия для продажи в Петербурге и других городах России. Позднее в Петербурге было организовано общество помощи крестьянскому ручному труду, которое имело свои магазины, обеспечивало материалами, рисунками и нитками. В 1905 году промыслом занималось 890 человек.

В 1907 году в селе Старое Рахино было создано потребительское общество «Артель», а в 1913 году – Крестецкое кустарное сельскохозяйственное товарищество, которое обеспечивало вышивальщиц-надомниц материалом, рисунками и фурнитурой.

Первые упоминания о «Старинном гипноре» встречаются в начале XIX века, однако оформление местных особенностей народного искусства Новгородских земель следует относить ещё к периоду феодальных отношений.

С 1910 года сложились местные особенности строчки, получившей название крестецкой. Определяющую роль в её формировании сыграло создание «сновочной» строчки (дополнительной нити, проложенной поверх сетки ткани). Изделия, выполненные по крупной сновочной сетке, напоминают кружево и называются гипнорами. Крестецкими и валдайскими мастерицами было разработано много сложных, разнообразных гипнорных узоров: «старинный», «рассыпной», «мыльный пузырь», «тарлата», «вологодское стекло». Мастерство изделий крестецких вышивальщиц получило заслуженное признание у посетителей выставок в Петербурге 1911 году, Италии, Бухаресте, Порт-Саиде, Нью-Йорке, Монреале, Брюсселе, Осаке.

Промысел украшения белой ажурной вышивкой предметов домашнего обихода, постельного и столового белья возник во второй половине XIX века. Здесь сложились «локальные особенности вышивки белыми льняными нитями по продернутому льняному полотну разнообразными сквозными геометрическими орнаментами» стал известен ещё один центр вышивки в Новгородской области.

Строчевым промыслом крестьяне занимались целыми семьями, не исключая мужчин. В селе Старое Рахино в одной из строчевых мастерских были объединены мужчины, в совершенстве владеющие строчевым шитьем.

Возглавлял её крестьянин Алексей Иванович Сухов, автор и исполнитель многих высокохудожественных рисунков на холсте. В 1931 году была создана экспериментальная мастерская, где все образцы для массового производства прорабатывались высококвалифицированными специалистами.

Определялись затраты времени на выполнение вышитых изделий с помощью хронометража, рассчитывалось количество материала для каждого

изделия, утверждались рисунки и расценки.

Они украшали одежду разнообразными сквозными, геометрическими орнаментами с тончайшими узорными разделками кружевных гипюров, отличающимися прозрачностью и изяществом узора, состоящего из сложного сочетания крупных звёзд, ромбов и розеток, расположенных на фоне сетки, получая гроши за свой нелегкий труд (илл. 37).

Своеобразная техника строчевой вышивки органично сочеталась с техникой игольного кружева – «гипюр», образцами которых могли служить орнаменты старинных рукописей и тканей, а также узоры, которые были составлены художниками (илл. 38).

В конце XIX века мастерицы достигают совершенства сновочной вышивки, вологодского и игольного кружева. Гипюры получили широкое распространение среди провинциальных и городских мастериц России. «Крестецкая строчка» является ведущим народным художественным промыслом Новгородского края, получившим признание и мировую известность. Некоторые мастерицы, совершенствуясь в шитье игольного кружева, достигли таких успехов, что кружево не уступало вологодскому, а даже превосходило его прозрачностью узора (илл. 39, 40). В селах и деревнях Валдайского, Крестецкого, Окуловского, Боровичского района была развита вышивка строчкой «на ломаной игле», которая превращала домотканое полотно в ажурные полотенца, скатерти и подзоры. Для создания строчевых швов из полотна выдергивали нити, превращая домотканое полотно в сетку, а затем оставшиеся нити перевивали иглой, создавая разнообразные узоры, отличающиеся чеканностью и рельефностью орнамента.

Изысканная красота белоснежных гипюров и их высокое качество исполнения принесли крестецкому промыслу широкую известность. Крестецкие изделия экспонировались на первой показательной выставке художественных промыслов России в 1911 году, на которой старорахинская мастерица Раиса Осиповна Тихонова демонстрировала выполнение строчевой вышивки.

Серебряная медаль, полученная на выставках в Берлине в 1914 году; серебряная медаль Фестиваля кружев в Брюсселе (1958 г.); успех в Канаде и Японии - гордость «Крестецкой строчки». На выставке в Берлине в 1914 году старорахинский «строчильщик», Александр Васильевич Кондрашов поражал всех своим виртуозным мастерством, создавая ажурные узоры.

Сочетание изысканности и практичности, обращение к старинным технологиям представляют крестецкую строчку на изделиях современной и востребованной людьми разных вкусов.

Промысел развивался в Новгородской области среди надомниц, после чего мастериц объединили в артель, а в 1929 году было создано кооперативное товарищество «Художественная строчка», предприятие, которое стало известным не только в СССР, но и во всем мире.

Важным этапом в развитии промысла стала организация в 1931 году Крестецкого межрайонного строчкового союза, который объединил многочисленные артели и мастерские. Была создана экспериментальная лаборатория «Строчпромсоюза», в которой разрабатывались все образцы гипюрные орнаменты и их комбинации высококвалифицированными специалистами. С помощью хронометража точно определялись затраты времени на вышивку нового изделия, расход ткани на каждое изделие, утверждались рисунки и стоимость изделий. В 1932 году на фабрике создаётся собственный музей для сохранения традиций и образцов тонкого искусства вышивки. Пётр Архиреев, глава кооперативного товарищества «Художественная строчка» начал сбор лучших работ мастериц-вышивальщиц старых артелей, что послужило основой коллекции.

В 1935-1936 годах продукцию крестецких мастериц закупали: Бельгия, Голландия, Швеция и другие страны, которые платили золотой валютой так необходимой нашей стране. Для развития строчкового производства были необходимы: сырьё и новые производственные площади, поэтому в 1936 году началось строительство фабрики «Крестецкая строчка», которая только до января 1942 года, во время войны прекращала свою работу, а экспонаты музея фабрики «Крестецкая строчка» были вывезены за пределы области, и переданы на хранение в запасники Свердловской картинной галереи.

Воздушность и красота крестецкой строчки – неповторимы. Изделия расходились по всему миру и участвовали в международных выставках, получая огромное количество наград. Уникальная вышивка экспонировалась в более чем 60 странах мира. Даже английская королева имеет комплект постельного белья, вышитый руками талантливых крестецких мастериц. Появление строчевой машинной вышивки с середины 1950-х годов не прервало традиций ручной вышивки. На фабрике «Крестецкая строчка» с 1959 года существовал цех ручной строчки и экспериментальная лаборатория, художники которой работали над созданием уникальных произведений декоративно-прикладного искусства с гипюрной вышивкой (илл. 41).

Вплоть до конца 2015 года легендарную новгородскую фабрику «Крестецкая строчка» ожидало медленное угасание, упадок и полное разорение, когда неожиданно для жителей города Крестцы фабрику выкупил предприниматель Антон Георгиев – владелец компании «Медовый дом».

К тому времени на фабрике трудились всего три вышивальщицы, здание находилось в критическом состоянии, были проблемы со светом и отоплением. Исчезало не просто производство, которое когда-то славилось на весь Советский Союз, но и русский народный промысел, истоки которого уходят к 1860-м годам.

После восстановления здания фабрики и создания достойных условий для работы собрали опытную команду мастериц-вышивальщиц, которые владели сложнейшим промыслом.

Сегодня на фабрике заняты 25 вышивальщиц, коллектив предприятия состоит более 60 человек, имеющих непосредственное отношение к ручному производству. Руководство тщательно анализирует рынок и учитывает возможности техники крестецкой строчки в современные требования, одежду можно носить в современном мире, и она соответствует всем современным тенденциям».

В настоящее время на фабрике «Крестецкая строчка» производятся как трудоемкие и сложные эксклюзивные авторские работы, которые создаются в рамках концепции развития самого промысла фабрики, так и классические изделия. Коллектив фабрики «Крестецкая строчка» участвовал в нескольких международных выставках, в том числе Парижской *Maison & Objet*. Этот уникальный промысел, который коллектив фабрики пытается сохранить, возродить и вернуть былую славу, внедряет уже в современные изделия для того, чтобы они были применимы, а не оставались просто историей.

4. Специфика технологических приемов крестецкой художественной вышивки

Крестецкая строчка является разновидностью белой строчки. Техника исполнения ее сложилась во второй половине XIX века на основе игольного кружева в селе Крестцы Новгородской губернии. Выполняется она по крупной сетке с тонкими столбиками-перемычками, на которой с помощью сновочных нитей создается геометрический орнамент в виде ромбов, розеток, звезд и россыпи мелких и крупных кружочков.

В крестецкой строчке по технике исполнения различают следующие швы-узоры: россыпной гипюр (илл. 30), старинный гипюр, сновочный гипюр,

сновочная крестецкая строчку «мыльный пузырь», «вологодское стекло», тарлата. При создании узора обычно используется какой-либо один из этих швов, но все узоры обязательно дополняются различными мережками.

В крестецкой строчке особенно распространены гипюры. Гипюр – это разновидность строчечного шитья, в котором преобладают воздушные нити (сновки) и плотные детали узора по крупной сетке (илл. 31). Выполняются гипюры, как и все остальные виды крестецкой строчки на ткани полотняного переплетения (белом или суровом льне, шелке, шифоне) из которого легко выдергивать нити. Для обвива сетки и нанесения сновочных узоров используют катушечные х/б нитки №40-60 и нитки мулине, для тонкого полотна и батиста х/б нитки № 80 и нитки мулине, для вышивки по шёлку и шифону используют натуральные, искусственные, синтетические и шелковые нитки №30, 33, 65. Для обработки зубчатого края изделия подкладывают нитки мулине в шесть сложений или катушечные нитки № 10, чтобы край зубца был плотным и рубчатым.

Орнамент крестецкой строчки отличается изяществом, прозрачностью узора, состоящего из сложного переплетения ромбов, розеток, звезд, расположенных на фоне сетки из крупных и мелких ячеек (илл. 35). Основной вид вышивки – сновочная строчка, которая представляет собой комбинацию вышивки по крупной сетке с мотивами, которые выполняются по дополнительно перекинутым сновкам, согласно композиции.

Выполнение строчечных мотивов разной формы в виде ромба, треугольника, угла и т.д. производится следующим образом: вспомогательной цветной нитью по счёту нитей швом «вперед иголку» намечается место расположения, форма и размер клеток необходимого для вышивки мотива орнамента по задуманной композиции изделия. Далее «гладьевым» валиком или «петельным» швом, в зависимости от вида вышивки, обшивается выбранная форма. Подрезав нити у «гладьевого» валика, выполняется выдерг для образования сетки внутри нужной формы. Народные мастерицы создали разнообразные приёмы не только выполнения сеток, но и разделок по ним, т.е. заполнения квадратов строчечными элементами по орнаменту и техническим приемам: «одинарная» и «двойная штопка», «настил», «воздушная петля», «паучок», «тень», «звёздочка», «листочки», «веер», «тарлата», «зубчики» и много других.

Копеечки. Выполняются на четырех ячейках сетки с дополнительными диагональными сновками путём последовательного перевива штопальным швом столбиков сетки и сновочных нитей по кругу. Когда копейка достигает

нужного размера, рабочую нить вкальвают в плотную её часть и делают переход к следующим ячейкам по столбику или сновочной нити, тем самым обвивая их.

Паутинка. Даёт очень лёгкий, изящный узор, напоминающий снежинку. Можно выполнять паутинку в одиночных клеточках, а можно рассыпать по всей сетке в шахматном порядке или группами в зависимости от рисунка. Нити для паутинки брать сильного кручения.

Сновки. Выполняются по сетке с крупными ячейками или на квадрате, состоящем из четырех ячеек. Иногда для вышивания сновок в ткани специально вырезаются квадраты, как в вырезном ажуре. Чтобы окружность быта более рельефной, её дополнительно обвивают по кругу.

В квадратах протягиваются нити рядами в разных направлениях. Эти нити скрещиваются в середине, а потом дополнительно обвиваются настилом. Получается узор в виде розеток и звездочек. Для каждого вида вышивки характерны свои приемы заполнения сетки. Этим они отличаются друг от друга по характеру орнамента и технологии выполнения.

Так, в белой строчке различают «нижегородский гипюр», где наряду с «воздушными петлями» и «штопками», применяются длинные стежки, образующие выпуклый рельеф в виде настила, который высоко поднимается над фоном сетки.

В крестецкой белой строчке, наряду с общепринятой «штопкой», «настилом», «паучком», применяются другие приемы, где плотные формы в виде ромба, кольца или треугольника, окружены легким узором из сплетения тонких нитей. В это время происходит не только техническое освоение различных гипюров, распространенных и в других центрах, но и их творческая переработка, создание уникальных «сновочных мотивов», которые применяются в многочисленных вариантах, как и «вологодские стекла». Здесь местные традиции народной строчки по перевити органично сочетались с техникой игольного кружева – гипюр. Разновидностью народной ажурной вышивки является сновочная строчка, которой владели только мастерицы Новгородской области, она представляет собой комбинацию вышивки по крупной сетке с мотивами, выполненными по сновкам. Сновками называются нитки, которые прокладывают поверх сетки или в местах, где соответственно узору предварительно удаляется ткань в виде квадрата или прямоугольника. Сновки закрепляют по краям строчечных мотивов в нужном направлении по горизонтали, вертикали или диагонали. По проложенным сновкам переплетением рабочей нити образуется геометрический ажурный узор.

Самым простым видом сновочной строчки является «старинный гипюр», имеющий сходство с вырезами, и «рассыпным гипюром», где дополнительные сновки с разделками образуют звездообразный узор, швы «рогожка» и «паучок» заполняют оставшиеся клеточки. Усложненным видом сновочной строчки является «сновочный гипюр», разновидность узоров которого существует в большом количестве в строчевом шитье.

Плотные розетки, образованные частым переплетением белых ниток, объединяются с узором, состоящим из россыпи мелких кружочков – «копеечек», «паучков», «медальончиков» или легких воздушных петель. Сочетание крупных звездчатых форм, заполненных легкими ажурными разделками, с небольшими снежинками образует красивый узор «вологодское стекло». Техника выполнения этого узора очень трудоемка и требует высоких профессиональных навыков. Основной узор декора почти всегда объединяется с широкими и узкими ажурными мережками. Сложные узоры мережек и разделок выполняются с помощью дополнительных сновок – ниток, проложенных по столбикам мережки в соответствии композиционного решения. Все узоры крестецкой строчки отличаются тонкостью и напоминают украшения из серебряной филигранны в ювелирном искусстве. Очень интересен узор «рассыпной гипюр», выполняющийся по сетке с крупными клетками, которая обвивается одновременно с заполнением узора. Часть сетки заполняется крупными и мелкими «паучками» и тройной «штопкой», «веером». В местах пересечения проложенных ниток по диагонали выполняются мелкие «паучки», а в местах пересечения столбиков сетки и проложенных ниток по двум диагоналям – «веера с обводкой», крупные «паучки», которые на фоне мелких кажутся россыпью драгоценных камней.

Своеобразным видом крестецкой строчки является вышивка «вологодское стекло», уникальность этой вышивки заключается в том, что каждый отдельный её элемент образует самостоятельные формы орнамента, которые по-разному сочетаются в узорах. По проложенным сновкам переплетением рабочей нити образуется ажурный узор геометрического характера, построенный на сочетании крупных звёздчатых форм, заполненных легкими ажурными разделками, наподобие пены, с небольшими снежинками, образует красивый узор, под названием «вологодские стекла». Все узоры крестецкой строчки отличаются тонкостью, напоминая украшения из серебряной скани.

Общими технологическими элементами строчевых ажуров «старинный гипюр», «мыльный пузырь», «вологодские стекла» являются;

- петельный шов (узкий, широкий, с настилом, без настила);

- гладевой валик (узкий, широкий);
- дополнительные швы (стебельчатый, гладь с настилом, декоративные сетки, бриды, «паучки», «паучки»).

Старинная традиционная технология вышивки «мыльный пузырь» получила свое название благодаря воздушным очертаниям и округлости узора, выполняющегося по крупной сетке (от 1x1 см до 2x2 см). Художественная вышивка «вологодские стекла» является непосредственным переходом от вышивки к игольному кружеву, колорит – белыми нитками по белой ткани. Практически во всех данных видах вышивки присутствуют ажурные разделки, стяги, ажурные фоны как уникальный вид самостоятельной художественной вышивки.

Вышивка выполняется в просветах вырезанной ткани по крупной сетке. Техника вышивки «мыльный пузырь», так назвали их народные мастерицы – прозрачные кружочки на тонкой, как паутинка сетке, сочетающиеся с многолучевыми звёздами.

Материалом для строчевышитых изделий служат хлопчатобумажные и шелковые ткани. Ассортимент крестецких строчевышитых изделий – наволочки, белоснежное столовое и постельное белье (в том числе банкетные скатерти, салфетки), дорожки, декоративные полотенца, женское и детское белье, женские блузки.

Таким образом, в течении многих лет одними из первых народов, проживающих на территории России и сумевших овладеть искусством игольного кружева, были новгородские и вологодские мастерицы. Работая по разреженной ткани, они создавали узоры «вологодское стекло», разрабатывали определенные способы исполнения вышивки, цветовую гамму орнамента, на который значительное влияние оказали западноевропейские образцы кружев, которые попали к крепостным мастерицам в начале XIX века. Знакомство с западноевропейскими кружевами обогатило технику шитья русского кружевного дела. Историко-региональные корни локальных видов традиционного прикладного искусства способствовали формированию особых приемов, которые позволили создавать новые виды сложной ручной вышивки.

Выставка в 2000 году в Русском музее показала высокий творческий потенциал и способность мастериц выполнять традиционные красивые, современные изделия разнообразного ассортимента – модные платья, получившие признание на международных показах моделей.

5. История и теория традиционной Псковской вышивки

Вышивка Гдовского района Псковской области является большей частью вышивок, распространённых по всему русскому северо-западу. Характерными чертами этой группы вышивок являются: обилие изобразительных мотивов, имеющих очень древние корни, выполнение вышивки двусторонним швом красными хлопчатобумажными нитями по белому полотну. Основной мотив вышивки: женская фигура в окружении всадников или птиц, часто замещаемая деревом жизни, одинаковые фигуры птиц, двуглавые птицы и кони (т.н. «ладья»).

Весьма вероятно происхождение большинства мотивов северорусских вышивок от зооморфных подвесок X-XIV веков, бытовавших на широком пространстве северной лесной полосы Европейской части России и имеющих финно-угорское происхождение. Не исключено постепенное сложение в новгородской земле вышивок указанного типа по мере исчезновения из быта зооморфных подвесок с сохранением в вышивке их тематики. Наблюдаются сходные черты в вышивке и узорном ткачестве Псковщины с аналогичными видами народного искусства северо-восточных районов Архангельской области. Общность техники выполнения мотивов геометрического орнамента в строчевых вышивках (ажурных, выполненных по разреженной ткани), наблюдается в некоторых образцах вышивки русского поселения Печорского района Псковской области и Мезенского района Архангельской области. Типично русской можно считать строчевую вышивку. В геометрическом орнаменте вышивки в ряде районов Псковской области изобилует мотив восьмиконечной звезды – один из господствующих мотивов у народов Прибалтики. В аналогичных видах народного искусства остальных областей России господствуют ромбические формы.

Кустарные промыслы в Псковской губернии развивались неравномерно. Одни промыслы угасали, другие бурно развивались. Огромное влияние на развитие куста промыслов оказал технический прогресс: многие кустарные производства заменили промышленными. В Псковской губернии не было художественных промыслов, поставленных на промышленную основу.

Изготавливались преимущественно изделия с различными видами художественной вышивкой для домашнего обихода. Одной из древнейших вышивок является полукрест, «роспись». В зависимости от характера шва различались: роспись, двусторонний шов или полукрест (вышивка выполнялась мелкими стежками), двусторонняя гладь, «набор», вышивка по выдергу – «филейная» (илл. 47).

К концу XIX – началу XX в. появляется тамбур, или крючковина (вышивка петельчатым швом), выполненная крючком или специальной иглой. Часто вышивка тамбуром сочеталась с двусторонней гладью. Орнаменты вышивок: геометрический, животный, растительный и архаичного типа несли в себе большую художественную и смысловую нагрузку. Традиционный персонаж псковской вышивки – Петух павлин (илл. 42).

Вышивка двусторонней гладью и тамбуром характерна для северо-западной части Псковского края. Псковская вышивка (илл. 45, 46).

Орнамент архаического типа. Символы неба и Земли (илл. 43, 44).

Излюбленным типом шитья была и вышивка по выдергу, по сетке. В вышивке преобладают цвета: белый, красный, затем синий, зеленый, жёлтый-золотой (илл. 48, 49).

Узоры по насыщенности цвета – это сдержанно нежные, то звонкие, чистые; чаще крупные, благородные, полные внутренней силы. Разнообразны орнаменты вышивок: геометрический, животный, растительный и архаичного типа. Вышивкой богато украшали полотенца, мужские и женские рубахи, передники, подзоры, рукавицы, косынки, платки (илл. 50).

Все узоры многозначительны, неповторимы, поразительно высокое качество исполнения вышивки. Украшенные на концах полосами орнамента, кумачовыми прошвами, кружевом, праздничные полотенца-иконники использовали в обрядах, по смыслу изображения символического орнамента оно было связано с отдельными этапами жизни человека на Земле.

В псковской вышивке, типичной для Русского Севера, преобладают архаические изображения женской фигуры с птицами в руках (Мать-Земля, принимающая Небесный Свет; из Союза Земли и Неба рождается жизнь) и древа-символа вечной, неумирающей природы. Все узоры многозначительны и неповторимы, поражает высококачественная техника шитья. Много общего с образами фольклора имеют другие мотивы вышивки: причудливые палаты с гульбищами, женщины в светлице, сторожевые башни с барсами охранителями, восьмиконечные звезды – цветы, называемые в народе «Иванов цвет». Большая часть довоенной коллекции прикладного искусства Псковского музея утрачена в годы Великой отечественной войны.

Основа современной коллекции предметов народного прикладного искусства XIX-XX веков была сформирована сотрудниками в ходе этнографических экспедиций после войны. В выставочных залах Поганкиных палат показаны предметы крестьянской одежды, представлены в витринах нарядные сарафаны, праздничные головные уборы замужних женщин –

платки «золотая головка», украшенные золотым шитьем, повседневные головные уборы – кика и повойник. В женском костюме большое значение придавалось головным уборам. Уникальный кокошник торопчанок, называемый в местном просторечье «шишак» давали в приданое (илл. 51, 52, 53). Число шишек (отсюда и название) на лобной части головного убора доходило до тридцати. Он был своего рода визитной карточкой Торопца и являлся не только украшением, но и надежным вложением средств, так как стоил целое состояние. При финансовом затруднении «шишак» можно было заложить или отдать на прокат на время свадьбы. Торопец – богатый купеческий город Псковской губернии славился роскошью костюма местных горожанок и купчих (илл. 59, 60).

Историк-краевед М.И. Семевский отмечает: «носили они сарафаны из парчи или штофной, или атласной ткани, распашные, на золотых и серебряных нитях, подпоясанные золотым поясом или широкой лентой. Рукава белых рубашек из батиста вышивались пышными узорами белой гладью и тамбуром, манжеты оформлялись кружевом. Такие костюмы стоили очень дорого (один кокошник – от 2 до 7 тысяч серебром) и передавались из поколения в поколение» (Женский народный костюм в России XVIII-XX веков из собрания Государственного Русского музея, 2013).

В Псковской губернии бытовал особый вид шелковой косынки (лиловой, голубой), вышитой золотыми нитками с подстилом. Косынка повязывалась вокруг головы особым образом. Такую косынку называли «золотая головка» (илл. 54, 55, 56). Подобные платки вышивались монахинями Иоанновского монастыря в Пскове на Завеличье. Концы такой косынки завязывали сначала сзади, а затем на лбу двойным узлом, таким образом, что она принимала вид шапочки с плоским доньшком и бантиком надо лбом. Лиловый или коричневый шелк фона почти не виден между плотными узорами шитья «по карте». Золотые узоры на белых шелковых или кисейных платках выполнялись битью – плоской металлической позолоченной нитью; тончайшими скрученными в виде спирали проволочками, миниатюрными круглыми блестками, которые позволяют достигать в вышивке необыкновенное богатство фактуры (илл. 57, 58).

Узоры в виде лилий и роз, гроздьев винограда очень рельефны, что кажутся чеканными, а не вышитыми (Женский народный костюм в России XVIII-XX веков из собрания Государственного Русского музея, 2013).

Технологические приемы, которые использовались для изготовления золотой нити, были двух видов и заключались в следующем: её делали из

металлической (серебряной, золотой или позолоченной серебряной) фольги толщиной около 0,2-0,5 мм; вытягивали из проволоки круглого сечения, накрученной на органическую основу. Чаще всего, её навивали на крашеную шелковую или льняную нить. Подобная технология характерна для эпохи раннего средневековья и фиксируется среди находок в Пскове.

Список источников информации:

- Алексеева, О. (2000). *Народный промысел «Крестецкая строчка»: из коллекции Русского музея, новгородского музея-заповедника, промысла «Крестецкая строчка»*. Москва: Palace Editions.
- Амброз, А.К. (1966). О символике русской крестьянской вышивки архаического типа. *Советская археология*, 1, 61-76.
- Богуславская, И.Я. (2006). *Народное искусство Каргополя*. Санкт-Петербург.
- Богуславская, И.Я. (1972). *Русская народная вышивка*. Москва.
- Богуславская, И.Я. (2009). *Народное искусство. Краткая энциклопедия*. Санкт-Петербург.
- Государственное бюджетное учреждение культуры Ленинградской области «Музейное агентство» (2010). Лужский историко-краеведческий музей.
- Динцес, Л.А., Большева, К. (1939). Народные художественные ремесла Ленинградской области. *Советская этнография: сб. ст, II*, 116-120. Москва, Ленинград.
- Дурасов, Г.П., Яковлева, Г.А. (1990). *Изобразительные мотивы в русской народной вышивке. Музей народного искусства*. Москва: Советская Россия.
- Ефимова, Л.В., Белогорская, Р.М. (1985). *Русская вышивка и кружево из собрания Государственного Исторического музея*. Ленинград.
- Женский народный костюм в России XVIII-XX веков из собрания Государственного Русского музея. (2013). Ленинград.
- Лебедев, С.В., Максимович, В.Ф. (2015). Русский Север: исторические и этнокультурные особенности формирования российского региона. *Человек и культура*, 6, 28-63.
- Лужский филиал Государственного бюджетного учреждения культуры Ленинградской области «Музейное агентство» – Лужский историко-краеведческий музей ИБ-918 (2010). Лужский историко-краеведческий музей.
- Маслова, Г.С. (1978). *Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник*. Москва: Наука.

- Некрасова, М.А. (2003). *Народное искусство России в современной культуре XX-XXI век*. Москва: Коллекция.
- Носань, Т.М. (2012). *Диссертация. Содержание и методы профессионального обучения технологии художественной вышивки будущих художников-мастеров*. Санкт-Петербург.
- Носань, Т.М., Лончинская, Т.Е. (2016). Изучение интеграции игольного и коклюшечного кружева в произведениях традиционного прикладного искусства. *Научное мнение: научный журнал*, 16, 103-106.
- Оршанский, А.Г. (1927). *Художественная и кустарная промышленность СССР 1917-1927*. Ленинград: Издание Академии художеств.
- Работнова, И.П. (1954). *Архангельская народная вышивка*. Москва.
- Русская вышивка XVII – начала XX века. Е. Моисеенко из собрания Государственного Эрмитажа. (1978). Ленинград: Издательство «Художник РСФСР».
- Русское народное искусство на Второй Всероссийской кустарной выставке в Петрограде в 1913 году: Репринт. Изд. 1914 года. (2008). Санкт-Петербург: Альфарет.
- Сорокина, М.А. (1985). *Народное искусство Ленинградской области из собрания Государственного Русского музея: Каталог выставки*. Ленинград.
- Страницы истории отечественного искусства. (2010). *Сборник статей по материалам научной конференции Государственного Русского музея. XVIII*. Ленинград.

Приложения

Илл. 1. Карта Ленинградской области

Илл. 2. Полотенце, домотканое Начало XX века ткань, ручная работа, вышивка
Размер: 216,0x39,0 см. С вышивкой. красными нитками, изображающий пышный побег с завитками и листьями, Украшено кружевом, вязанное крючком с фестонами по краю. Вышиты инициалы «А» и «Н». («А» это Акулина, а «Н» это Никита)

Илл. 3. Полотенце, домотканое Начало XX века ткань, ручная работа. Размер: 216,0x35,5 см. С вышивкой по выдергу белыми и красными нитками. На концах – белое кружево, вязанное крючком. Лужский историко-краеведческий музей. На концах серыми нитками; красными инициалы «Н», «Д». Концы обвязаны крючком зубцами

Илл. 4. Полотенце, хлопчатобумажное белое, на концах кружева вязаное крючком с изображением роз. Начало XX века. Материал, техника: вязание, ручная работа, ткань льняная. Размер: 246,0x35,0 см. Место создания: Ленинградская обл., Лужский р-он, Великое село, Ленинградской области. Лужский историко-краеведческий музей. На концах полотенца кружево, белого цвета, связанное крючком, с изображением цветов.

Илл. 5. Полотенце празднично-обрядовое. Водь. Начало XX века Деревня Бабино Кингисеппского уезда Ленинградской губернии.

Илл. 6. Обрядовое полотенце XIX в. Лен, хлопок, полотняное переплетение, двусторонний шов «роспись», кружево 37x106. Полотенце белое, украшено на концах вышивкой красными нитками, узкой прошвой из кумача и белым кружевом. Орнамент вышивки: трехчастная композиция из конской лады с всадником и двух женских фигур по обеим сторонам. Под композицией полоса вышивки, составленной из мелких птичьих ладей. Вепсы, Олонецкая губерния, Лодейнопольский уезд. 1908 г. Инв. №1353-5.

Илл. 7. Подзор. Деталь вышивки. Конец XIX – начало XX в. Петербургская губерния, Лодейнопольский уезд. Двустороннее шитье.

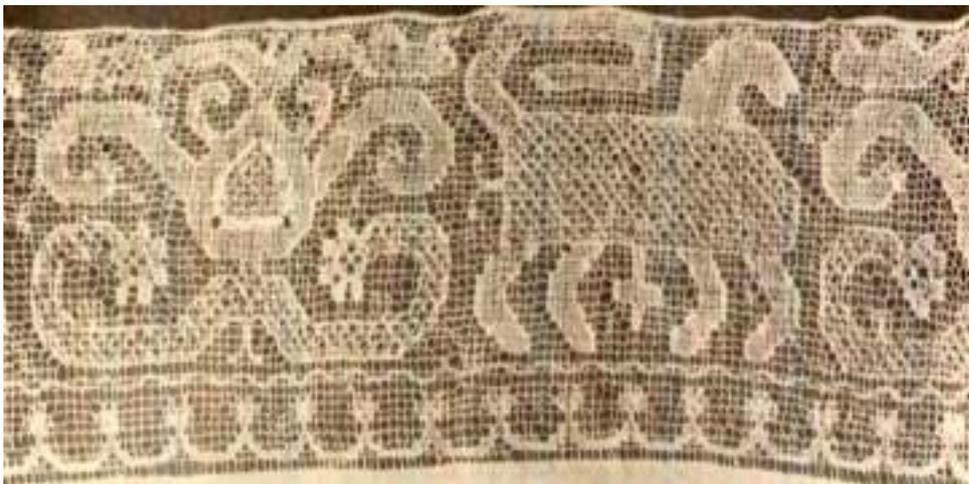
Илл. 8. Конец полотенца. Конец XIX – начало XX в. Вышивка по сетке шерстяной и х/б нитью. Вепсы. Ленинградская обл.

Илл. 9. Полотенце. Конец XIX – начало XX в. Вышивка «настил по сетке» шерстяной х/б нитью. Вепсы. Ленинградская обл.

Илл. 10. Подзор (фрагмент). Мастер Ф.В. Антонова. 1870-е годы. Вышивка тамбуром красными бумажными нитями по льняному полотну. Размер 31x202 см. Условно изображены двуглавые орлы с крыльями-ветвями. Лужский уезд, Петербургской губ.

Илл. 11. Подзор. (фрагмент). 1925 г. Вышивка по плетеной сетке белыми бумажными нитями. Размер 30x210 см. Изображены барсы с изогнутыми над спиной хвостами и маленькими головами. С. Вонозеро, Оятского района, Ленинградской области

Илл. 12. Конец полотенца.
Конец XIX в. Вышивка
«роспись», х/б нить. Ижоры

Илл. 13. Полотенце. Конец XIX – начало XX
в. Вышивка «перевив сетки», «набор»
шерстяной и х/б нитью. Вепсы.
Ленинградская обл.

Илл. 14. Конец полотенца. Вторая половина XIX века. Изображены четыре женские
фигуры с изогнутыми к талии руками с семью пальцами. Между головами фигур –
восьмиконечные звезды. Вышивка двусторонним швом красными бумажными нитями
по льняному полотну; кумач, вязание крючком из белых бумажных нитей. Размер 37 x
146 см. Вышивка вепсов: деревня Сидорово, Бокситогорского района

Илл. 15. Полотенце 1910 год. С узором в три ряда: в верхнем изображена большая птица с короной на голове, с поднятым крылом. В среднем ряду – две птицы по сторонам дерева. В нижнем волнистая ветвь. Вышивка двусторонним швом красными бумажными нитями по льняному полотну; строчка по перевити красными и белыми нитями, вязание крючком из белых бумажных нитей, 34x252 см. Деревня Сидорово Бокситогорского района

Илл. 16. Фрагмент подзора. Конец XVIII – начало XIX века. Псковская губерния. Печерский уезд Холст, нитки х/б, льняные. Вышивка «белая строчка по плетеной сетке», кружево. Русский Север

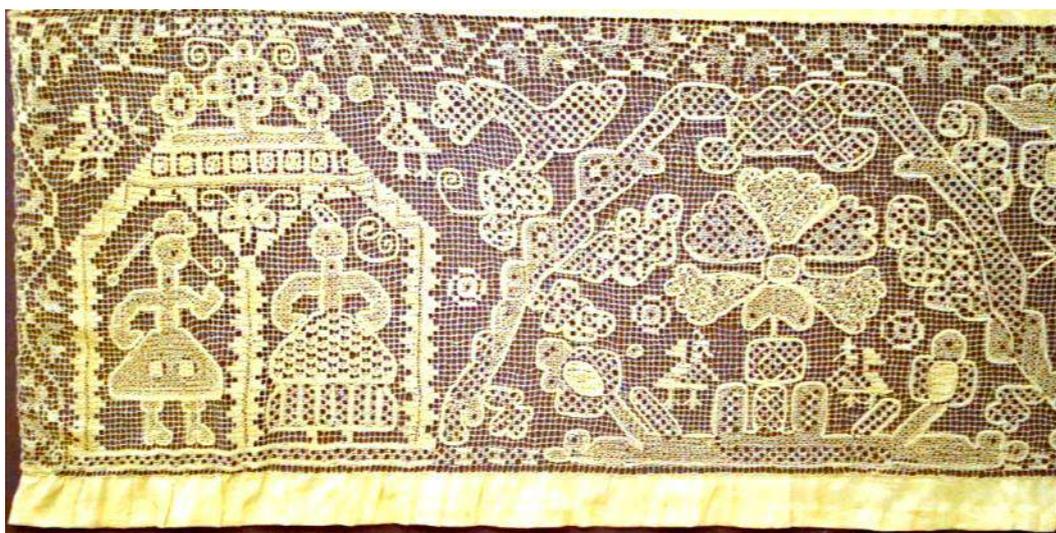
Илл. 17. Фрагмент подзора. Начало XIX – конец XX в. Холст, нитки х/б, льняные. Вышивка белая строчка. Русский Север

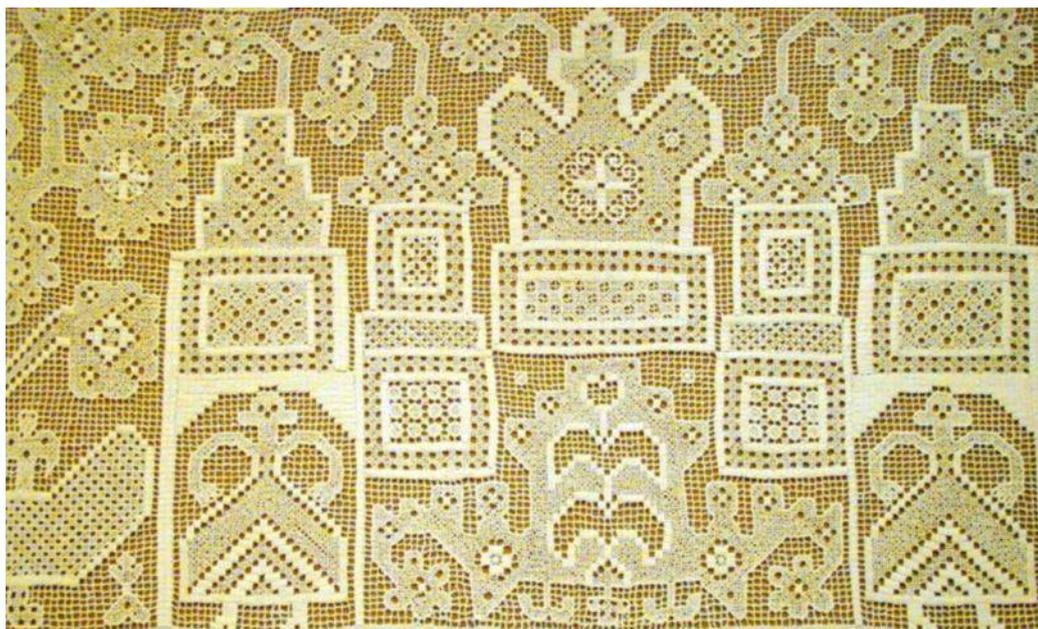
Илл. 18. Фрагмент подзора. Конец XVIII в. Холст, нитки х/б, льняные. Вышивка «строчка по плетеной сетке». Новгородская губерния

Илл. 19. Фрагмент подзора. Конец XVIII – начало XIX в. Лен, нитки х/б, льняные. Вышивка «строчка по перевити». Русский Север. Вологодская губерния

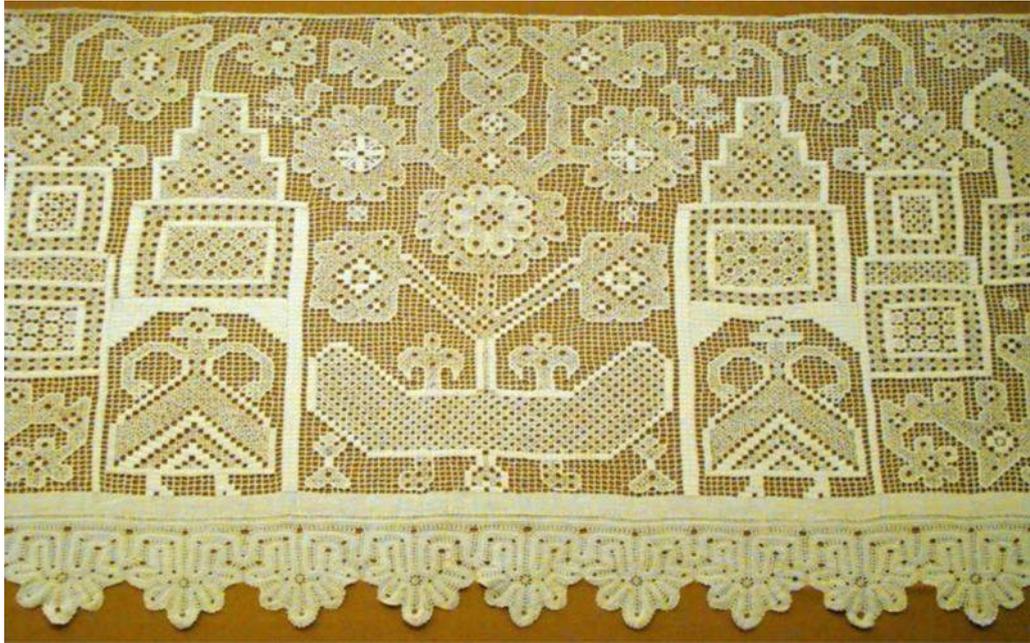
Илл. 20. Фрагмент подзора. Конец XVIII – начало XIX в. Лен, нитки х/б, льняные. Вышивка «строчка по плетеной сетке». Новгородская губерния

Илл. 21. Фрагмент подзора. Начало XIX в. Лен, нитки х/б льняные. Вышивка «строчка по перевити». 54x142 см. Новгородская губерния

Илл. 22. Фрагмент подзора. Конец XVIII в. Холст, нитки х/б льняные. Вышивка «строчка по перевити», «набор», двусторонняя гладь. Русский Север

Илл. 23. Фрагмент подзора. Конец XVIII в. Холст, нитки х/б, льняные.
Вышивка «строчка по перевити». Русский Север

Илл. 24. Фрагмент подзора. Начало XIX в. Устюг Великий, Вологодской губернии. Шитьё белой льняной нитью «строчка по письму», по полотну

Илл. 25. Фрагмент подзора. Конец XVIII в. Холст, нитки х/б, льняные. Вышивка «строчка по перевити». Русский Север

Илл. 26. Фрагмент подзора. Конец XVII в. Лен, нитки х/б, льняные. Вышивка «Строчка по письму». Русский Север

Илл. 27. Фрагмент подзора. Конец XVII в. Вологодская губерния. Лен, нитки х/б, льняные. Вышивка «строчка по перевити». Русский Север

Илл. 28. Фрагмент салфетки. Ручная строчка. Техника - разновидность «рассыпного гипюра со сновочными квадратами, мережками

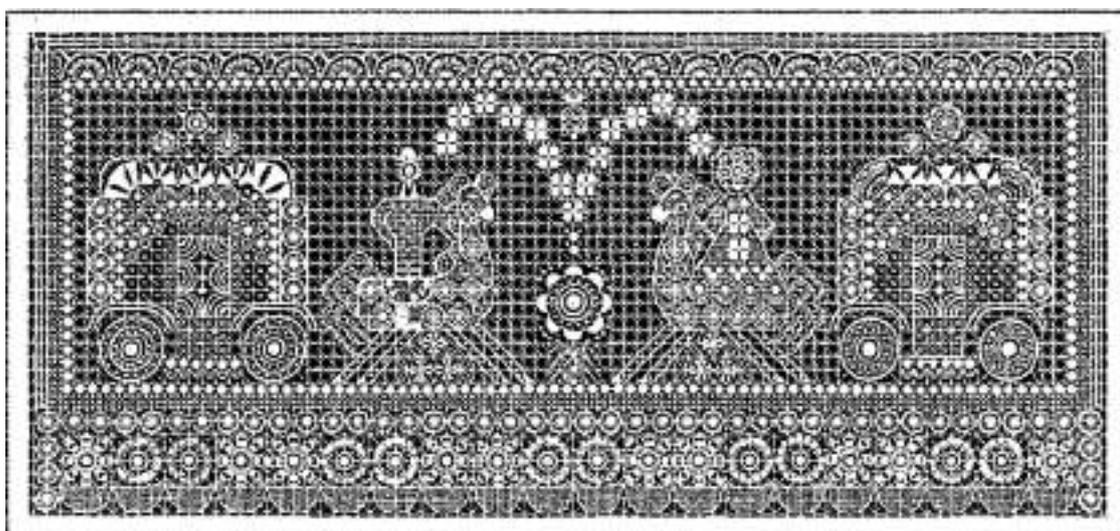
Илл. 29. Фрагмент салфетки. Ручная строчка. Техника – разновидность «рассыпного гипюра со сновочными квадратами, мережками «Столешник» 2016 г. 150x37 см. Лен, крестецкая строчка. Автор – Варфоломеева Юлия Николаевна. Новгородская область, пос. Крестцы. ООО «Крестецкая строчка».

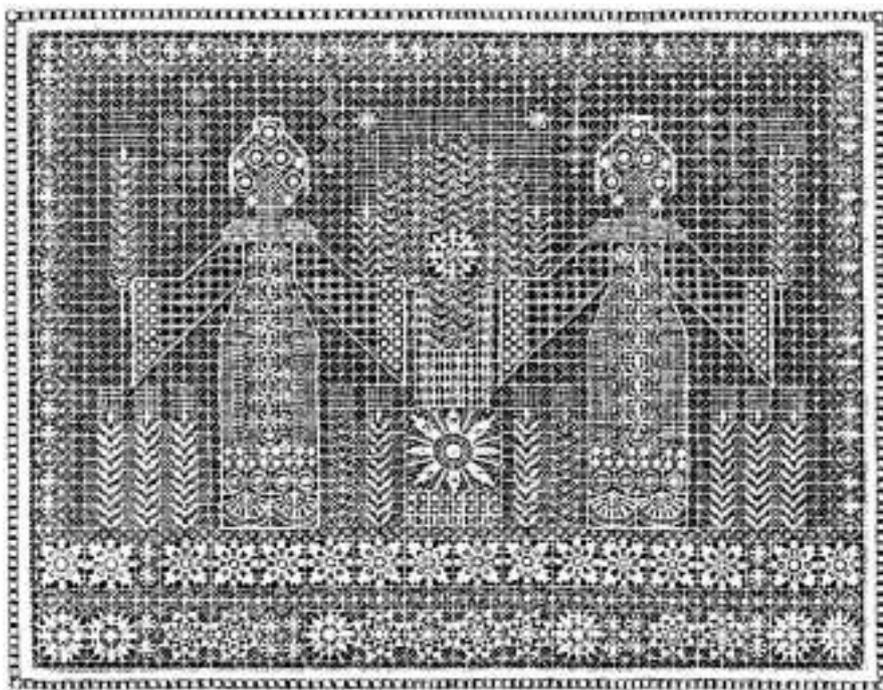
Илл. 30. Край полотенце. Рассыпной гипюр. Ручная вышивка. Крестцы, Новгородская область

Илл. 31. Край полотенца. Хлопчатобумажное полотно, х/б нить, ручная вышивка (крестецкая строчка). Крестцы, Новгородская область

Илл. 32. Панно «Свадьба». Ручная строчка. Техника – разновидность «рассыпного гипюра со сновочными квадратами, мережками» 1860 г. Новгородская обл., пос. Крестцы. Лен, крестецкая строчка. Автор – Варфоломеева Юлия Николаевна. ООО «Крестецкая строчка»

Илл. 33. Панно «Урожай». Ручная строчка. Техника – разновидность «рассыпного гипюра со сновочными квадратами, мережками 1983 г. Новгородская обл., пос. Крестцы. Лен, крестецкая строчка. ООО «Крестецкая строчка».

Илл. 34. Панно «Ремесло старинное мы не забудем». Ручная строчка. Техника – разновидность «рассыпного гипюра со сновочными элементами, мережками. Лен 1987 г. Автор – Сафронова З.П. ООО «Крестецкая строчка», Новгородская обл., пос. Крестцы

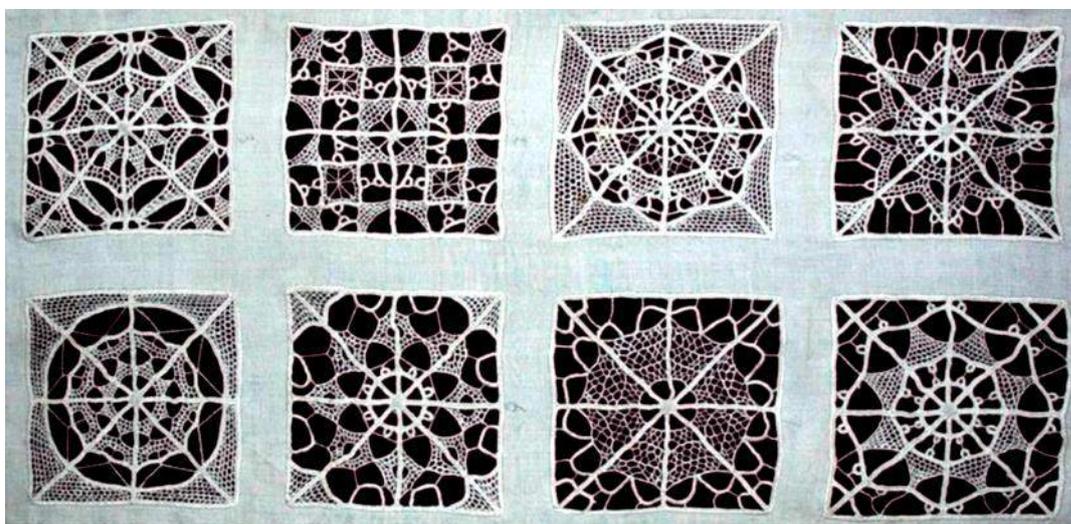
Илл. 35. Панно «Павлины». 1998 г. Автор Афанасьева М. А. Исполнитель Т.Ю. Морозова. Хлопчатобумажное полотно, х/б нить, вышивка (крестецкая строчка). Размер 105х60 см. Крестцы, Новгородская область

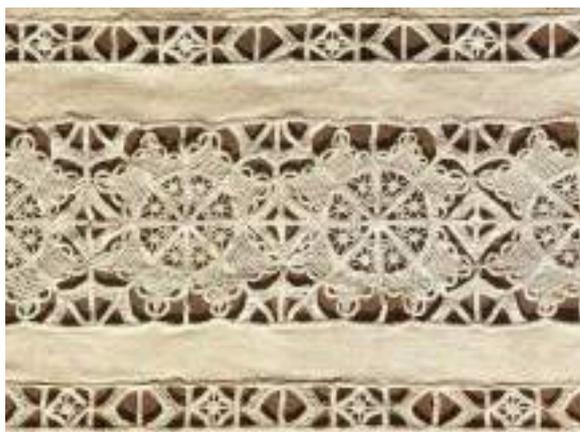
Илл. 36. Панно «Ремесло старинное мы не забудем». Ручная строчка. Техника – разновидность «рассыпного гипюра со сновочными элементами, мережками. Лен 1987 г. Автор – Сафронова З.П. ООО «Крестецкая строчка» Новгородская обл., пос. Крестцы

Илл. 37. Полотенце. (деталь) 1985 г. Автор: А.И. Кислена, О.Ф. Есауловка и З.П. Сафронова Хлопчатобумажное полотно, х/б нить, вышивка (крестецкая строчка, новгородское кружево, мережки).105х60 см. Крестцы, Новгородская обл. пос. Крестцы

Илл. 38. Образцы вышивки в технике «вологодские стекла» по льняному полотну. Крестецкая строчевая фабрика. Новгородская обл. пос. Крестцы

Илл. 39. Деталь дорожки. 1937 г. Льняное полотно, «вологодские стекла». Крестецкая строчевая фабрика. Новгородская обл. пос. Крестцы

Илл. 40. Деталь подзора 1937 г. Льняное полотно, «вологодские стекла». Крестецкая строчевая фабрика. Новгородская обл. пос. Крестцы

Илл. 41. Конец полотенца. 1976 г. Авторы М.Е. Ковальская и Н.П. Савельева. Льняное полотно, крестецкая строчка: рассышной гипюр, сновочные мотивы. Крестецкая строчевая фабрика. Новгородская обл.

Илл. 42. Конец полотенца. Плюсский уезд, д. Верхнее Ореховно. Начало XIX в. Лён, кумач, вышивка тамбуром

Илл. 43. Фрагмент полотенца. Плюсский уезд, д. Дуброво. Начало XX в. Лён, кумач, вышивка тамбуром

Илл. 44. Конец полотенца. Островский уезд, д. Захново. 1860-е гг. Лён, кумач, вышивка росписью

Илл. 45. Конец полотенца. Деталь вышивки. Конец XIX – начало XX в.
Псковская губерния, Порховский уезд. Шитьё тамбуром

Илл. 46. Конец полотенца. Деталь вышивки. Конец XIX – начало XX в.
Псковская губерния, Порховский уезд. Шитьё тамбуром

Илл. 47. Конец полотенца середина XIX века Псковская губерния

Илл. 48. Край полотенца. Конец XIX – начало XX в. Лен, х/б нити. Вышивка по выдергу – «филейная». ПГИМ, Паганкины палаты. Псков

Илл. 49. Край полотенца. Конец XIX – начало XX в. Лен, х/б нити. Вышивка по выдергу – «филейная». ПГИМ, Паганкины палаты. Псков

Илл. 50. Край полотенца Торопецкий уезд. Конец XIX – начало XX в. Лен, х/б нити. Вышивка «тамбур», «гладь», «косичка». ПГИМ, Паганкины палаты. Псков

Илл. 51. Кокошник. Вторая половина XIX в. Картон, бархат, ситец (подкладка), фольга, металлический шнур, блестки, жемчуг, шитье, стекла в гнёздах, перламутр, низание, золотое шитьё. Псковская губ., Великие Луки

Илл. 52. Женский головной убор, XVIII в. Парча, золотое шитье, низание жемчуга. Торопец, Псковская губерния

Илл. 53. Кика (женский головной убор). Вторая половина XIX в. Парча, штоф, жемчуг, золотое, шитьё. Псковская губерния

Илл. 54. Косынка в собрании Русского музея вышита жемчугом, и её узоры на очелье и концах не сияют золотом, а переливаются серебристыми бликами «перлов» Каталог выставки XVIII-XX вв., СПб, 2013

Илл. 55. Головной убор – косынка XIX век в собрании Русского музея Псковская губерния. Шёлк, золотое шитьё

Илл. 56. Головной убор – косынка XIX век в собрании Русского музея Псковская губерния. Шёлк, золотное шитьё. Вид сверху

Илл. 57. Фрагмент вышивки золотого шитья по карте для платка

Илл. 58. Платок XIX в. в собрании Русского музея. Псковская губерния. Кисея, канитель, золотное шитьё на проём и по карте

Илл. 59. Портрет женщины в старинном свадебном костюме Первая половина XIX в. Торопец, Псковская губерния. Холст, масло 60x49 см

Илл. 60. Старинный свадебный костюм. Первая половина XIX в. Торопец, Псковская губерния

European Scientific e-Journal

EU, Czech Republic, Hlučín-Bobrovníky

Publisher
Anisiia Tomanek OSVČ

Right to conduct publication activities
IČO: 06463371

Date of Issue
January 10, 2021

European Scientific e-Journal

ISSN: 2695-0243

ISSUE 1 (7)
January 10, 2021

EU, Czech Republic, Ostrava-Hlučín

ISBN: 978-80-907957-6-1

DOI: 10.47451/col-01-2021-007